

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 5 / 2019

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит ежемесячно.

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н., профессор;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., доцент;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист Республики Башкортостан;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибуллин А.Г., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист РФ;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н., доцент;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию

статей не взимается.

Символизм правового нормирования и технологии власти

Корнев А.В. Технологические революции и право.....3

Исаев И.А. Рождение властных технологий:
иерархия и «сеть».....11

Ретьев А.Г. Социальные и правовые нормы,
содержащие преимущества: от обычного права
к формально-определенному.....17

Ситникова А.И. Влияние конструкций
уголовно-правовых предписаний
на эффективность их реализации23

Ромашов Р.А. Право будущего:
традиция или альтернатива.....28

Напалкова И.Г. Правовая культура
как способ организации правовых систем.....33

Социальные проблемы права

Захарова М.В. Социально-правовой
статус и мировоззренческие платформы
ученых-компаративистов XIX века в России39

Данилов Е.О. Эволюция правового регулирования
медицинской деятельности в России (часть 2).....45

Балдин К.Е., Кузнецова О.А., Столяров Д.А.
Деятельность Владимирского сиротского суда
по опеке несовершеннолетних (2-я пол. XIX в.).....52

Ливенцев Д.В. Реализация классового подхода
к заключенным в 20-е гг. XX в.59

Храмцов А.Б. Проблемы в работе органов
городского самоуправления в сфере начального
образования населения Западной Сибири
(1908–1917)62

Марасов Ю.Г. Общественный контроль
в Советской республике в 1917–1934 гг.69

Владимирова О.В., Чернова В.О.
Истоки зарождения института бесплатной
юридической помощи в России по Псковской
и Новгородской судным грамотам75

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 10. Усл. печ. л. 10.

Номер подписан в печать 15.04.2019.

Номер вышел в свет 22.05.2019.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Роспечать — 47643 (на полуг.);

Объединенный каталог. Пресса России —

85492 (на полуг.).

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов
без письменного разрешения авторов статей
или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной
комиссией Министерства образования
и науки Российской Федерации для публикации
основных результатов диссертаций на соискание
ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

No. 5 / 2019

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. PI No. FC77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998. Published monthly.

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences,
candidate of pedagogical sciences, professor,
Honorary Worker of Justice of Russia;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences, professor;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, assistant professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor,
Honored lawyer of the Republic of Bashkortostan;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor,
Honored Scientist of the RF;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor,
Honored lawyer of the RF;
Cherdakov O.I., candidate of historical sciences,
doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences, assistant professor;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences, assistant professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I.,
Bely'kh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08.

Authors shall not pay for publication of their articles.

Symbolism of Legal Rule Setting and Technologies Of Power

<i>Kornev A.V.</i> Technological Revolutions and Law.....	3
<i>Isaev I.A.</i> The Origination of Technologies of Power: Hierarchy and Network	11
<i>Repyev A.G.</i> Social and Legal Rules Containing Advantages: From Common to Officially Consolidated Law	17
<i>Sitnikova A.I.</i> The Influence of Structures of Criminal Law Instructions on the Efficiency of Their Implementation.....	23
<i>Romashov R.A.</i> Law of the Future: Tradition or Alternative.....	28
<i>Napalkova I.G.</i> Legal Culture as a Means of the Legal System Arrangement	33

Social Issues of Law

<i>Zakharova M.V.</i> The Sociolegal Status and Worldview Platforms of the XIXth Century Comparatists in Russia.....	39
<i>Danilov E.O.</i> Evolution of Legal Regulation of Medical Activities in Russia (Part 2)	45
<i>Baldin K.E., Kuznetsova O.A., Stolyarov D.A.</i> Activities of the Vladimir Orphans' Court Related to Guardianship of Minors (the Second Half of the XIXth Century).....	52
<i>Liventsev D.V.</i> Implementation of a Class Approach to Prisoners in the 1920s.....	59
<i>Khrantsov A.B.</i> Issues of Operations of City Self-Government Authorities Concerning Primary Education of the Population of West Siberia (1908 to 1917).....	62
<i>Marasov Yu.G.</i> Public Control in the Soviet Republic in 1917 to 1934.....	69
<i>Vladimirova O.V., Chernova V.O.</i> Sources of the Origination of the Free Legal Aid Institution in Russia under the Pskov and Novgorod Judicial Charters	75

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 10.
Conventional printed sheet 10.
Passed for printing 15.04.2019.
Issue was published 22.05.2019.

Circulation 3000 copies.

Free market price.

Subscription:

Rospechat — 47643 (for 6 months);
United Catalogue. Russian Press — 85492
(for 6 months).
Printed by National Polygraphic Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publications of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Jurist Publishing Group

Технологические революции и право*

Корнев Аркадий Владимирович,
заведующий кафедрой теории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор
 kornev_av@rambler.ru

В статье рассматривается история технологических революций и смена технологических укладов, объясняется их характер и влияние на экономическую эволюцию общества. Предпринимается попытка установления взаимосвязи между содержанием технологических инноваций и правовыми формами их регулирования. Затрагиваются некоторые проблемы, которые стоят перед законодателями и политиками в условиях четвертой промышленной революции. Показывается роль науки и образования в так называемой «экономике знаний».

Ключевые слова: рынок, рыночная экономика, технологическая революция, технологический уклад, право, законодательство.

Technological Revolutions and Law

Kornev Arkadiy V.
Head of the Department of Theory of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Doctor of Law
Professor

The article reviews the history of technological revolutions and change of technological paradigms, justifies their character and influence on the economic evolution of the society. The author attempts to establish a connection between the content of technological innovations and legal forms of their regulation. The publication covers some problems faced by legislators and politicians in the conditions of the fourth industrial revolution. The author shows the role of science and education in the so-called knowledge-driven economy.

Keywords: market, market economy, technological revolution, technological paradigm, law, legislation.

Если следовать логике И. Бентама, выдающегося английского мыслителя, право всегда следует за собственностью, поскольку у них общая судьба. Пожалуй, с этим вполне можно согласиться. Меновая теория права, во всяком случае в лице ее самого яркого представителя профессора Е.Б. Пашуканиса, не сильно отличается от исторического материализма, который формирование права связывает с производством и обменом товарами.

На известной ступени развития, полагает Е.Б. Пашуканис, отношения людей в процессе производства получают вдвойне загадочную форму. Они, с одной стороны, выступают как отношения вещей-товаров, а с другой — как волевые отношения независимых и рав-

ных друг другу единиц — юридических субъектов. Наряду с мистическим свойством стоимости появляется не менее загадочная вещь — право. Вместе с тем единое целостное отношение приобретает два основных абстрактных объекта — экономический и юридический. Только в условиях товарного хозяйства рождается абстрактная правовая форма, т.е. способность иметь право вообще отделяться от конкретных правопритязаний¹.

Своеобразным водоразделом, который разделил историю человечества на «до» и «после», стала так называемая неолитическая революция, имев-

¹ Антология мировой правовой мысли : в 5 т. М., 1999. Т. 5. С. 688.

* Статья выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-29-161124.

шая место 12–14 тыс. лет до н.э. Как принято считать в современной науке, глобальный экологический кризис в буквальном смысле поставил перед человеком проблему его дальнейшего существования. Ответ выразился в том, что общество, пребывающее в дикости, постепенно перешло от так называемой присваивающей экономики к производящей. Раньше человек жил только тем, что могла дать ему природа. Охота, рыболовство, собирательство едва обеспечивали элементарное воспроизводство общества. Однако цивилизация возникает там и тогда, когда люди стали заниматься земледелием. Слово «культура» производна от «культивировать», то есть обрабатывать землю. Так, на смену первобытному обществу приходят раннеземельные цивилизации, которые иногда квалифицируют как протогосударства. В них со временем формируются три центра управления: храм, дворец и городская община. Из этих трех институтов постепенно возникает государство как институт публичной власти и неизбежное явление отчуждения общества от власти.

В этих раннеземельных цивилизациях имело место разделение труда, хорошо организованная система социального регулирования, которая опосредовала акты производства и обмена товарами. Так, со временем начинает формироваться право. Дошедшие до нашего времени агрокалендари древних шумеров свидетельствуют о великолепно организованной экономической деятельности. К слову сказать, именно шумеры изобрели деньги, которые во многом сломали бартерные отношения и с этого момента стали служить мерилем стоимости товара, выполнять функцию накопления. Несколько позже китайцы изобрели бумажные деньги, которые стали ходить наряду с металлическими.

Первые речные цивилизации поражают воображение своей культурой, наукой и в целом — уровнем развития. Но на этой стадии развития демиургом

истории становится государство и его олицетворение — царь, фараон.

Фараон был богом, дающим Египту часы и времена года, обильные воды и богатый урожай. Нил служил ему, и он открывал его пещеру. Для того чтобы дать жизнь Египту, царь возводил храмы и города. Царь одерживал военные победы, издавал законы, собирал налоги, приносил дары в гробницы своих вельмож. Первая задача государства — заботиться о том, чтобы народ был сыт. Однако власть заботилась и о прочном социальном порядке.

Одно из значений египетского слова «маат» — правосудие. Без функции правосудия невозможно себе представить египетского государства. Правосудие, по всей видимости, не было кодифицированным в виде статутов и прецедентов, а выражалось в праведности суда в отношении к личностям и казусам. Правитель, отправлявший правосудие, должен был осуществлять его с учетом нужд, лежавших, по существу, вне прямых задач правосудия. На государстве, таким образом, лежала ответственность за проявление инициативы, направленной на удовлетворение национальных нужд.

При этом сам фараон, по сути являющийся для своих подданных богом, был далеко не свободен в своих действиях и поступках. Диодор описывает царя Египта как раба правил: «День и ночь были расписаны по часам, в которые царю надлежало неукоснительно исполнять предписания законов, а не собственные желания»².

Экономика во все времена абсолютно доминировала над правом, впрочем, как и политика. Правовые формы лишь опосредовали отношения, которые складывались в экономической сфере, а более широко — во всех сферах жизни общества.

² Цит. по: Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж.А., Якобсен Т. Духовные искания древнего человека. В преддверии философии. СПб., 2016. С. 95.

И сегодня не потеряла своей актуальности позиция Ф. Энгельса: «...у политиков по профессии, у теоретиков государственного права и у юристов, занимающихся гражданским правом, связь с экономическими факторами теряется окончательно и потому юридическая форма им кажется всем, а ее экономическое содержание — ничем, во всяком случае, зависимым от юридической регламентации. На самом деле истоки права надо искать не в головах людей, а в экономических обстоятельствах, с которыми связана человеческая деятельность. Отношения между людьми упорядочиваются не по их произвольному желанию. Урегулированность и порядок в общественных отношениях являются именно формой общественного упрочения данного способа производства... Если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай и традиция и, наконец, санкционируется как положительный закон»³.

Аграрная революция представляет собой синтез силы животных и людей в целях организации производства, транспортировки и коммуникации. Производство продуктов питания все время росло, что стимулировало рост населения. На основе крупных поселений стали возникать города, что привело к урбанизации и расцвету городских агломераций.

Разумеется, не всякое изменение экономической основы жизни общества можно назвать революцией, что предполагает резкие и радикальные изменения. Человек живет в трех «мирах» — мире природы, мире техники (искусственно созданной техносфере) и обществе. Собственно говоря, формирование техносферы началось относительно недавно на общем фоне государственно-правовой истории человечества. В научной литературе правильно отмечается, что

в XVII в. произошла огромная культурная мутация. В Западной Европе, перетекая одна в другую, произошли четыре революции. Религиозная революция — протестантская Реформация изменила представление о Боге, о взаимодействии человека с Богом, а значит, и человека с человеком. Затем произошла научная революция, которая создала новое представление о мире, в том числе и о человеке. Она дала ему совершенно новый способ познания — науку.

Наука породила новый тип техники — прецизионную машину, которая стала основой современного промышленного оборудования. Возникла фабрика как система машин, стала реальностью индустриальная (промышленная) революция, которая перевернула организацию общества — и производство, и быт, и социальную структуру. Произошли и политические (буржуазные) революции, которые оформили все эти изменения как новый общественный строй. Возникло новое индустриальное общество, названное современным (обществом модерна). Возник новый человек, по своей культуре и самосознанию резко отличающийся от человека Средневековья. Возникла новая цивилизация, которую мы знаем как современный Запад⁴.

О промышленной революции есть основания говорить только тогда, когда социальные и природные системы дополняются еще одной — технологической. Человек в процессе своей эволюции создает искусственную, рукотворную систему, которая начинает оказывать обратное, причем огромное воздействие на социум и природу. Мы имеем дело с очевидным парадоксом. Люди, общество в целом, стремятся к прогрессу при всей неоднозначности этого термина, и соответственно, явления. И в то же время созданная и

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 6. Т. 21. С. 312.

⁴ Кара-Мурза С. Кризисное обществоведение. М., 2011. С. 25.

постоянно модернизируемая техносфера порождает некоторую зависимость от нее, и не просто зависимость, а имеющую угрожающий характер.

О причинах распада СССР написаны сотни книг, сняты десятки фильмов, имеется великое количество мнений. Представляется, что несколько в стороне, без должного внимания остался один вопрос, как раз связанный с техносферой. Ввод войск в Афганистан и Чернобыльская авария очень сильно подорвали позиции страны в мире. Упрек мирового сообщества был во многом обоснован. Страна располагает огромным количеством всевозможного оружия, включая атомное, но не в состоянии контролировать «мирный» атом. А дальше следовал вполне прогнозируемый «совет»: если вы не в состоянии обеспечить свою, а главным образом нашу безопасность, то, может быть, вам вообще отказаться от этих технологий? Из-за этой аварии в той или иной степени пострадали многие регионы. Конечно, инциденты на атомных станциях происходят с пугающей регулярностью во многих странах, но трагедия такого масштаба была впервые. Предполагается, что последствия аварии в Японии (Фукусима) также весьма ощутимы, особенно для биоресурсов. В океан попало огромное количество зараженной воды. Однако западные средства массовой информации не особенно обратили на это внимание. Строго говоря, от общественного мнения стараются скрыть факты подобного рода. Иногда это удается, а порой нет. Однако общество не хочет расставаться с привычными благами и комфортом и в то же время требует обеспечения безопасности, сохранения благоприятной среды обитания.

Итак, за аграрными революциями последовали промышленные. Исходным моментом промышленных революций принято считать вторую половину XVIII в.

Первая промышленная революция длилась с 1760-х по 1840-е годы. Ее пу-

сковым механизмом стало строительство железных дорог и изобретение парового двигателя, что способствовало развитию механического производства.

Вторая промышленная революция, начавшаяся в конце XIX в. и продлившаяся до начала XX в., обусловила возникновение массового производства, благодаря распространению электричества и внедрению конвейера. Как удачно высказался величайший промышленник XX в. Генри Форд, «назначение машины заключается в том, чтобы избавить человека от тяжелых работ и освободить его энергию для усовершенствования его интеллектуальных и духовных сил и для завоевания в области мысли и высшего творчества. Машина — символ власти человека над обстановкой»⁵.

Третья промышленная революция началась в 1960-х годах. Обычно ее называют компьютерной, или цифровой, революцией, так как ее катализатором стало развитие полупроводников, использование в 60-х гг. больших ЭВМ, в 70-х и 80-х — персональных компьютеров и сети Интернет — в 90-х.

Сегодня человечество стоит у истоков четвертой промышленной революции. Она началась на рубеже нового тысячелетия и опирается на цифровую революцию. Ее основные черты — это «вездесущий» и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный интеллект и обучающие машины.

Четвертая промышленная революция означает волны прорывов в самых различных областях: от расшифровки информации, записанной в человеческих генах, до нанотехнологий, от возобновляемых энергоресурсов до квантовых вычислений. Именно синтез этих технологий и их взаимодействие в физических, цифровых и биологических доменах составляет фундаментальное

⁵ Форд Г. Моя жизнь. М., 2014. С. 248.

отличие четвертой промышленной революции от всех предыдущих⁶.

Клаус Шваб — основатель и исполнительный председатель Всемирного экономического форума в Женеве (Швейцария) считает, что четвертая промышленная революция представляет собой новый этап в развитии человечества. Ее фундамент — три предыдущие промышленные революции, а движущая сила — растущая доступность новейших технологий. Эта революция только начинается, поэтому человечество может и обязано не только разрабатывать новые технологии, но и создавать более гибкие формы управления и позитивные ценности, которые изменят то, как мы живем, работаем, общаемся.

Новые технологии могут дать огромные преимущества экономике и обществу. Но опыт предыдущих промышленных революций показывает, что полностью воспользоваться их потенциалом можно только при условии решения трех важнейших задач. Для того чтобы прийти к процветающему будущему, мы должны:

- гарантировать, что блага четвертой промышленной революции распределяются справедливо;

- контролировать риски и негативные последствия четвертой промышленной революции;

- гарантировать, что четвертая промышленная революция будет происходить в интересах и под контролем государства⁷.

Сегодня прогресс нередко измеряют степенью внедрения каким-либо обществом технологических новшеств. Предыдущие технологические революции принесли с собой не только новые формы организации экономической деятельности, пока еще главной в истории человечества, но и серьезные издерж-

ки, например деградацию природных систем.

Наряду с технологическими революциями используется и такая категория, как технологический уклад.

«III уклад» (конец XIX — начало XX в.) — экономика нефти, стали, двигателей внутреннего сгорания. «IV уклад» — мир ракет, ядерной техники, компьютеров — начинается примерно с 1940-х годов. «V уклад» — микроэлектроника, информационные и биотехнологии — начинает формироваться с 1970-х годов. «VI уклад» — нанoeлектроника, биотехнологии. Он начался с 2000-х годов и исторически совпадает с четвертой технологической революцией.

Нашей стране необходимо извлекать уроки из истории. СССР заметно отставал от США и ведущих европейских стран в развитии микроэлектроники. Серьезное отставание имеет место и сегодня. За время так называемых реформ упущено драгоценное время. Стратегические предприятия были переданы в частные руки, соответственно, валютные средства оседали на личных счетах новоиспеченных владельцев. Такая же картина имела место и в газонефтедобыче. Созданная в нашей стране офшорная экономика не была ориентирована на развитие высоких технологий. В нашей стране под рентосырьевую экономику выстроены социально-экономическая и образовательная системы. Надо сказать, что положение дел только ухудшается. Точечные успехи в ВПК не должны никого успокаивать.

По данным Всемирного банка, Россия находится на 30-м месте в мире по экспорту высокотехнологичной продукции. В 2013 году было продано высокотехнологичной продукции на 8,6 млрд долл., в 2016 г. — только на 6,6 млрд долл. Общий экспорт Российской Федерации составил в 2016 г. 285,5 млрд долл. В том же году только высокотехнологичный экспорт КНР составил 496 млрд долл., ФРГ — 189 млрд долл., США — 153 млрд долл. Отсюда

⁶ Шваб Клаус. Четвертая промышленная революция. М., 2019. С. 16–17.

⁷ Шваб Клаус. Технологии четвертой промышленной революции. М., 2018. С. 29.

произрастают «торговые войны» администрации Трампа с КНР.

В 2017 году Малайзия собрала 27,2 млрд интегральных схем. В Российской Федерации было собрано меньше 1 млрд.

По оценкам РАН, в России в настоящее время 30% экономики страны относится к III технологическому укладу, 50% — к IV укладу (Росатом, ВПК, научно-образовательная сфера) и около 10% — к V укладу.

В США 20% экономики — IV уклад, 60% — V уклад, 10% — VI уклад. Отсюда неутешительный вывод: Российская Федерация отстает от США, Евросоюза и Юго-Восточной Азии на целый технологический уклад.

В результате «реформ» многие высокотехнологичные отрасли и предприятия были попросту уничтожены. Десятки, если не сотни тысяч ученых вынуждены были покинуть страну в поисках заработка. Но не только материальная сторона дела сыграла негативную роль. Наука и преподавание перестали быть престижными видами занятости. Негативные тенденции в сфере науки и образования не преодолены до настоящего времени. При этом говорится много правильных слов, но реальных дел по-прежнему мало. Nature Global Index ставит Российскую Федерацию на 18-е место в мире по научным публикациям. По сравнению с СССР это обстоятельство свидетельствует о рукотворной деградации научно-образовательной сферы.

Инерция СССР позволяет еще нашим школьникам с завидной регулярностью выигрывать международные олимпиады по физике и математике. Но сколько это еще может продолжаться? Между тем Министерство образования Англии объявило, что с 2019 учебного года эта страна переходит на... советскую систему школьного образования. Некогда общее образование и высшее в нашей стране были одними из лучших в мире. Сегодня ставится задача вернуться хо-

тя бы в десятку стран-лидеров. Так что же это за реформы, если мы мечтаем вернуться даже не к первенству, а всего лишь быть где-то рядом? Власти давно пора дать ответ обществу на этот не очень приятный вопрос. Всем же абсолютно понятно, что всегда, а особенно сегодня наука и образование представляют собой самый важный стратегический ресурс. Однако система административно-сырьевой ренты не особенно нуждается в инновациях. Она дает очень серьезный доход чиновникам и близким к ним бизнес-структурам. Им вроде бы ничего больше не нужно.

Уже было отмечено выше, что право развивается в контексте экономических преобразований. Как утверждали классики, право может тормозить развитие экономических отношений, и наоборот, развивать. Самый лучший вариант — адекватность правовых форм экономическим процессам. При всей условности можно констатировать соответствие права (закона) всем этапам технологических революций. Речь идет прежде всего о национальном праве.

В течение нескольких веков западная цивилизация была в авангарде экономического развития. Считается, что со времен Солона, величайшего реформатора, западный и восточный пути развития окончательно обособились. Что же так обеспечило успех Западу? Арнольд Тойнби, один из выдающихся историков XX в., характеризовал западную цивилизацию как «синтез национализма и технологий». Именно технологии позволили западным странам сравнительно легко обзавестись колониями, подчинить себе аборигенов, держать их в повиновении и нещадно эксплуатировать природные ресурсы завоеванных территорий. Англия, к примеру, испытывала свои атомные бомбы в Австралии.

Западная правовая система (романо-германская в странах континентальной Европы и англосаксонская в Англии и США) лучше других подходила для регу-

лирования экономических отношений. В силу этого, какого-то дисбаланса между правовой системой и экономической не было вплоть до третьей, а затем и четвертой технологических революций.

Первой страной, которая избрала западный вариант экономического развития (Революция Мэйдзи), была Япония. Известно, что свое экономическое законодательство она пыталась формировать при помощи французских юристов на основе Гражданского кодекса 1804 г. (Кодекс Наполеона). Поскольку он являл собой юридическое выражение философии Просвещения, а значит, противоречил устоям традиционного японского общества, то от услуг французских юристов пришлось отказаться. За основу было взято Германское гражданское уложение. Политическую модель Япония также была вынуждена принять, но уже под внешним давлением. США не только сбросили на японские города атомные бомбы, но и написали японскую конституцию. В роли авторов выступили штабные американские офицеры с юридическим образованием.

Обращает на себя внимание любопытный факт, а именно: все успешные экономические преобразования, особенно в странах Юго-Восточной Азии, начинались с правовой реформы. По замыслу правовые формы регулирования рыночных преобразований должны их немножко опережать. Это давало возможность достигать поставленных целей и развивать экономику в нужном направлении. В то время когда у нас якобы был застой (при ежегодном росте ВВП примерно на 3,5%), в КНР был принят Гражданский кодекс, который легализовал частную собственность и предпринимательскую деятельность.

При помощи права «азиатские тигры» придали экономическому развитию определенный, строго заданный импульс. Почти сорок лет государство держало монополию на осуществление кредитно-финансовых операций. Законодательство было призвано предот-

вратить офшоризацию растущей китайской экономики.

Ничего подобного в России не было. Хотя известно, что большая группа западных экономистов еще М.С. Горбачеву настоятельно рекомендовала землю, природные ресурсы, стратегические предприятия оставить в собственности государства. Были и рекомендации в части банковской системы. Они, естественно, не были услышаны. Ну а в годы правления Б.Н. Ельцина и вовсе все лакомые сегменты бывшей сверхдержавы попали в руки друзей и хороших знакомых «семьи» — эвфемизм, не нуждающийся в объяснениях. Правовая реформа была проведена с опозданием, и по факту она лишь зафиксировала статус-кво. Да и целей никто никаких не ставил, кроме личного обогащения.

Сейчас в юридической литературе настойчиво проводится мысль, что наше законодательство серьезно отстает от тех трендов, как принято сейчас говорить, которые намечаются в сфере технологий, включая финансовые. Много идет разговоров о криптовалюте, облачных технологиях, блокчейне, искусственном интеллекте, биткойне и проч. Но пока это только разговоры. Мы настолько серьезно отстали от того же Китая в этих сферах, что говорить о запаздывании права просто несерьезно. Поднебесная в 50 раз превосходит США по объему мобильных платежей.

Проблема есть, и мы должны понимать, что правовая сфера будет серьезно меняться под воздействием инноваций. Конечно, необходимо над этим работать. Но не стоит думать, что в технологически развитых странах нет такой проблемы. Она есть. Там серьезно задумываются об адекватности права современным тенденциям и в столь быстрых изменениях усматривают серьезную угрозу традиционным ценностям.

По мнению К. Шваба, в условиях, когда четвертая промышленная революция дала ускорение темпу изменений, перед структурами, создающими нормативно-законодательные акты, встали пробле-

мы беспрецедентного масштаба. Сегодняшние политические, законодательные и регулирующие органы часто ощущают, что события застают их врасплох и что они не в состоянии поспевать за скоростью технологических изменений и соответствовать значимости их последствий⁸.

⁸ Шваб Клаус. Четвертая промышленная революция. М., 2019. С. 88.

Как видим, аналогичные проблемы есть и в технологически развитых странах. Другое дело, что там право отстает от передовых технологий. В России пока технологии отстают. А это более серьезная проблема, чем просто юридические нюансы. Нужна срочная мобилизация. В противном случае мы так и останемся углеводородной, а значит, отсталой страной.

Литература

1. Антология мировой правовой мысли : в 5 т. М., 1999. Т. 5 : Россия. Конец XIX–XX в. / отв. ред. И.А. Исаев. 828 с.
2. Кара-Мурза С. Кризисное обществоведение : курс лекций / С. Кара-Мурза. М. : Научный эксперт, 2011. 464 с.
3. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. М. : Гос. изд-во политической лит., 1959. Т. 13. 805 с.
4. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. М. : Гос. изд-во политической лит., 1961. Т. 21. 782 с.
5. Форд Г. Моя жизнь : настольная книга предпринимателя / Г. Форд. М. : АСТ, 2014. 346 с.
6. Франкфорт Г. Духовные искания древнего человека: в преддверии философии / Г. Франкфорт, Г.А. Франкфорт, Дж.А. Уилсон, Т. Якобсен ; пер. с англ. Т.Н. Толстая. СПб. : Амфора, 2016. 286 с.
7. Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции / К. Шваб, Н. Дэвис; предисл. С. Наделла ; пер. с англ. К. Ахметова [и др.]. М. : Бомбора, 2018. 317 с.
8. Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб ; пер. с англ. М. : Эксмо, 2019. 208 с.

References

1. Antologiya mirovoy pravovoy my'sli : v 5 t. Moskva, 1999. T. 5 : Rossiya. Konets XIX–XX v. [Anthology of the World Legal Thought : in 5 vol. Moscow, 1999. Vol. 5 : Russia. The End of the XIX to the XX Century] / отв. red. I.A. Isaev — publishing editor I.A. Isaev. 828 s.
2. Kara-Murza S. Krizisnoe obschestvovedenie : kurs lektsiy [Crisis Social Studies : series of lectures] / S. Kara-Murza. Moskva : Nauchny'y ekspert — Moscow : Scientific Expert, 2011. 464 s.
3. Marx K. Sochineniya [Writings] / K. Marx, F. Engels. 2-e izd. Moskva : Gos. izd-vo politicheskoy lit., 1959. T. 13 — 2nd edition. Moscow : State Publishing House of Political Literature, 1959. Vol. 13. 805 s.
4. Marx K. Sochineniya [Writings] / K. Marx, F. Engels. 2-e izd. Moskva : Gos. izd-vo politicheskoy lit., 1961. T. 21 — 2nd edition. Moscow : State Publishing House of Political Literature, 1961. Vol. 21. 782 s.
5. Ford H. Moya zhizn : nastolnaya kniga predprinimatel'ya [My Life and Work] / H. Ford. Moskva : AST — Moscow : AST, 2014. 346 s.
6. Frankfort H. Dukhovny'e iskaniya drevnego cheloveka: v preddverii filosofii [The Intellectual Adventure of Ancient Man] / H. Frankfort, H.A. Frankfort, J.A. Wilson, T. Jacobsen ; per. s angl. T.N. Tolstaya. Sankt-Peterburg : Amfora — translated from English by T.N. Tolstaya. Saint Petersburg : Amphora, 2016. 286 s.
7. Schwab K. Tekhnologii chetvertoy promy'shlennoy revolyutsii [Shaping the Fourth Industrial Revolution] / K. Schwab, N. Davis ; predisl. S. Nadella ; per. s angl. K. Akhmetova [i dr.]. Moskva : Bombora — foreword by S. Nadella ; translated from English by K. Akhmetov [et al.]. Moscow : Bombora, 2018. 317 s.
8. Schwab K. Chetvertaya promy'shlennaya revolyutsiya [The Fourth Industrial Revolution] / K. Schwab ; per. s angl. Moskva : Eksmo — translated from English. Moscow : Eksmo, 2019. 208 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-5-11-16

Рождение властных технологий: иерархия и «сеть»*

*Исаев Игорь Андреевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igp@yandex.ru*

В статье освещается один из важных аспектов взаимодействия структур власти и технологий. Интенсивное развитие технологических средств («технологические революции») вызывают существенные, часто радикальные изменения в социальной, политической и правовой сферах. Одним из таких изменений становится разрушение традиционных иерархических структур власти и их замена сетевой структурой с невыраженным центром власти, тенденцией к множественности и управлению. Подобный плюрализм нередко ассоциируется с демократией, однако настоящие последствия подобной трансформации остаются не до конца проясненными.

Ключевые слова: власть, иерархия, система, сеть, управление, техника, технология, «машина на власти», функция, легитимация, норма, право, закон, демократия, справедливость, законность.

The Origination of Technologies of Power: Hierarchy and Network

*Isaev Igor A.
Head of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Honored Scientist of the Russian Federation
Doctor of Law
Professor*

The article covers one of important aspects of interaction between the structures of power and technology. Rapid development of technological means (technological revolutions) brings about significant, often radical changes in the social, political and legal spheres. One of such changes is destruction of the traditional hierarchical power structures and their replacement with the network structure with an indistinct center of power, a tendency towards multiplicity and management. Such pluralism is often associated with democracy, but the real consequences of such transformation still remain unclear.

Keywords: power, hierarchy, system, network, management, technique, technology, ruling machine, function, legitimation, rule, law, act, democracy, justice, legality.

Римское право в позднесредневековой Европе стало одним из технических инструментов установления авторитарной, административной и абсолютной монархической власти. Юридическая система формировалась вблизи и вокруг королевской особы и ради ее же пользы. И только позже, когда система стала ускользать из-под королевского контроля, а затем и обернулась против самой власти, встал вопрос о самих границах власти и ее прерогативах: мо-

нарх до этого момента был центральной фигурой в западной юридической системе и воплощением самого суверенитета. «Теория права... играла начинающая со Средневековья только роль подтверждения законности власти: живая, центральная проблема, вокруг которой ориентируется вся теория права, это была проблема верховной власти». Техника права здесь имела целью замаскировать скрытый во власти факт господства, указав на два решающих фактора:

* Статья выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-29-161124.

законные права суверена и узаконенные обязанности повиновения; система права была целиком подстроена под короля¹. Из теории «двух тел короля» становится очевидным, что «виртуальное тело», т.е. сам принцип властвования, играло здесь решающую роль, а физическое тело оставалась только знаком, которым система власти могла пользоваться до известного момента.

Развитие глобальной системы (и в первую очередь имперского права) может рассматриваться как дальнейшее развитие машины, устанавливающей процедуры непрерывной выработки и реализации договоренностей, ведущих к достижению системного равновесия, — машины, создающей постоянный запрос на власть. Эта машина предопределяет условия осуществления власти и действия на всем социальном пространстве: концептуальная неотделимость права на власть от ее осуществления утверждается здесь как априори системы.

Способность формировать систему фактически предполагается самим процессом ее формирования. «Как учили нас Фукидид, Ливий и Тацит, вместе с Макиавелли... империя создается не только на основе одной лишь силы, но и на основе способности представить эту силу залогом права и мира... Империя рождается не по собственной воле. Скорее ее вызывает к жизни и конституирует присущая ей способность разрешать конфликты. Создание Империи и ее акции вмешательства становятся юридически легитимными только тогда, когда империя включена в цепь международных соглашений, цель которых — разрешение уже существующих конфликтов: расширение империи определяется самой внутренней логикой конфликтов, которые она как раз и призвана разрешить»².

¹ Фуко М. Нужно защищать общество. СПб., 2005. С. 44–45.

² Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С. 28–29.

Политическое действие уже само по себе всегда есть особая техника, которой можно овладеть в тренировке и которой можно обучиться. И тот факт, что политика — это искусство, вовсе не препятствует такой попытке. Но там, где действует техника, обязательно существуют и правила, которые позволяют объективировать действия и их оценки, независимо от случайных качеств действующих лиц. Отыскание правил действия, справедливых для типических ситуаций, сочетается со случайностями игровой ситуации, поэтому «сесть на место противника, как бы постоянно вести игру вместе с ним — такова неотъемлемая часть любого соперничества». Однако это еще и техника «связывания», предполагающая не только вживание в ситуацию, но и подчинение ее себе: этот очевидно магический элемент хорошо был известен Макиавелли.

«Республика по своей конституции внимательна к событию», — утверждает Ж.Ф. Лиотар, а двусмысленность демократии несет в себе постоянный риск для республиканизма, который может быть легко заменен другой формой. И это только вопрос техники. «Идея имперского суверенитета как склонности к экспансии сетевой власти держится на соединении принципа демократической республики с идеей империи». В этой связи империя может быть понята как универсальная республика, сеть систем власти и контрвласти, структурированных в рамках лишенной линий раздела и включающей архитектуры: «империя в своем развитии распространяет и укрепляет унифицированную модель сетевой власти».

Начиная с XVI в. в Европе сформировалась форма суверенитета, воспринимавшая пространство как строго ограниченное, а границы — как всегда охраняемые, суверенитет модерна также был основан на такой идее границы. В имперском же понимании власть обнаруживает логику своего порядка всегда обновленной и всегда воссозданной

в экспансии: империя же являет собой уже открытое перманентно «расширяющееся пространство»³.

Реально существующая империя в силу одного только факта своего существования в пространстве и времени представляет собой ответ на вопрос о своем присутствии в знаках, ибо «для империи быть — значит связывать, а связывание подразумевает способность центра посредством транспортировки знаков достигать периферии и накапливать устремленные к центру послания». При этом сохраняется представление о реальном присутствии центра в самой удаленной точке. Империя являет собой систему «дистрибуции знаков величественности, доставляющих получателям определенное удовольствие». Сущность имперской телекоммуникации можно определить лишь исходя из ее модуса влияния и излучения⁴. Сетевая структура власти придает ей роль диспетчерского пункта и пункта управления системой одновременно.

Власть никогда не локализуется в одном каком-то определенном месте, она всегда возникает и растет там, где есть властное действие и противодействие ему, причем каждый индивид является одновременно и носителем власти, и тем, кто ее испытывает на себе и сопротивляется ей. В современных обществах властные механизмы формируются где-то внизу, а затем уже они принимаются глобальными, действующими в масштабе всего общества механизмами власти: власть тем самым носит дисперсный характер, она рассеяна во всем обществе и представлена массой разнонаправленных волей, из которых каждая имеет свою стратегию, направленную на достижение победы⁵.

У каждой детали мегамашины свое особое назначение, и только в их со-

единенном действии по-настоящему выявляется общая цель, стоящая перед агрегатом. Однако вполне возможен и непредвиденный выброс энергии такого агрегата («короткое замыкание»), который может нарушить работу целой сети. Этот выброс тем мощнее, чем большим запасом энергии она обладает, и чем резче проявлен в ней внутренний конфликт, тем выше разница потенциалов сталкивающихся энергий. Макс Вебер считал, что общества изменяются, когда происходит всплеск харизматической энергии, разрывающей путы старой, традиционной связанности, но в ходе «рутинизации харизмы» запас энергии исчерпывается и остается один лишь мертвый механизм.

Норберт Винер опасался, что при создании действующих машин пределы логики непредсказуемы и поэтому опасно делать предположения о том точном уровне, до которого мозг оказывается властелином машины». Опасность заключается в том, что обучающие машины работают быстрее человека, поэтому они вместе не могут работать без серьезных затруднений. «Машина может быть сконструирована так, чтобы абсорбировать поступающие в нее данные быстрее, чем они могут быть заложены, а мы можем не успеть выключить ее прежде, чем будет слишком поздно»⁶. (Жорж Батай в этой связи и на примере двух авторитарных политических режимов замечает: подобно бонапартизму фашизм «есть не что иное, как резкое оживление латентной инстанции суверенной власти. Он использует дремлющую энергию инородности, а инородному всегда свойственно “буйство”, чтобы, реализуя ее в социальном действии, формировать тем самым новый источник суверенной власти: борьба за власть идет здесь ради самой власти»⁷.)

³ Там же. С. 160–161.

⁴ Слотердаик П. Сферы. Т. II. СПб., 2007. С. 706–707.

⁵ См.: Фуко М. Нужно защищать общество. С. 11.

⁶ Цит. по: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. С. 470.

⁷ Батай Ж. Политическая структура фашизма // Литературное обозрение. 1995. № 123. С. 92.

Не следует, однако, рассматривать власть только как «феномен сплошного и однородного господина». Власть всегда находится в непрерывном движении и действительно функционирует только в форме сети. «Она никогда не локализуется здесь или там, она никогда не находится в руках некоторых, она никогда не присваивается как богатство или благо. Власть просто функционирует. Власть существует как сеть. Власть переносится индивидами, но она не накладывается на них. Сама власть ведет к конституированию и идентификации индивида, он становится результатом власти и ее посредником. Власть вырастает, поднимается, исходя из “бесконечно малых организмов, которые имеют свою историю”, используя собственную технику, тактику и технологию и все более общие формы глобального господства. Но не глобальное господство разделяется на множество направлений и отражается вплоть до низов, напротив, сами процедуры власти перемежаются и аннексируются глобальными феноменами, где они и включаются в игру властных технологий»⁸.

О сетевой форме власти, исторически и ментально сменяющей власть системы, весьма убедительно и, возможно, одним из первых сказал Мишель Фуко: мы существуем в условиях власти, которая берет на себя ответственность и за тело, и за жизнь. Власть не есть некий институт или структура, не какая-то определенная сила, это — лишь «имя, которое дают сложной стратегической ситуации, имеющей место в данном обществе». Власть не есть нечто, что приобретает, вырывается или делится, она осуществляется из бесчисленных точек в игре подвижных отношений неравенства и неуравновешенности. Множественные отношения сил, которые образуются и действуют в аппаратах, производствах и институтах, служат опорой для процессов рас-

щепления, которые пронизывают все социальное тело. В главнейших видах господства проявляются гегемонистские аффекты, пронизанные расчетом: «нет власти, которая осуществлялась бы без серии намерений и целей». Но это не означает, что существует некий субъект или «штаб», который бы изобретал и руководил бы ее рациональностью. Существует только сеть власти, которая функционирует в обществе. Рациональность власти есть рациональность тактик, сцепленных друг с другом и находящихся поддержку и опору вне поля их взаимодействия»⁹.

Тем самым властные связи существуют «как функции множественности, в которую включены также и точки сопротивления власти, у которых также может не быть единого центра, как и у той власти, которой они противостоят: сопротивления являются только другим полюсом власти, они неустранимы, иррегулярно распределены и рассредоточены в пространстве и времени». Они вызывают напряженности и тем самым — движение: республиканский принцип особенно глубоко «пронизан ферментом разложения реального сообщества... поскольку верховная власть здесь принадлежит не “народу”, а идее свободного сообщества». «Сетка отношений власти... образует плотную ткань, которая пронизывает аппараты и институты, в них не локализуясь. Также и масса точек сопротивления пронизывает социальные стратификации и единства». «Стратегическое кодирование этих точек сопротивления и делает возможной революцию подобно тому, как государство основывается на институциональной интеграции отношений власти; при таком анализе удастся избежать отсылки к системе “суверен — закон”, которая так долго очаровывала политическую мысль в Европе»¹⁰, — надеялся М. Фуко.

⁸ Фуко М. Нужно защищать общество. СПб., 2005. С. 48–50.

⁹ Фуко М. Воля к истине. М., 1996. С. 194–195.

¹⁰ Там же. С. 197.

Преобразование структуры власти в том или ином институте обычно объясняется вмешательством другого института власти, но это — лишь логически замкнутый круг. На самом деле отношения власти проницаемы для целого ряда процессов. Технологии власти нельзя назвать статичными: это — не чистые структуры: они постоянно меняются под действием большого числа факторов¹¹. И значительную роль здесь играет фактор времени или «устаревание системы, когда та перестает адекватно реагировать по модели “вызов — ответ”». Техническая система выражает внутренние совместимости по оснащению общества для каждой эпохи и без учета каких-либо границ; система же культуры обеспечивает в рамках некоего заданного общества уже существующую сплоченность во временном промежутке между его прошлым и настоящим.

Традиция и иерархия, свойственные политической системе, пришедшие к нам из прошлого, стоящие на пути сети, — этот постмодернистский символ предполагает уже полную и окончательную картину технизации мира.

Для инженера или информатика не существует ни святого места, ни священной границы. Зато традиционное пространство нравов, языков и мифов гетерогенно и поляризовано, прикреплено к почве и по природе своей более устойчиво. Идея о том, что можно осуществить культурную передачу с помощью только технических средств для традиции, — типичная иллюзия «коммуникативного общества» модерна, которая способна завоевать пространство, но не способна покорить время. «Обладание общим прошлым становится все более проблематичным по мере облегчения общего обладания информацией»¹², знание связано с прошлым и традицией, информация же ориентирована на будущее, однако

их конфликт происходит на почве настоящего.

Сеть возникает в результате соединения машины с другой машиной. Для участия в ее работе человеку остается все меньше места. Запустив однажды мегамашину, он выходит из нее сам.

Поначалу «технические средства, подобно болезни, проникающие в конкретные точки, кажутся почти чужеродными телами в той субстанции, в которую вторгаются». О чисто техническом пространстве можно будет говорить только тогда, когда «все эти точки соединяются подобно петлям, образующим единую ткань». И только тогда станет очевидной тотальность связей, а стиль органических конструкций окончательно восторжествует благодаря «открытию некоего стихийного языка при все возрастающей аскезе власти. Это и позволит преодолеть то переходное состояние, в котором ныне пребывает человечество». Конкретные «средства эпохи суть не препятствия, а пробные камни для творческой силы, степень которой определяется способностью использовать все эти средства целиком. Но это невозможно, пока еще сохраняется идея противоположности механического и органического миров: тогда в действие вступают новые законы, чья природа отнюдь не имеет уже чисто механического характера»¹³. Попытку соединить эти миры делает технологическая революция.

Предчувствия этих изменений носят в воздухе. Вот слова одного из современных авторов, увидевшего ту сторону прогресса, о которой не принято говорить: «Экзальтация чувства, возбуждаемого Мировой Сетью (пророчества, отражающие интенсивность потрясения), вновь актуализирует религиозные фантазмы Спасения или Греха, неотступно преследующего неминуемое Эльдorado “технофилов” и гарантированный ад “технофобов”».

¹¹ Фуко М. Безопасность. Территория. Население. СПб., 2008. С. 177.

¹² Дебре Р. Введение в медиологию. М., 2000. С. 20, 98.

¹³ Эвола Ю. «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера. СПб., 2005. С. 119–120, 127.

Налицо новый эсхатологический пыл: «клемят проклятую пагубность виртуального следа скорости, царство симулякра, яды и улады цифровой дереализации. Вдали маячит то ли Молох, то ли Голем, сметающие все на сво-

ем пути, неумолимый Большой Брат... Техника становится здесь гиперболическим синонимом Лукавого (или энтропии)»¹⁴.

¹⁴ Дебре Р. Указ. соч. С. 301.

Литература

1. Батай Ж. Политическая структура фашизма / Ж. Батай // Литературное обозрение. 1995. № 123. С. 92.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл; пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 783 с.
3. Дебре Р. Введение в медиологию / Р. Дебре; пер. С. фр. Б.М. Скуратов. М.: Праксис, 2000. 361 с.
4. Слотердаик П. Сферы. Макросферология. Т. 2: Глобусы / П. Слотердаик. СПб.: Наука, 2007. 1024 с.
5. Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. Е.А. Самарской. СПб.: Наука, 2005. 311 с.
6. Фуко М. Безопасность. Территория. Население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. Н.В. Суслова, А.В. Шестакова, В.Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2011. 543 с.
7. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: сб. / М. Фуко; сост., пер. с фр., коммент. и послесл. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. 446 с.
8. Хардт М. Империя / М. Хардт, А. Негри; пер. с англ.; под общ. ред. Г.В. Каменской. М.: Праксис, 2004. 434 с.
9. Эвола Ю. «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера / Ю. Эвола; пер. с итал. В.В. Ванюшкиной. СПб.: Владимир Даль, 2005. 186 с.

References

1. Bataille G. Politicheskaya struktura fashizma [The Political Structure of Fascism] / G. Bataille // Literaturnoe obozrenie — Literary Overview. 1995. № 123. S. 92.
2. Bell D. Gryadushee postindustrialnoe obschestvo: opy`t sotsialnogo prognozirovaniya [The Coming of the Post-Industrial Society: the Experience in Social Forecasting] / D. Bell; per. s angl.; pod red. V.L. Inozemtseva. Moskva: Academia — translated from English; edited by V.L. Inozemtsev. Moscow: Academy, 1999. 783 s.
3. Debray R. Vvedenie v mediologiyu [An Introduction to Mediology] / R. Debray; per. s. fr. B.M. Skuratov. Moskva: Praksis — translated from French by B.M. Skuratov. Moscow: Praxis, 2000. 361 s.
4. Sloterdijk P. Sfery`. Makrosferologiya. T. 2: Globusy` [Spheres. Macrospherology. Vol. 2: Globes] / P. Sloterdijk. Sankt-Peterburg: Nauka — Saint Petersburg: Science, 2007. 1024 s.
5. Foucault M. Nuzhno zaschischat obschestvo: kurs lektsiy, pročitanny`kh v Kollezh de Frans v 1975–1976 uchebnom godu [Society Must Be Defended: series of lectures given at Collège de France in the 1975–1976 academic year] / M. Foucault; per. s fr. E.A. Samarskoy. Sankt-Peterburg: Nauka — translated from French by E.A. Samarskaya. Saint Petersburg: Science, 2005. 311 s.
6. Foucault M. Bezopasnost. Territoriya. Naselenie: kurs lektsiy, pročitanny`kh v Kollezh de Frans v 1977–1978 uchebnom godu [Security, Territory, Population: series of lectures given at Collège de France in the 1977–1978 academic year] / M. Foucault; per. s fr. N.V. Suslova, A.V. Shestakov, V.Yu. Bystrova. Sankt-Peterburg: Nauka — translated from French by N.V. Suslov, A.V. Shestakov, V.Yu. Bystrov. Saint Petersburg: Science, 2011. 543 s.
7. Foucault M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti: sb. [The Will to Truth: On the Other Side of Knowledge, Power and Sexuality: collection] / M. Foucault; sost., per. s fr., komment. i poslesl. S. Tabachnikovoy. Moskva: Kastal — compiled, translated from French, commentary and afterword by S. Tabachnikova. Moscow: Kastal, 1996. 446 s.
8. Hardt M. Imperiya [Empire] / M. Hardt, A. Negri; per. s angl.; pod obsch. red. G.V. Kamenskoy. Moskva: Praksis — translated from English; under the general editorship of G.V. Kamenskaya. Moscow: Praxis, 2004. 434 s.
9. Evola J. Rabochiy v tvorchestve Ernsta Yungera [the 'Worker' in the Works by Ernst Jünger] / J. Evola; per. s ital. V.V. Vanyushkinoy. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal — translated from Italian by V.V. Vanyushkina. Saint Petersburg: Vladimir Dal, 2005. 186 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-5-17-22

Социальные и правовые нормы, содержащие преимущества: от обычного права к формально-определенному

*Репьев Артем Григорьевич,
докторант Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук
repev-artem@yandex.ru*

Автор подвергает анализу исторический период догосударственного развития общества и регулирования отношений социальными нормами и положениями традиционного (обычного) права через призму выделения преимущественного положения отдельных субъектов. Выдвигается тезис о присутствии природных, социальных и иных объективных факторов существования более выгодного положения некоторых членов общины по сравнению с другими, характеризующегося освобождением от обязанностей, нераспространением на них запретов и ограничений, послаблениями иного характера. На основе изучения правовых памятников и доктринальных источников делается вывод о первично казуальном характере правовых обычаев и традиций, устанавливающих преимущества в форме иммунитетов, льгот, привилегий. Впоследствии объективные процессы усложнения общественных отношений подтолкнули органы власти к использованию формально-определенных правовых источников (грамот, ярлыков, договоров нормативного содержания) и приданию им характера общеобязательности. Делается вывод, что нормы-преимущества, появившиеся одновременно с человеческими отношениями и имеющие многовековую историю, сегодня также не утратили своего значения в рамках регулирования отношений. Традиции, обычаи, предусматривающие отступления от равенства в пользу улучшения правового положения отдельных субъектов, находят прямое отражение в правовых системах ряда государств Азии, Африки и опосредованное — в странах романо-германской правовой семьи.

Ключевые слова: правовое преимущество, обычное право, традиция, обычай, равенство, иммунитет, привилегия, льгота.

Social and Legal Rules Containing Advantages: From Common to Officially Consolidated Law

*Repev Artem G.
Doctoral Student of the Saratov State Law Academy
Candidate of Legal Sciences*

The author subjects to the analysis the historical period of pre-state development of society and regulation of the relations by social norms and provisions of the traditional (usual) right through a prism of allocation of primary provision of separate subjects. The thesis about presence of natural, social and other objective factors of existence of more advantageous position of some members of community in comparison with others which is characterized by release from duties, non-proliferation of the bans on them and restrictions, eases of other character moves forward. On the basis of studying of legal monuments and doctrinal sources the conclusion about initially casual nature of the legal customs and traditions establishing advantages in the form of immunities, privileges, privileges is drawn. Subsequently, objective processes of complication of the public relations pushed authorities to use of formal and certain legal sources (diplomas, labels, contracts of normative content) and giving of the nature of all-obligation by it. The conclusion is drawn that the norms advantages which appeared along with the human relations and having centuries-old history, today also did not lose the value within regulation of the relations. The traditions, customs providing derogations from equality in favor of improvement of a legal status of separate subjects find direct reflection in the legal systems of a number of the states of Asia, Africa and mediated — in the countries of the romano-German legal family.

Keywords: legal advantage, common law, tradition, custom, equality, immunity, privilege, benefits.

Словосочетание «обычное право», исходя из современного теоретико-правового понимания, может рассматри-

ваться сразу в нескольких аспектах. Одним из них является его восприятие в качестве переходной, неразвитой формы

существования и институционального поведения и всего нормативного образования, для которых источниками выступает одобряемый социумом, властью обычай. К примеру, если речь идет о периоде родовой общины, рабовладения.

Подобная интерпретация, казалось бы, устоявшейся теоретической конструкции, тем не менее актуализирует обращение ученого сообщества к ее различного рода проявлениям. Например, через призму всеобщего равенства. Данный постулат хотя и оформился в качестве правового принципа на этапе развития первого поколения прав человека¹, но фактически имеет глубокую историю становления.

Равенство, как правило, во все времена воспринималось в качестве общественного идеала, и период перехода от обычного права к формально-определенному, думается, здесь не исключение. Тем ценнее, на наш взгляд, будет обратиться к данной проблематике под углом зрения отклонения от вышеназванного постулата в виде правовых преимуществ, установленных с целью придания более выгодного социального, экономического положения отдельным субъектам. Закрепляясь в нормах национального и международного права в форме иммунитетов, льгот, привилегий, особых правовых процедур, преимущества, весьма прочно вошедшие сегодня в структуру специального правового статуса личности, ранее в рамках учения об обычном праве не рассматривались.

В самом общем виде правовые преимущества, имея общеправовое, категориальное свойство, выступают в качестве инструмента получения отдельными субъектами дополнительных прав и возможностей, а также средства освобождения от выполнения обязанностей, неподверженности ограничениям и запретам.

¹ См.: Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1987. С. 258–259.

Отталкиваясь от такой формы восприятия обычного права, как исторически первичный источник регулирования отношений, следует обратить внимание на понимание социальной структуры человеческого общежития в целом. Для кровнородственных групп, племени характерно определенное «выравнивание» всех членов и неприятие автономной, индивидуальной личности. Исследования в области общинного строя расставляют акценты на превалировании интересов рода над отдельной личностью. Это, по мнению некоторых ученых², практически сводило на нет возможные проявления преимуществ одних людей над другими.

Полагаем, более правильным было бы вести речь не о преобладании равенства, а о приоритете ограничений в правах и возможностях. Изучение внутренних особенностей родовой общины подтверждает данный тезис — первичны все же были различные табу, запреты, рамки поведения³, направленные на сдерживание биологических инстинктов (к примеру, запрет на кровнородственную интимную близость).

Однако время доказало, что регулирование, направленное только лишь на сужение, лимитирование возможностей, малоэффективно. Необходимо сочетание средств воздействия: правил и исключений, запретов и дозволений, ограничений и преимуществ. На последнем остановимся подробнее.

Любой индивид, в какой бы коллективной форме ни оказался, всегда стремился проявить свои способности, умения, навыки, что заложило крепкий фундамент его достоинства, уважения внутри микрогруппы, а от них и свободы, неприкосновенности внутри социума.

² См., например: Ереган А.Р. Традиционное право в условиях самоуправления Киевской Руси // Общество и право. 2014. № 1 (47). С. 47.

³ См.: История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза / ред. кол. Ю.В. Бромлей (отв. ред.), А.И. Першиц, Ю.И. Семенов. М. : Наука, 1983. С. 244.

Мононормы-обычаи «не всегда угнетали и подавляли всякую личность; обычаи и общественное сознание давали и тогда выдающейся личности определенные возможности для самовыражения, инициативы, личной деятельности»⁴. Сильный в волевом и физическом отношении член родовой общины мог по праву рассчитывать на преимущества при распределении добычи, приоритет своего голоса на собрании и проч. Этот момент представляется: а) естественным, в силу природных качеств человека; б) объективным, по характеру складывающихся общественных отношений; в) закономерным, ввиду превалирования на тот момент права-силы над любыми иными социальными регуляторами.

Следовательно, не отрицая имеющиеся аксиомы, позволим себе выдвинуть гипотезу, что с учетом специфики данного периода развития человечества ограничения имели характер норм прямого регулирования, а преимущества — опосредованного, акцессорного. Норма-преимущество дополняла положение индивида, вытекала из основной нормы-табу.

Обычаи, традиции, мифы, ритуалы, как известно, еще не являлись правом в формально-юридическом смысле, но подготовили необходимый материал, создали задел для последующего формирования правовых систем⁵. Естественный характер преимуществ, обусловленный отсутствием зафиксированных средств их обеспечения, вовсе не означал, что они имели малогарантированное свойство. Сильнейшими рычагами действия были общественное одобрение или порицание, сила устоявшегося порядка, отталкивающиеся от авторитета конкретной личности⁶. В этом дихо-

томия правовых преимуществ: с одной стороны, они явление естественного, обычного права, а с другой — следствие права позитивного.

Для отечественной правовой доктрины такими «переходными» формами от обычного права к нормативному стали грамоты (судебные, княжеские), договоры земель удельной Руси (Новгородской, Полоцкой и др.) как между собой, так и со Швецией, Ригой, Готским берегом, а также «факты-символы»⁷, или «образы»⁸.

Среди всего многообразия грамот, как традиционного базиса права и законодательства Древней Руси, в силу предмета исследования нам более интересны такие их разновидности, как: льготные, несудимые, иммунитетные, проезжие. Они закрепляли особые права и возможности либо создавали условия неприкосновенности личности, собственности ключевых на тот момент субъектов отношений: послов иностранных государств, купцов⁹, людей церковных и проч.

Современная типология правовых преимуществ на такие наиболее крупные единицы, как *иммунитет*, *привилегия*, *льгота* и *особая правовая процедура*, позволяет усмотреть их проявление и в нормах обычного русского права. В качестве оснований наделения иммунитетом, привилегиями и льготами значилось, как правило: во-первых, имущественное положение субъекта; во-вторых, его родовое происхождение; в-третьих, характер осуществляемой им деятельности. Внутри каждой из социальных групп (чернь, люди, купцы) существовала еще и допол-

А.А. Васильева. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 94–95.

⁴ История первобытного общества : в 3 т. Т. 2 : Эпоха первобытной родовой общины / В.П. Алексеев, Ю.И. Семенов, Л.А. Файнберг [и др.]. М. : Наука, 1986. С. 546.

⁵ См.: Алексеев С.С. Теория права. М. : Изд-во БЕК, 1995. С. 44.

⁶ См.: Исаев И.А. Учредительное насилие: государство в революции // Государственная идеология: историко-правовые и теоретико-правовые аспекты : в 2 т. Т. 1 / под ред.

⁷ См.: Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М. : Норма, 2010. С. 105.

⁸ См.: Арановский К.В. Конституционная традиция и ее распространение в российском обществе : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 10.

⁹ См.: Емельянов А.С., Ларина О.Г. Привилегии в России: история и законодательство. М. : Юрист, 2017. С. 36.

нительная (половозрастная, личностно-статусная) иерархия.

Иммунитет чаще других разновидностей преимуществ находил свое отражение в нормах обычной правовой системы Руси. Так, Договор с Византией разделял субъектов преступлений *относительно материального достатка*, устанавливая дифференцированную ответственность для состоятельных и бедных: «Если же убийца окажется имущим, то ту часть его имущества, которая полагается ему по закону, пусть возьмет родственник убитого, но и жена убийцы пусть сохранит то, что полагается ей по обычаю. Если убийца окажется неимущим и (при этом) он бежал, то пусть окажется под судом до тех пор, пока не будет найден (если же будет найден, то), пусть умрет»¹⁰.

Другой источник раннефеодалного обычного права — «Русская Правда» укрепил проявление преимуществ одних членов княжеств перед другими через сословную, иерархичную организацию общества. Тем самым было упрочено второе из ранее обозначенных оснований правовых преимуществ — *родовитость, социальное происхождение*. Освобождение от ответственности свободного человека прослеживается по всему тексту инкорпорированного свода правовых обычаев. К примеру: «Если убьют дворецкого, мстя за (нанесенную им) обиду, то убийце платить за него 80 гривен, а людям (платить) не нужно»¹¹.

Должностное положение субъекта, как основание надления его правом на иммунитет от ответственности, преследовало цели создать дополнительные гарантии независимой, беспристрастной, социально полезной деятельности представителей князя на местах (тиунов, мечников, гридинов, дружин-

ников), его послов, направляемых с дипломатическими миссиями в иные княжества, а также купцов, осуществлявших торговые отношения. Другим примером преимуществ была *привилегия*, предусматривающая меры поддержки для наиболее активной части делового населения. Так, изъятие в отношении финансового бремени, установленного грамотой Ивана Ростиславовича Берладника от 1134 г., стало одним из первых свидетельств преимуществ купеческого сословия, позднее прочно вошедших в традицию отечественного и международного права: «Кнезь Берладськы сведчю купцем да не платет мыт у граде нашем»¹².

Выполнение важных политических, общественных функций создало основу и для надления субъектов *особыми правовыми процедурами*. К примеру, в Древней Греции проксены, являющиеся прообразом современных консулов, для беспрепятственной защиты прав иностранцев имели преимущественное право на рассмотрение дел в суде¹³.

Наконец, факты-символы, образы, в нашем понимании имели ключевой характер визуализации преимуществ в обычном праве, их отражения в правовой жизни с помощью различных знаков, медальонов, элементов одежды. Одним из примеров служит ношение венков (в том числе золотых) жрецами Древней Греции, являющихся атрибутом их специального правового статуса, сопровождающееся иммунитетами и привилегиями¹⁴. Упомянувшиеся ранее проксены для визуализации своего особого правового статуса вывешива-

¹⁰ Договор Руси с Византией от 911 года // Памятники русского права. Вып. 1 / под ред. засл. деят. науки, проф. С.В. Юшкова. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1952. С. 11.

¹¹ Русская Правда Краткой редакции (Закон русский). Ст. 19 // Памятники русского права. Вып. 1 / под ред. засл. деят. науки, проф. С.В. Юшкова. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1952. С. 83.

¹² Грамота Ивана Ростиславовича Берладника от 1134 г. // Памятники русского права. Вып. 2 / под ред. засл. деят. науки, проф. С.В. Юшкова. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1953. С. 26.

¹³ См.: Алиев Х.М. Правовые основы защиты консульским учреждением прав и интересов граждан и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 15.

¹⁴ См.: Ленская В.С. Привилегии и льготы жрецов в Древней Греции // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2013. № 13. С. 110–112.

ли на двери дома щит с изображением города-государства, которое они представляли¹⁵.

Общественные идеалы, ценности, заложенные положениями о преимуществах одних людей перед другими в период родовой общины и образования первых государственно-подобных форм организации власти, показали свою устойчивость. Сегодня обычное право также представляет собой основной социальный регулятор поведения человека в ряде стран. К примеру, исторически сложившиеся обычаи, традиции кыргызов и сегодня «поддерживаются государством»¹⁶. Современное индусское право также построено на преемственности всего бытия, а преимущества одних людей над другими обоснованы их интеллектуальными, физическими, материальными и иными различиями¹⁷. Последние есть следствие кармы, т.е. воздаяния вселенной за поступки человека, в том числе совершенные в прошлой жизни. Поэтому неравенство, заложенное кармой в результате неоднократных действий человека, неустранимо.

Подводя итоги представленного материала, можем отметить, что:

— преимущества отдельных людей в правах, возможностях в виде их приоритетной, первоочередной реализации либо в качестве освобождения от обязанностей, ограничений и запретов возникли еще до появления государства и права, первоначально носили

социальный характер, были обусловлены природными, естественно-биологическими особенностями индивида, стремлением его к самоутверждению внутри социальной группы (общины, рода);

— не имея полноценных формально-юридических качеств, преимущества закреплялись и обеспечивались в виде правовых обычаев, традиций, табу, ритуалов, передавались от одного поколения другому в виде пословиц, преданий, в результате чего им фактически придавался характер общеобязательности, однородности применения, гарантированности нормами социального одобрения, наполняемыми религиозным сознанием, мифологией;

— первые попытки придать нормепреимуществу характер формальной определенности были предприняты в отдельных государственно-подобных образованиях (княжествах, землях) путем издания грамот и ярлыков, а также заключения договоров между территориально-обособленными властями. Однако положения, закреплявшие более выгодный статус одного субъекта относительно другого, не были структурированы, систематизированы, носили казуистичный характер, продолжительность действия льгот, иммунитетов и привилегий зависела от обстоятельств (воли князя, преследуемой пользы и проч.);

— сегодня нормы обычного права выполняют важную регулятивную, охранительную функции. В силу опоры на положения религии, национальный менталитет, идеологию общества, они способствуют вкраплению правил поведения различных этносов в единое правовое пространство, снижают риски внутригосударственных конфликтов, обеспечивают преемственность законодательства и его эволюционное развитие.

¹⁵ См.: Алиев Х.М. Указ. соч. С. 15.

¹⁶ Конституция Кыргызской Республики (принята референдумом (всенародным голосованием) 27 июня 2010 г.). Ст. 37 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/>

¹⁷ См.: Тимошук А.С. Особенности правовой системы традиционного общества (на примере классического индусского права) // *Lex Russica*. 2006. Т. 65. № 5. С. 894.

Литература

1. Алексеев С.С. Теория права / С.С. Алексеев. М. : БЕК, 1995. 320 с.
2. Алиев Х.М. Правовые основы защиты консульским учреждением прав и интересов граждан и юридических лиц : дис. ... канд. юрид. наук / Х.М. Алиев. М., 2014. 150 с.

3. Арановский К.В. Конституционная традиция и ее распространение в российском обществе : дис. ... д-ра юрид. наук / К.В. Арановский. СПб., 2004. 413 с.
4. Государственная идеология: историко-правовые и теоретико-правовые аспекты : в 2 т. Т. 1 / под ред. А.А. Васильева. М. : Юрлитинформ, 2019. 312 с.
5. Емельянов А.С. Привилегии в России: история и законодательство / А.С. Емельянов, О.Г. Ларина. М. : Юрист, 2017. 136 с.
6. Ереган А.Р. Традиционное право в условиях самоуправления Киевской Руси / А.Р. Ереган // Общество и право. 2014. № 1 (47). С. 45–49.
7. История первобытного общества : в 3 т. / В.П. Алексеев [и др.] ; под ред. Ю.В. Бромлея. М. : Наука, 1986. Т. 2 : Эпоха первобытной родовой общины. Раннепервобытная община охотников, собирателей, рыболовов. 573 с.
8. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза / ред. кол. Ю.В. Бромлей (отв. ред.), А.И. Першиц, Ю.И. Семенов. М. : Наука, 1983. 432 с.
9. Ленская В.С. Привилегии и льготы жрецов в Древней Греции / В.С. Ленская // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2013. № 2 (40). С. 103–116.
10. Матузов Н.И. Правовая система и личность / Н.И. Матузов. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 294 с.
11. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию / В.Н. Синюков. 2-е изд., доп. М. : Норма, 2010. 672 с.
12. Тимошук А.С. Особенности правовой системы традиционного общества (на примере классического индусского права) / А.С. Тимошук // Lex Russica. 2006. Т. 65. № 5. С. 893–897.

References

1. Alekseev S.S. Teoriya prava [The Theory of Law] / S.S. Alekseev. Moskva : BEK — Moscow : BECK, 1995. 320 s.
2. Aliev Kh.M. Pravovy`e osnovy` zaschity` konsulskim uchrezhdeniem prav i interesov grazhdan i yuridicheskikh lits : dis. ... kand. jurid. nauk [Legal Bases of Protection of the Rights and Interests of Citizens and Legal Entities by a Consular Institution : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / Kh.M. Aliev. Moskva — Moscow, 2014. 150 s.
3. Aranovskiy K.V. Konstitutsionnaya traditsiya i ee rasprostranenie v rossiyskom obschestve : dis. ... d-ra jurid. nauk [The Constitutional Tradition and Its Distribution in the Russian Society : thesis of ... Doctor of Law] / K.V. Aranovskiy. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 2004. 413 s.
4. Gosudarstvennaya ideologiya: istoriko-pravovy`e i teoretiko-pravovy`e aspekty` : v 2 t. T. 1 [The State Ideology: Historical and Theoretical Legal Aspects : in 2 vol. Vol. 1] / pod red. A.A. Vasilyeva. Moskva : Yurlitinform — edited by A.A. Vasilyev. Moscow : Yurlitinform, 2019. 312 s.
5. Emelyanov A.S. Privilegii v Rossii: istoriya i zakonodatelstvo [Privileges in Russia: History and Laws] / A.S. Emelyanov, O.G. Larina. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 2017. 136 s.
6. Eregyan A.R. Traditsionnoe pravo v usloviyakh samoupravleniya Kievskoy Rusi [Traditional Law in the Conditions of Self-Government of Kievan Rus] / A.R. Eregyan // Obschestvo i pravo — Society and Law. 2014. № 1 (47). S. 45–49.
7. Istoriya pervoby`tnogo obschestva : v 3 t. [The History of the Primitive Society : in 3 vol.] / V.P. Alekseev [i dr.] ; pod red. Yu.V. Bromleya. Moskva : Nauka, 1986. T. 2 : Epokha pervoby`tnoy rodovoy obschiny`. Rannepervoby`tnaya obschina okhotnikov, sobirateley, ry`bolovov — V.P. Alekseev [et al.] ; edited by Yu.V. Bromley. Moscow : Science, 1986. Vol. 2 : The Epoch of the Primitive Kinship Community. The Early Primitive Community of Hunters, Gatherers, Fishers. 573 s.
8. Istoriya pervoby`tnogo obschestva. Obschie voprosy`. Problemy` antroposociogeneza [The History of the Primitive Society. The General Issues. The Issues of Anthroposociogenesis] / red. kol. Yu.V. Bromley (otv. red.), A.I. Pershits, Yu.I. Semenov. Moskva : Nauka — editorial board Yu.V. Bromley (publishing editor), A.I. Pershits, Yu.I. Semenov. Moscow : Science, 1983. 432 s.
9. Lenskaya V.S. Privilegii i lgoty` zhretsov v Drevney Gretsii [Privileges and Benefits of Priests in the Ancient Greece] / V.S. Lenskaya // Mнемон: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira — Mнемон: Research and Publications on the History of the Ancient World. 2013. № 2 (40). S. 103–116.
10. Matuzov N.I. Pravovaya sistema i lichnost [The Legal System and an Individual] / N.I. Matuzov. Saratov : Izd-vo Saratovskogo un-ta — Saratov : Publishing house of the Saratov University, 1987. 294 s.
11. Sinyukov V.N. Rossiyskaya pravovaya sistema. Vvedenie v obschuyu teoriyu [The Russian Legal System. An Introduction to the General Theory] / V.N. Sinyukov. 2-е изд., доп. Moskva : Norma — 2nd edition, enlarged. Moscow : Norm, 2010. 672 s.
12. Timoshuk A.S. Osobennosti pravovoy sistemy` traditsionnogo obschestva (na primere klassicheskogo indusskogo prava) [Peculiarities of the Legal System of the Traditional Society (on the Example of the Classic Hindu Law)] / A.S. Timoshuk // Lex Russica. 2006. Т. 65 — Russian Law. 2006. Vol. 65. № 5. S. 893–897.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-5-23-27

Влияние конструкций уголовно-правовых предписаний на эффективность их реализации

Ситникова Александра Ивановна,
профессор кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного университета,
доктор юридических наук, доцент
orcrimpravo@yandex.ru

В предлагаемой статье рассмотрены законодательно-текстологические конструкции уголовно-правовых предписаний и дана оценка эффективности их применения, исследованы конструктивные особенности уголовно-правовых предписаний, выявлены не только положительные моменты, но и негативные последствия правоприменения. Теоретическая значимость статьи состоит в предпринятой попытке осуществить дифференциацию уголовно-правовых предписаний на виды в зависимости от уровня их профилактического потенциала. Практическая значимость заключается в предложениях автора публикации, которые направлены на повышение профилактического потенциала бланкетных уголовно-правовых предписаний, на устранение необоснованной соотносимости верхних и нижних пределов альтернативных санкций ряда статей Особенной части Уголовного кодекса РФ, предусматривающих наказание в виде лишения свободы.

Ключевые слова: реализация уголовно-правовых предписаний, профилактический потенциал норм, санкция, противодействие преступности.

The Influence of Structures of Criminal Law Instructions on the Efficiency of Their Implementation

Sitnikova Aleksandra I.
Professor of the Department of Criminal Law of the Southwest State University
Doctor of Law
Associate Professor

The article considers the legislative and textual structures of criminal law prescriptions and assesses the effectiveness of their application, studies the design features of criminal law prescriptions, reveals not only the positive aspects, but also the negative consequences of law enforcement. The theoretical significance lies in the attempt to differentiate criminal law prescriptions into types depending on the level of their preventive potential. The practical significance lies in the author's proposals, which are aimed at increasing the preventive potential of blanket criminal law prescriptions, at eliminating the unjustified correlation of the upper and lower limits of alternative sanctions of a number of articles of the special part of the Criminal code of the Russian Federation, providing for punishment in the form of imprisonment.

Keywords: implementation of criminal law provisions, the preventive potential of the norms, sanction, counteraction of criminality.

При оценке эффективности противодействия преступности как основной задачи уголовного законодательства, сформулированной в ч. 2 ст. 2 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ), необходимо установить совокупное действие нормы закона и практики ее применения, то есть выявить эффективность реализации уголовно-правового предписания. Исследование уголовного законодательства на предмет оценки эф-

фективности реализации нормативных предписаний позволяет выявить не только положительные моменты, но и негативные последствия правоприменения, которые обусловлены наличием в законе предписаний, имеющих разный уровень профилактического потенциала.

По степени эффективности реализации уголовно-правовые нормы можно дифференцировать на три вида: нор-

мы с действенным профилактическим потенциалом, нормы с нулевым профилактическим потенциалом и нормы с антипрофилактическим потенциалом. Уголовно-правовыми нормами с действенным профилактическим потенциалом следует считать предписания, реализация которых способствует решению задач уголовного законодательства. Нормы с нулевым профилактическим потенциалом — это предписания, которые не дают никаких результатов в борьбе с преступностью, как если бы их не было вообще в уголовном законе. В качестве норм с антипрофилактическим потенциалом следует признать криминогенные предписания, которые прямо или косвенно способствуют совершению правонарушений.

Высоким профилактическим потенциалом обладают, например, предписания, сформулированные в ч. 2, 3, 4, 5 ст. 15 УК РФ, где с предельной ясностью и четкостью закреплены критерии дифференциации преступлений на категории тяжести: законодательное основание уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ); специальные правила назначения наказания за неоконченное преступление (ст. 66 УК РФ), при соучастии (ст. 67 УК РФ), по совокупности преступлений (ст. 69 УК РФ), по совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ); примечания, декриминализирующие деяния в силу добровольного отказа, и т.п.

К нормам с нулевым профилактическим потенциалом относятся предписания с бланкетными диспозициями и «перекреживающимися альтернативными санкциями». Теоретики права практику применения бланкетных норм признают неоправданной, громоздкой и произвольной в правовом регулировании¹. Результатом бланкетизации является постановка уголовно-правовых норм в прямую зависимость от других нор-

мативно-правовых актов, в том числе и подзаконных.

Для повышения профилактического потенциала бланкетных уголовно-правовых предписаний следует сформулировать примечания к статьям Особенной части УК РФ с бланкетными диспозициями. В примечаниях необходимо указать наименование нормативно-правового акта (актов) и источник их опубликования. Данные примечания позволят правоприменителю не заниматься сложной организационной работой по установлению нормативно-правовых актов, образующих бланкетную составляющую уголовно-правового предписания. В юридической литературе имеются предложения о включении в качестве приложений текстов законов или выдержек из них в Уголовный кодекс РФ². При таком подходе объем приложений многократно превысит текст уголовного закона. Постоянные изменения и дополнения, вносимые в нормативно-правовые акты, сделают эти приложения малопригодными для использования³. Правоприменителю нужны определенные ориентиры. Например, в примечании к ст. 222 УК РФ имеет смысл указать законодательство, которое предусматривает нормы об оружии.

На снижение профилактического потенциала уголовно-правовых предписаний оказывает влияние необоснованная соотносимость верхних и нижних пределов альтернативных санкций ряда статей Особенной части УК РФ, предусматривающих наказание в виде лишения свободы. Так, за незаконные действия с оружием, его основными частями, боеприпасами, предусмотренные ч. 2 ст. 222 УК РФ, закон определяет в качестве меры наказания лишение свободы на срок от 2 до 6 лет, по ч. 3 — от 5 до 8 лет. Фак-

¹ См.: Назаренко Г.В. Теория государства и права : учебный курс. М., 2006. С. 80 и т.д.; Общая теория государства и права. Т. 2 / под ред. М.Н. Марченко. М., 1998. С. 230.

² См.: Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2001. С. 248.

³ См., например: Федоров А.В. Российская уголовно-правовая политика и правовое содержание уголовного закона // Российский следователь. 2017. № 13. С. 42–49.

тически санкция по ч. 3 «поглощается» санкцией ч. 2, а максимальный срок по ч. 2 почти полностью соотносим с минимальным сроком, предусмотренным ч. 3 ст. 222 УК РФ. Соответственно, суд с учетом ч. 1 ст. 60 УК РФ может назначить лицу, совершившему сверхквалифицированное приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение оружия, его основных частей и боеприпасов (ч. 3 ст. 222 УК РФ), тот же срок наказания в виде лишения свободы, как и в случае совершения незаконных действий с оружием по ч. 2 ст. 222 УК РФ.

На основании выявленных закономерностей можно сделать вывод о том, что санкции ч. 2 и 3 ст. 222 УК РФ не обеспечивают соответствие размера наказания характеру и степени общественной опасности совершенного преступления. «Переkreщивающиеся» санкции способствуют утрате страха перед наказанием у лиц, склонных к совершению корыстных, насильственных и других преступлений. Проведенный нами опрос воров-рецидивистов показывает, что эти лица досконально ориентируются в санкциях в диапазоне их криминальной деятельности и пренебрежительно отзываются о санкциях, предусматривающих ответственность за квалифицированные и особо квалифицированные составы преступлений.

По справедливому утверждению профессора С.В. Бородина, в нормах Уголовного кодекса РФ необходимо устанавливать такие санкции, которые делали бы невыгодным занятие преступной деятельностью⁴. Повышения профилактического потенциала предписаний с альтернативными санкциями можно достичь за счет устранения перехода нижнего предела санкции особо квалифицированного состава в верхний предел санкции квалифицированного состава. Так, с использованием принци-

па соответствия верхнего предела квалифицированного состава незаконных действий с оружием в нижнем пределе особо квалифицированного состава следует предусмотреть лишение свободы по ч. 1 ст. 222 УК РФ — до 4 лет, по ч. 2 — от 4 до 6 лет, по ч. 3 — от 6 до 8 лет. Равным образом привести в соответствие с предложенным принципом альтернативные санкции других составов преступлений.

О низкой степени защиты экономической деятельности свидетельствуют криминологически не обоснованные санкции ст. 174 и 174.1 УК РФ, неадекватно отражающие степень опасности совершенных преступлений. Преступления, предусмотренные частями вторыми ст. 174 и 174.1 УК РФ, относятся к преступлениям небольшой тяжести, частями третьими — средней тяжести, частями четвертыми — тяжким.

Совершение легализации преступно приобретенных доходов является вторичным преступлением, которое следует за предваряющим легализацию преступлением. Цель легализации заключается в придании правомерности владению, пользованию и распоряжению материальными ценностями, полученными в результате ранее совершенных преступлений. Незаконное завладение крупными денежными средствами или иным имуществом, которое впоследствии подвергается легализации, совершается в результате незаконных действий с оружием, наркотиками и другими предметами. Любой вид легализации, независимо от категории тяжести совершенных действий, представляет повышенную общественную опасность, поскольку доход, полученный в результате совершения преступлений и последующей легализации, направляется как в легальный бизнес, так и на воспроизводство преступной деятельности.

Размер причиненного вреда по приданию правомерного вида преступно добытым материальным ценностям несоизмерим с санкциями, предусмотренными ст. 174 и 174.1 УК РФ. Санкции,

⁴ См.: Бородин С.В. Пути оптимизации выбора санкций при разработке проектов Уголовных кодексов республик // Советское государство и право. 1991. № 8. С. 73–89.

не соответствующие характеру и степени опасности совершенного преступления, в недостаточной степени противодействуют деятельности легализаторов. Криминологически обоснованная соотносимость санкции со степенью опасности совершенного деяния должна способствовать повышению эффективности и качества закона, а также профилактическому воздействию на адресатов нормы.

Низкий профилактический потенциал содержит предписание, закрепляющее конфискационные меры (ч. 1 ст. 104.1 УК). О низком потенциале этого предписания свидетельствует отсутствие в перечне преступлений, за совершение которых предусмотрена конфискация, корыстных преступлений против собственности. Отсутствие в конфискационном перечне ст. 158, 159–159.6, 160, 161, 162 УК РФ позволяет сделать вывод, что государственные органы не проявляют заинтересованности в воздействии на корыстную преступность путем применения конфискационных мер.

Минимальный профилактический потенциал имеют предписания, признающие различные формы соучастия как единый квалифицирующий признак. отождествление различных по степени общественной опасности форм соучастия имеет место в п. «ж» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 3 ст. 111, п. «г» ч. 2 ст. 112, п. «е» ч. 2 ст. 117, п. «б» ч. 2 ст. 131, п. «б» ч. 2 ст. 132, п. «в» ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 185, п. «в» ч. 2 ст. 191, ч. 2 ст. 204, ч. 2 ст. 213 УК РФ и др. Это означает, что в указанных уголовно-правовых предписаниях снижение профилактического потенциала по противодействию преступности в соучастии выражено в отрицании уголовно-правового значения дифференциации соучастия на формы по степени организованности ее соучастников. Причем такой подход «обесценил» высокую общественную опасность совершения преступлений организованной группой, поскольку данная опасная форма группового соучастия с распределением ролей юридически отождествлена зако-

нодателем с менее опасными формами соучастия: группой лиц и группой лиц по предварительному сговору.

Антипрофилактическим потенциалом обладают предписания, содержащиеся, в частности, в ч. 6 ст. 15⁵, ч. 2 ст. 30, ч. 2, 3 ст. 68 УК РФ. Законодатель, формулируя ч. 6 ст. 15 УК РФ, предоставил право суду по своему усмотрению менять категорию преступлений со средней тяжести на категорию небольшой тяжести, тяжкую категорию на категорию средней тяжести, а особо тяжкую — на тяжкую категорию. Законодательная дифференциация приготовительных действий на наказуемые и ненаказуемые (ч. 2 ст. 30 УК РФ) противоречит принципу неотвратимости уголовной ответственности и предоставляет возможность безнаказанно осуществлять приготовления к наиболее распространенным общественно опасным деяниям, таким как кража с незаконным проникновением в помещение или хранилище (п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ), грабеж (ч. 1 ст. 161 УК РФ), хулиганство (ч. 1 ст. 213 УК РФ), и другим (всего около 300 составов преступлений). Об антипрофилактическом потенциале нормативных предписаний, содержащихся в ч. 2, 3 ст. 68 УК РФ, свидетельствует содержание правил назначения наказания при рецидиве преступлений, в соответствии с которыми вид рецидива не влияет на назначение срока наказания.

В результате проведенного исследования влияния конструкций уголовно-правовых предписаний на эффективность их реализации стоит отметить, что законодательный подход к формулированию нормативного текста должен эффективно способствовать противодействию преступности в потоке политических, экономических и других социально значимых событий. При этом законодателя в первую очередь должны интересовать прак-

⁵ См.: Жарких Е.А., Прохоров Л.А. Изменение судами категории преступления: «вторжение» в институт рецидива преступлений и его уголовно-правовые последствия // Российский следователь. 2016. № 9. С. 31–35.

тически достижимые результаты, влияющие на состояние, структуру и динамику преступности. Прагматичность уголовно-правовых предписаний должна базироваться на идее достижимости «наилучших последствий» посредством реализации

нормативного текста. В этой связи в тексте уголовного закона следует минимизировать уголовно-правовые предписания, которые по своему профилактическому потенциалу не соответствуют задачам и принципам Уголовного кодекса РФ.

Литература

1. Бородин С.В. Пути оптимизации выбора санкций при разработке проектов Уголовных кодексов республик / С.В. Бородин // Советское государство и право. 1991. № 8. С. 73–89.
2. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман. М. : Центр ЮрИнфоР, 2001. 316 с.
3. Жарких Е.А., Прохоров Л.А. Изменение судами категории преступления: «вторжение» в институт рецидива преступлений и его уголовно-правовые последствия / Е.А. Жарких, Л.А. Прохоров // Российский следователь. 2016. № 9. С. 31–35.
4. Назаренко Г.В. Теория государства и права : учебный курс / Г.В. Назаренко. М. : Ось-89, 2006. 176 с.
5. Общая теория государства и права : академический курс : учебник для вузов : в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. М. : Зерцало, 1998. Т. 2 : Теория права / В.В. Борисов [и др.]. 620 с.
6. Федоров А.В. Российская уголовно-правовая политика и правовое содержание уголовного закона / А.В. Федоров // Российский следователь. 2017. № 13. С. 42–49.

References

1. Borodin S.V. Puti optimizatsii vy`bora sanktsiy pri razrabotke proektov Ugolovny`kh kodeksov respublik [The Ways of Optimization of the Choice of Sanctions in the Development of Drafts of the Criminal Codes of Republics] / S.V. Borodin // Sovetskoe gosudarstvo i pravo — Soviet State and Law. 1991. № 8. S. 73–89.
2. Gaukhaman L.D. Kvalifikatsiya prestupleniy: zakon, teoriya, praktika [Crime Qualification: Law, Theory, Practice] / L.D. Gaukhaman. Moskva : Tsentr YurInfoR — Moscow : Center UrInfoR, 2001. 316 s.
3. Zharkikh E.A., Prokhorov L.A. Izmenenie sudami kategorii prestupleniya: vtorzhenie v institut retsidiva prestupleniy i ego ugovolno-pravovy`e posledstviya [The Change of Crime Category by Courts: An Intrusion in the Crime Repetition Institution and Its Criminal Law Consequences] / E.A. Zharkikh, L.A. Prokhorov // Rossiyskiy sledovatel — Russian Investigator. 2016. № 9. S. 31–35.
4. Nazarenko G.V. Teoriya gosudarstva i prava : uchebny`y kurs [Theory of State and Law : academic course] / G.V. Nazarenko. Moskva : Os-89 — Moscow : Os-89, 2006. 176 s.
5. Obschaya teoriya gosudarstva i prava : akademicheskii kurs : uchebny`y kurs : dlya vuzov : v 2 t. [General Theory of State and Law : academic course : textbook for higher educational institutions : in 2 vol.] / pod red. M.N. Marchenko. Moskva : Zertsalo, 1998. T. 2 : Teoriya prava / V.V. Borisov [i dr.] — edited by M.N. Marchenko. Moscow : Mirror, 1998. Vol. 2 : Theory of Law / V.V. Borisov [et al.]. 620 s.
6. Fedorov A.V. Rossiyskaya ugovolno-pravovaya politika i pravovoe sodержanie ugovolnogo zakona [The Russian Criminal Law Policy and the Legal Content of Criminal Law] / A.V. Fedorov // Rossiyskiy sledovatel — Russian Investigator. 2017. № 13. S. 42–49.

Право будущего: традиция или альтернатива

*Ромашов Роман Анатольевич,
профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
профессор кафедры теории права и гражданско-правовых дисциплин
Института экономики и права
Петрозаводского государственного университета,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
kaf_tgp@mail.ru*

Рассмотрение времени как шкалы хронологических координат, используемых для измерения объективной (астрономической) и субъективной (социально-исторической) динамики развития государства и общества, позволяет дифференцировать два типа исторического процесса: линейный и циклический. В рамках линейной история непрерывна и развивается от начальной точки в направлении бесконечности. Циклическая история основывается на рассмотрении рождения (возникновения) и смерти (окончания) любого явления, в том числе государства и права, в качестве антагонистических и вместе с тем взаимно обуславливающих этапов социального развития. В таком понимании настоящего как «статического времени» не существует. Субъективное время складывается из «прирастающего прошлого» и будущего. Последнее, в свою очередь, может восприниматься как воспроизводимое современное и альтернатива ему. Сравнение постиндустриальных парадигм будущего в изложении зарубежных и отечественных авторов является основой для изложения авторской концепции правопонимания в ее привязке к общетеоретической модели интегративного понимания современного права.

***Ключевые слова:** государство, право, настоящее, современное, будущее, астрономическое и социально-историческое время, общественно-экономическая формация, линейная и циклическая история, волновая теория, аграрная, индустриальная, постиндустриальная культура.*

Law of the Future: Tradition or Alternative

*Romashov Roman A.
Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement
of the St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences
Professor of the Department of Theory of Law and Civil and Legal Disciplines
of the Institute of Economics and Law of the Petrozavodsk State University
Honored Scientist of the Russian Federation
Doctor of Law
Professor*

Considering time as a scale of chronological coordinates used to measure the objective (astronomical) and subjective (sociohistorical) dynamics of the development of a state and society allows differentiating between two types of historical process: linear and cyclic. As part of a linear story is continuous and develops from the starting point in the direction of infinity. The cyclical history is based on considering the birth (occurrence) and death (ending) of any phenomenon, including the state and law, as antagonistic and, at the same time, mutually stipulating stages of social development. In this understanding of the present, static time does not exist. Subjective time is made up of the growing past and the future. The latter, in turn, can be perceived as a reproducible modern and an alternative to it. Comparison of the post-industrial paradigms of the future in the presentation of foreign and domestic authors, is the basis for the presentation of the author's concept of legal thinking in its connection with the general theoretical model of integrative understanding of modern law.

***Keywords:** state, law, present, modern, future, astronomical and socio-historical time, socio-economic formation, linear and cyclical history, wave theory, agrarian, industrial, post-industrial culture.*

1. Понимание будущего на современном этапе социального развития

Настоящего как статичного (неизменного) во времени показателя (характеристики) состояния общественных

отношений в реальной жизни не существует.

Время как система измерения представляет собой систему координат, актуальную и значимую, только для того,

кто в ней находится. В таком понятии в смысле настоящего следует использовать термин «современное», означающий соучастие субъектов в социальных процессах, протекающих в рамках, совместимых для конкретных участников конкретных коммуникаций временных параметров.

Время делится на объективное астрономическое (календарное) и субъективное — социально-историческое. Выделение во времени прошлого и будущего актуально только для социально-исторического времени, применительно к которому прошлое можно измерять, описывать, анализировать, оценивать, но нельзя изменять. В свою очередь, будущее можно моделировать с той или иной степенью вероятности и достоверности. Будущее объективно. Оно наступит независимо от субъективного восприятия и отношения к грядущим перспективам. Понимание будущего предполагает две модели исторического развития: воспроизводимой в направлении бесконечности современности и альтернативной современности цикличной истории.

Будущее, возникающее в результате репродукции современности, по сути своей есть неизменное в социально-пространственных координатах и непрерывно прирастающее во временных координатах прошлое, становящееся с течением времени не старше, а наоборот, моложе. Конца социальной истории нет, исторический век рассматривается по аналогии с бесконечностью — историческим постоянством. Для марксизма такое историческое состояние ассоциировалось с переходом к коммунистической общественно-экономической формации, являющейся завершающей для изменяющегося исторического развития вехой начала «бесконечного во времени земного рая»¹. По мнению Д. Белла, это постиндустриальная эпоха как следствие

¹ См.: Зибарев М.В. К проблеме периодизации общественно-экономических формаций // В мире научных открытий. 2013. № 11-9 (47). С. 126–131.

завершения предшествующей ей эпохи индустриального общества². Для В. Суркова это вечный путинизм, установление которого связывается с выходом на «постоянные обороты машины долгого государства В. Путина»³. При этом во всех перечисленных моделях есть три последовательно сменяющих друг друга этапа, которые с определенной долей условности могут быть привязаны к временным периодам: прошлого — настоящего (современного) — будущего. Для К. Маркса это архаическая, экономическая, коммунистическая формации; для Д. Белла — доиндустриальный, индустриальный, постиндустриальный миры; для Суркова — русский мир до В. Путина, при В. Путине и в условиях «постПутинского путинизма». При этом в последнем концептуальном формате его автор идет даже дальше апологетов научного коммунизма, оперировавших персоналистскими концепциями марксизма, ленинизма, сталинизма... но все же выделявших в качестве «конца бесконечности» не персоналистскую, а обобщенную модель коммунистического мироустройства для всего земного, а в дальнейшем вселенского человечества.

Альтернативное будущее представляет собой иной по сравнению с современным путь социального развития, начинающийся с момента «окончания линейной истории», основанной на сохранении и воспроизводстве традиционной взаимосвязи предшествующего и последующего поколений.

Волновая теория Э. Тоффлера, в отличие от перечисленных концепций исторического развития, основывающихся на преемственности и взаимной обусловленности поколения отцов и поколения детей, оперирует качественно иной

² См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 944 с.

³ См.: Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. 11.02.2019. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата обращения: 21.03.2019).

методологией понимания социальной истории⁴.

Волна — следствие столкновения и противоборства двух антагонистических стихий, земной и водной. Жизнь зарождается в воде, однако со временем трансформируется в земное существование, тем самым порождая две формы: водную и земную, сосуществующие в таких же параллельных мирах, как бюрократическое государство и гражданское общество; правоохранительная система и организованная преступность; религия и наука.

Волна — порождение водного мира, средство преобразующего воздействия на земную поверхность. Взаимодействие волны и суши носит приливо-отливный характер. На определенном этапе волна может поглотить сушу либо, напротив, суша, вытеснив воду, может таким образом уничтожить волну. В любом случае история как некое измеряемое временными параметрами социальное состояние в контексте волновой теории не является линейной, а представляет собой сочетание замкнутых исторических циклов (локальных континуумов), которые, будучи связанными друг с другом, вместе с тем непосредственным образом друг друга не порождают и могут сосуществовать в качестве альтернативных (параллельных) социальных миров.

Подверженность волнообразным изменениям в таком понимании свойственна не столько государственным образованиям, сколько социальным общностям (сословиям, классам, стратам, ситусам (Д. Белл) и т.п.), а также отдельным личностям, которые могут адаптироваться к условиям иных циклов (социальных сред), живущих в своем, не совпадающем с другими циклическими системами социально-историческом времени.

В качестве примеров подобного рода сочетаний можно привести сосуществование в одних и тех же временных координатах рабовладельческих, феодальных и капиталистических отношений в США и Англии в XIX в., социалистических,

капиталистических государств и стран третьего мира в XX в. и т.п.

Если взять за основу рассуждений парадигму волнового развития цивилизации, то получается, что представители различных социальных систем, сосуществующих в современности, однако находящихся в дихронных социально-исторических временах, будучи способными к перемещению из одной социальной системы в другую, тем самым демонстрируют свои возможности к путешествиям не только в пространстве, но и в социально-историческом времени, адаптация к которому происходит в относительной независимости от воли государств, а также от национальных традиций.

2. Понимание права в парадигмах Д. Белла и Э. Тоффлера

Право в своем наиболее общем понимании представляет собой регулятивно-охранительную систему, объединяющую нормативные (типовые) модели (стандарты) общезначимого, общеобязательного поведения, обеспеченные соответствующими гарантиями (условиями реализации) и санкциями (последствиями реализации).

Рассмотрение права в неразрывной связи с государством позволяет говорить о последнем и как о субъекте права, и как объекте правового воздействия. В первом случае — государство ассоциируется с государственной властью, творящей право и распоряжающейся им по собственному усмотрению. В таком понимании права человека и международное право обладают юридической силой в том объеме, который предоставляется им государством, а понятие правового государства как политической структуры, ограниченной в своей организации и функционировании правом, лишено смысла, поскольку, будучи всего лишь инструментом, принадлежащим в качестве предмета собственности государству как владельцу, право не может ограничивать государственную волю, связанную с состоянием и применением правовых средств и технологий.

⁴ См.: Тоффлер Э. Третья волна. М.: Изд-во АСТ, 2004. 261 с.

Право для Д. Белла неразрывным образом связано с выделяемыми им эпохами. Доиндустриальная эпоха базируется на аграрной (сельскохозяйственной) культуре производства и основывающейся на этой культуре системе социальных отношений. Непосредственная связь проживающих на земле и прикрепленных к земле поколений «отцов и детей» предполагает восприятие в качестве основной формы права «закона отцов», в равной степени выраженного в обычае и государевом (царя-отца) указе. На смену традиционной культуре земли приходит механистическая культура индустрии, в которой сельские поселения вытесняются городами, а традиционное право, основывающееся на исторической неизменности традиции и неограниченном волюнтаризме государя, трансформируется в право как технологию, подчиненную в своем развитии объективным законам социальной экономики, эффективность которой определяется подлежащим измерению и оценке соотношением спроса и предложения; цены и качества производимых жизненных благ.

Национальное (государственное) право, равно как и производные от него составляющие — права человека и международное право, приобретает относительную самостоятельность и выступает для государства такой же объективной категорией, как и естественные и экономические законы.

В условиях индустриальной парадигмы меняется и само понимание государства как социокультурного явления.

Главенствующее в условиях аграрной культуры доиндустриального периода государство — kingdom, по сути своей производное от деспотической формы государственного устройства и государственного правления, с переходом к индустриальной эпохе сменяется семантической конструкцией state — обезличенным порядком механистической организации общества и общественного управления, в рамках которого право столь же постоянно и столь же трансформируемо, сколь постоянны и трансформируемы любые другие про-

изводственные технологии, независимо от того, определяют они порядок плавки стали, сборки автомобилей либо подготовку и смену профессиональных кадров на всех уровнях технологической цепочки, включая высших должностных лиц государственного конвейера.

Постиндустриальная эпоха для Д. Белла представляет собой своеобразный аналог безгосударственного коммунистического общества, в котором государственная бюрократическая власть сменяется меритократией (властью «достойных»); национальное законодательство — международным правом, основанным на естественных неотчуждаемых правах человека; на смену частной собственности, выраженной в вещной форме, приходит коллективная собственность на информационные ресурсы; а товарный дефицит сменяется дефицитом свободного времени.

Таким образом, будущее по Д. Беллу, построено примерно по той же схеме, что и у других представителей диалектической концепции исторического развития, по мнению которых историческим трансформациям подвержены целостные государственно-правовые массивы, проживающие этапы ранней (древней), современной и постсовременной истории. Причем, будучи представителем западной цивилизации и, соответственно, носителем западной культуры, Д. Белл не может, да и не особенно стремится выйти за рамки того социально-исторического времени, современником которого он является. Его постиндустриальное общество и порожденное этим обществом право — это общество и право Запада, существующие в отрыве от иных цивилизационных конструкций и фактически не интегрирующие с ними, так же как не интегрировали в свое время имперская политико-правовая культура Рима и варварские культуры, взаимодействие которых строилось по модели взаимодействия онкологического новообразования с человеческим организмом.

Двадцатый век наглядно доказал ошибочность концепций как мировой пролетарской революции, так и стро-

ительства коммунизма в отдельно взятой стране либо группе стран. Но если не возможен «отдельно взятый» коммунизм, то насколько можно говорить о построении в «отдельно взятом» социально-пространственном регионе, независимо от того, идет речь о Европе, США либо иной части современной человеческой цивилизации, «развитого постиндустриального общества»?

Человеческий мир проходит в своей эволюции непростой путь — от монистической цивилизационной культуры к плюралистической, от монологовых форм общения «центров мировой силы» к диалогичным формам взаимодействия разных по внешней форме, но равных в своей содержательной ценности субъектов права. Особенность такого рода современности заключается по Э. Тоффлеру в волнообразности нынешних и грядущих изменений, предполагающих возможность сочетания и достаточно причудливых комбинаций среди представителей различных социально-исторических временных периодов.

Право, возникая подобно языку, представляет собой инструмент социального общения и средство социальной коммуникации как внутри социальной группы, так и за ее пределами. Волны несут в себе не только новую информацию, но и новый язык, позволяющий эту информацию воспринять и постичь. Каждая новая волна представляет собой иную среду обитания, адаптация к которой связана с пониманием и принятием иных понятий, правил, ценностей, столь же чуждых для первичного восприятия, как и все, к чему мы относимся как к чужому, а значит, враждебному.

Волна способна унести и растворить в себе только тех, кто не держится за земную

твердь и готов плыть по «воле волн», преобразуя собственную волю в совокупную энергию движения несущей его волны. В таком понимании постиндустриальное общество Э. Тоффлера формируется не из тех, кто, ругая традиционное государство и одновременно уповая на него, ждет, когда же, в конце концов, привычная и от того надоевшая земля сменится непривычной и поэтому страшной в своей неизвестности водой, будущая жизнь в которой столь же непонятна и непредставяема, как жизнь в «загробном мире», а из тех, кто готов и стремится плыть к собственной цели, столь же значимой и ценной, как и цели остальных пловцов, увлекаемых жизненной энергией волны, открывающей новые жизненные перспективы и предоставляющей новые возможности.

Традиционно волюнтаристское право аграрного общества сменяется воплощенным в национальном законодательстве технологическим правом индустриального общества, которое, в свою очередь, постепенно вытесняется международным полисемичным правом постиндустриального (информационного) общества не в силу раз и навсегда устоявшейся национальной традиции либо по воле царя-бога, а вследствие объективных закономерностей развития человеческих отношений, подчиняющихся в своей динамике не диалектической линейности, итогом которой является неизбежная человеческая смерть и конец истории, а непрерывной волнообразной цикличности, в которой рождение и смерть носят взаимоисключающий и вместе с тем взаимообуславливающий характер, предопределяя неопределенность и связанные с ней риски, обусловленные альтернативным будущим, и одновременно непередаваемую прелесть новизны рождаемых этим будущим ощущений.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. М. : Academia, 2004. 944 с.
2. Зибарев М.В. К проблеме периодизации общественно-экономических формаций / М.В. Зибарев // В мире научных открытий. 2013. № 11-9 (47). С. 126–131.
3. Сурков В. Долгое государство Путина / В. Сурков // Независимая газета. 2019. 11 ноября.
4. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. М. : АСТ, 2004. 261 с.

References

1. Bell D. Gryadushee postindustrialnoe obschestvo. Opy`t sotsialnogo prognozirovaniya [The Coming of the Post-Industrial Society: An Experience in Social Forecasting] / D. Bell. Moskva : Academia — Moscow : Academy, 2004. 944 s.
2. Zibarev M.V. K probleme periodizatsii obschestvenno-ekonomicheskikh formatsiy [On the Periodization of Socioeconomic Formations] / M.V. Zibarev // V mire nauchny`kh otkry`tiy — In the World of Scientific Discoveries. 2013. № 11–9 (47). S. 126–131.
3. Surkov V. Dolgoe gosudarstvo Putina [The Putin's Long-Lasting State] / V. Surkov // Nezavisimaya gazeta. 2019. 11 noyabrya — Independent Newspaper. 2019. November 11.
4. Toffler A. Tretya volna [The Third Wave] / A. Toffler. Moskva : AST — Moscow : AST, 2004. 261 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-5-33-38

Правовая культура как способ организации правовых систем

*Напалкова Ирина Георгиевна,
заведующая кафедрой теории и истории государства и права
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
почетный работник высшего профессионального образования,
доктор юридических наук, профессор
napalkova-ig@mail.ru*

В статье анализируются проблемы соотношения правовой культуры как формы духовности общества и национальной правовой системы, воплощающей в себе исторически сложившиеся национальные правовые ценности и наиболее прогрессивные концептуальные идеи и парадигмы западноевропейской правовой культуры, определяющие основы приоритета прав и свобод человека, правового государства и гражданского общества.

Ключевые слова: право, правовая культура, правосознание, правовая система, права и свободы, сравнительно-правовые исследования, культурологический подход.

Legal Culture as a Means of the Legal System Arrangement

*Napalkova Irina G.
Head of the Department of Theory and History of State and Law
of the Rostov State University of Economics (RSUE)
Honored Worker of Higher Professional Education
Doctor of Law
Professor*

The article analyzes the problems of correlation between legal culture as a form of spirituality of society and the national legal system, which embodies the historically established national legal values and the most progressive conceptual ideas and paradigms of Western European legal culture, which determine the basis for the priority of human rights and freedoms, the rule of law and civil society.

Keywords: law, legal culture, legal consciousness, legal system, rights and freedoms, comparative legal research, cultural approach.

Достижения правовой культуры позволяют определить качественное состояние и уровень развития правовой системы. «Правовая система» и «правовая культура» как феномены социальной жизни тесно взаимосвязаны, взаимозависимы. Культурологический акцент в

сравнительно-правовых исследованиях, познание многочисленных связей правовой реальности с явлениями социальной жизни расширяют возможности объективного исследования данных категорий в рамках юридической компаративистики, позволяет более глубоко и всесто-

ронне познать роль и значение правовых цивилизаций в развитии общества, рассматривать их как совокупность ценностей не только правового, но и культурно-исторического уровня. Мораль, экономика, политика, религия и другие сферы жизнедеятельности человека детерминируют правовые явления общества, влияют на процесс развития и совершенствования его правовой системы. Право формируется, функционирует в единстве с другими феноменами культуры, которые во взаимодействии друг с другом обеспечивают развитие и дальнейшее совершенствование общества.

Правовая система состоит из внутренне взаимосвязанных устойчивых элементов, образующих ее единство и целостность. Обоснованным можно считать научный подход, в соответствии с которым структура правовой системы включает в себя: явления духовного, мировоззренческого характера (юридическая наука, правовые понятия, правовые принципы, правовая культура, правовая политика); право и выражающее его законодательство; правовые отношения; юридическую практику, юридическую технику¹.

Включая в себя многочисленные правовые явления, правовая система обеспечивает упорядоченную жизнь общества, стабильность, организованность общественных отношений, эффективность механизма правового регулирования. Под правовой системой в широком смысле понимается совокупность внутренне взаимосвязанных, социально однородных правовых явлений, обеспечивающих реализацию целей конкретного общества, каждое из которых играет специфическую роль в механизме правового регулирования².

Как составная часть духовной культуры, правовая культура отражает уровень нравственного, правового состояния

конкретного общества, его образования, воспитания, уровень действующего законодательства. Это позволяет не только формировать социальную жизнь с точки зрения ее формальной упорядоченности, но и облагораживать ее, развивать духовность, стремление личности к свободе и справедливости, сохранять и приумножать историческую память.

Культурологический подход к пониманию правовой реальности позволяет выявить способность человека осуществлять свою деятельность на основе духовно-культурных ценностей. Следует отметить, что правовая культура не является самостоятельным компонентом национальных правовых систем, поскольку ее ценности воплощены во всех правовых явлениях и процессах.

Исследование правовой культуры как формы духовности общества позволяет изучать особенности правовых систем, их основные движущие силы и господствующие парадигмы. При наличии многочисленных определений понятия правовой культуры традиционно она определяется как правовая культура той или иной страны. Сфера действия правовой культуры совпадает с границами государства, распространяющего свой суверенитет на данную территорию³.

Правовая культура создается в рамках единого процесса функционирования всех элементов и мировоззренческих ценностей общей культуры, развивается и совершенствуется под их воздействием. Правовая культура — это состояние законодательства, судебной деятельности, всех правоохранительных органов, состояние правосознания всего населения страны, выражающее уровень развития права, осознание правовых ценностей, их реализацию в конкретных правоотношениях⁴.

¹ Бабаев В.К. Правовая система общества : курс лекций. Н. Новгород, 1993. 513 с.

² Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005. С. 155.

³ Правовое пространство и человек : монография / Н.В. Власова [и др.] ; отв. ред. Ю.А. Тихомиров [и др.]. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2012. С. 219.

⁴ Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. С. 51.

Каждой национальной правовой системе свойственны особенные черты правовой культуры, правовые парадигмы, ментальность, которые формируются на основе собственных ценностей и общих ценностей цивилизации.

Сравнительно-правовой анализ развития цивилизаций позволяет выявить сходные и совпадающие черты, свойственные различным правовым культурам, а также культурно-исторические различия, определяемые своеобразием и особенностью развития. Возникновение и развитие различных цивилизаций и правовых культур имеет огромное значение для формирования правовых систем. Основанные на традициях обычного права культурно-исторические системы трансформировались в новые, более развитые типы нормативной регуляции. Общение между различными правовыми культурами становится возможным уже на основе их общей человеческой сущности⁵. Возникновение связей между правовыми культурами осуществляется и на основе формирования общих смысловых правовых понятий. Проблема разграничения правовых культур, их несовместимости возникает в силу различия концептуальных идей, составляющих фундаментальную основу своеобразия и особенностей определенных типов правовой культуры.

Особый интерес представляет исследование отечественной правовой культуры, которая формировалась на основе ценностей многочисленных народов, проживающих на территории Российского государства, а также под влиянием правовых культур сопредельных государств. Формирование правовой культуры России определяется своеобразием российской истории, спецификой социально-экономического развития государства в досоветский период и особенностями исторического развития советской эпохи.

Становление правовой системы Российского государства и развитие правовой культуры осуществилось значительно позже, чем в западноевропейских государствах, и имело особую, отличающуюся от них специфику. Сравнительный анализ правовых систем свидетельствует, что Российское государство в эпоху Нового времени не переживало такого бурного подъема экономики и становления гражданского общества на основе буржуазного способа производства, как европейские государства. Господство феодальных отношений негативно сказывалось на законодательной системе, на уровне правосознания народа. Рецепция римского права затруднялась отсутствием профессиональных кадров, необходимых для ее осуществления, и проводилась при Петре Великом простым заимствованием переведенных на русский язык общепринятых законоположений некоторых европейских государств. Такое заимствование отличалось низкой эффективностью российского законодательства и просуществовало до принятия Свода законов Российской империи в 1832 г., подготовленного комиссией под руководством М.М. Сперанского. В научной литературе существуют неоднозначные оценки данной формы российской систематизации законодательства — от восхваления и признания ее исключительной уникальности до полной критики. Сам М.М. Сперанский рассматривал свод как подготовительный этап на пути создания кодекса на основе французской модели⁶. Но отсутствие рыночной экономики и прав граждан препятствовало созданию и принятию кодекса, работа над которым продолжалась до 1917 г. Свод законов по-прежнему оставался формой систематизации законодательства, соответствующего полуфеодальным отношениям российского общества.

⁵ Берлин И. Стремление к идеалу // Вопросы философии. 2000. № 5. С. 56.

⁶ Ключевский В.О. Лекции по русской истории // Сочинения : в 9 т. М., 1989. Т. 5. С. 243.

Правовая реформа 60-х гг. XIX в. способствовала внедрению в российскую правовую систему буржуазных принципов, категорий, юридической техники, ряда правовых институтов и доктрин западноевропейского права. Но до конца 1917 г. в российском государстве не сложилось кодифицированное частное право, а зарождение парламентских институтов тормозилось отставанием правосознания общества.

В советский период была отвергнута правовая доктрина частной собственности, но сохранялись форма и структура предшествующего права, терминология, юридическая техника. В нарушение законов логики строилась и вся система социалистического права, в которой отрицание частного права сопровождалось признанием метода гражданского (частного) права как элемента этой системы. В основу Гражданского кодекса были заложены принципы публичного права, что не имело аналогов в истории и в конечном счете привело к ликвидации экономической категории интереса как главной пружины саморазвития экономики и всего общества. Государство превратилось в административный аппарат при коммунистической партии для проведения ее решений в жизнь⁷. Господство коммунистической партии, примат государства над правом прикрывались принятием фиктивных конституций, в которых создавалась видимость прав и свобод человека, в декларативной форме излагались принципы верховенства закона. В таком обществе сложно выявить процессы формирования подлинно демократического права и правовой культуры.

В период кардинальной перестройки общественных отношений принятие новой Конституции, провозгласившей демократические принципы правового государства, не было подго-

товлено ходом исторического развития. На момент принятия Конституции 1993 г. не сложились предпосылки для перехода к новым общественным отношениям, не сформировался адекватный реформам уровень правосознания общества, и сама Конституция, закрепившая принципы правовой государственности, не соответствовала российской действительности того периода.

В этот сложный для российского государства переходный этап, когда изменилась вся правовая система, но сохранялись законоположения и правовая ментальность предыдущего советского периода, формирование законодательства осуществлялось не на основе сложившихся общественных отношений, а в соответствии с заимствованными европейскими моделями. Принятые законы не всегда соответствовали положениям Конституции, что способствовало возникновению противоречий и пробелов в праве.

Потребовался определенный период для возрождения в России частного права, преодоления юридических коллизий в нормативной сфере, внесения изменений в созданные нормативно-правовые акты с целью совершенствования законодательства. Особое значение приобретает дальнейшее развитие российского публичного права, в котором сформировался огромный массив конституционно-го законодательства в сфере государственной деятельности, в экологической сфере. Именно публичное право способствует обеспечению гармонии и согласия в обществе, стабильности государства и устойчивости его институтов, социально-экономическому развитию общества⁸.

Демократизация российской правовой системы сопровождалась возникновением новой прогрессивной иде-

⁷ Муромцев Г.И. Европейская правовая культура. Философия права : в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. М., 2011. С. 27.

⁸ Тихомиров Ю.А. Публичное право. М., 1995. С. 32.

ологии, влияющей на формирование современной правовой культуры, значительным объемом законотворчества, кодификацией многих отраслей права, созданием новой демократической концепции, расширяющей юридические гарантии экономических, политических, социально-культурных прав человека.

В постсоветский период в соответствии с Конституцией РФ шел процесс формирования нового законодательства, обеспечивающего правовое регулирование во всех сферах общественной жизни. Россия активно гармонизировала национальное законодательство с принципами и стандартами европейского законодательства. Процессы интеграции «стимулировали развитие процесса конвергенции национальных и общеевропейских политических и правовых систем»⁹. Европейское право на протяжении длительного исторического времени оказывало влияние на формирование правовой культуры и правовой системы России. В XVIII веке в трудах российских правоведов появилось понятие «европеизация», под которым понималось восприятие европейских правовых традиций, моделей, терминологии российской правовой системой.

В Декларации прав и свобод человека, принятой в 1991 г. в России, высшими ценностями провозглашаются свобода, честь и достоинство личности, сформулировано признание естественных, неотъемлемых прав человека. Конституция РФ отражает европейские стандарты, ценности, во многом идентична с ними и позволяет нашему государству включиться в систему международной интеграции. Но при возникновении противоречий между нормой международного права и Конституцией Российской Федерации действует положение о высшей юридической силе федеральных конституционных норм. Если междуна-

родный договор вступает в противоречие с федеральным законом, то данный договор может вступить в силу после его ратификации.

Таким образом, формирование и совершенствование современной российской правовой культуры имеет огромное значение в реализации функций правовой системы. Культурологический подход к пониманию феномена правовой системы основан на признании того, что все правовые явления содержат в себе многочисленные культурные смыслы конкретного сообщества. Развитие и совершенствование национальной правовой системы следует рассматривать с позиций ее важнейших онтологических, гносеологических функций. Но особое значение приобретает выявление аксиологических функций правовой системы, определяющих культурно-исторические ценности, идеалы, господствующий тип правопонимания, идеологические ориентиры, правовое сознание, ментальность конкретного общества. Эти качества включаются в культурно-исторические аспекты национальной правовой системы, определяют ее уникальность и своеобразие.

Российская национальная правовая система является уникальной, поскольку тесно связана с правовой культурой национальных общностей, входящих в данную систему, отражает культурно-историческую специфику российского общества. Она непрерывно развивается, заимствует наиболее совершенные, приемлемые фрагменты более развитых правовых систем, но сохраняет свои уникальные, особенные черты и признаки, преобладающие над признаками, объединяющими ее с другими правовыми системами. Основные духовные ценности российского народа лежат в основе его правовой культуры. Они определяют ментальность, смысловые аспекты правовой системы, тенденции взаимовлияния с иными национальными правовыми культурами.

⁹ Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Право Европейского Союза: вопросы истории и теории. М., 2010. С. 372.

Литература

1. Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. М. : Статут, 1999. 712 с.
2. Бабаев В.К. Правовая система общества : курс лекций / В.К. Бабаев. Н. Новгород : Изд-во Ун-та МВД РФ, 1993. 513 с.
3. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правовое понимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. М. : Право и государство, 2005. 276 с.
4. Берлин И. Стремление к идеалу / И. Берлин // Вопросы философии. 2000. № 5. С. 51–62.
5. Ключевский В.О. Лекции по русской истории / В.О. Ключевский // Сочинения : в 9 т. Т. 5 : Курс русской истории. Ч. 5 / В.О. Ключевский ; послесл. и коммент. сост. В.А. Александров, В.Г. Зимина. М. : Мысль, 1989. 479 с.
6. Марченко М.Н. Право Европейского Союза: вопросы истории и теории / М.Н. Марченко, Е.М. Дерябина. М. : Проспект, 2010. 432 с.
7. Муромцев Г.И. Европейская правовая культура / Г.И. Муромцев // Философия права : в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. М. : Проспект, 2011. Т. 2. 512 с.
8. Правовое пространство и человек : монография / Н.В. Власова [и др.] ; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М. : Юриспруденция, 2012. 236 с.
9. Тихомиров Ю.А. Публичное право / Ю.А. Тихомиров. М. : БЕК, 1995. 496 с.

References

1. Alekseev S.S. Pravo. Opy` t kompleksnogo issledovaniya [Law. Experience of Comprehensive Research] / S.S. Alekseev. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 1999. 712 s.
2. Babaev V.K. Pravovaya sistema obschestva : kurs lektsiy [The Legal System of the Society : series of lectures] / V.K. Babaev. Nizhniy Novgorod : Izd-vo Un-ta MVD RF — Nizhny Novgorod : Publishing house of the University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1993. 513 s.
3. Baytin M.I. Suschnost prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvukh vekov) [The Essence of Law (Modern Statutory Legal Consciousness on the Verge of Two Centuries)] / M.I. Baytin. Moskva : Pravo i gosudarstvo — Moscow : Law and State, 2005. 276 s.
4. Berlin I. Stremlenie k idealu [The Craving for the Ideal] / I. Berlin // Voprosy` filosofii — Issues of Philosophy. 2000. № 5. S. 51–62.
5. Klyuchevskiy V.O. Lektsii po russkoy istorii [Lectures on the Russian History] / V.O. Klyuchevskiy // Sochineniya : v 9 t. T. 5 : Kurs russkoy istorii. Ch. 5 / V.O. Klyuchevskiy ; poslesl. i komment. sost. V.A. Aleksandrov, V.G. Zimina. Moskva : My` sl — Writings : in 9 vol. Vol. 5 : A Course of the Russian History. Part 5 / V.O. Klyuchevskiy ; afterword, commentary and compilation by V.A. Aleksandrov, V.G. Zimina. Moscow : Thought, 1989. 479 s.
6. Marchenko M.N. Pravo Evropeyskogo Soyuza: voprosy` istorii i teorii [The Law of the European Union: Issues of History and Theory] / M.N. Marchenko, E.M. Deryabina. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2010. 432 s.
7. Muromtsev G.I. Evropeyskaya pravovaya kultura [The European Legal Culture] / G.I. Muromtsev // Filosofiya prava : v 2 t. / pod red. M.N. Marchenko. Moskva : Prospekt, 2011. T. 2 — Philosophy of Law : in 2 vol. / edited by M.N. Marchenko. Moscow : Prospect, 2011. Vol. 2. 512 s.
8. Pravovoe prostranstvo i chelovek : monografiya [The Legal Environment and a Man : monograph] / N.V. Vlasova [i dr.] ; otv. red. Yu.A. Tikhomirov. Moskva : Yurisprudentsiya — N.V. Vlasova [et al.] ; publishing editor Yu.A. Tikhomirov. Moscow : Jurisprudence, 2012. 236 s.
9. Tikhomirov Yu.A. Publichnoe pravo [Public Law] / Yu.A. Tikhomirov. Moskva : BEK — Moscow : BECK, 1995. 496 s.

Издательская группа «Юрист» продолжает подписку на комплект «Библиотека юридического вуза» на первое полугодие 2019 года

Уважаемые читатели!

Предлагаем вам оформить подписку на комплект «Библиотека юридического вуза».
В комплект входят следующие издания:

*Арбитражный и гражданский процесс • Гражданское право • Информационное право
История государства и права • Конституционное и муниципальное право
Международное публичное и частное право • Семейное и жилищное право
Трудовое право в России и за рубежом • Финансовое право
Юридическое образование и наука • Юрист*

С условиями подписки рекомендуем ознакомиться
на сайте ИГ «Юрист»: www.lawinfo.ru в разделе «Подписка».

Наш адрес: 115035, г. Москва, Космодамианская набережная, д. 26/55, стр. 7
Телефон: 8(495) 617-18-88 • E-mail: podpiska@lawinfo.ru

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-5-39-45

Социально-правовой статус и мировоззренческие платформы ученых-компаративистов XIX века в России*

*Захарова Мария Владимировна,
член-корреспондент Международной академии сравнительного права,
приглашенный профессор Университета города Пуатье (Франция),
доцент Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор публичного права (Франция)
avis_777@mail.ru*

В статье на основе анализа доктринального и нормативного материала XIX века представлена ретроспектива мировоззренческих платформ ученых-компаративистов в России, а также определен их социально-правовой статус. В качестве общих выводов по проблеме автор подчеркивает значимость компаративно-правовых исследований XIX века для развития юридической науки в России, а также дает оценку модели определения социально-правового статуса ученых-компаративистов в дореволюционной России, проводя параллели с западноевропейским опытом.

Ключевые слова: *сравнительное право, компаративистика, история, развитие, социально-правовой статус.*

The Sociolegal Status and Worldview Platforms of the XIXth Century Comparatists in Russia*

*Zakharova Maria V.
Corresponding Member of the International Academy of Comparative Law
Visiting Professor of the University of Poitiers (France)
Associate Professor of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Doctor of Public Law (France)*

Based on the analysis of doctrinal and normative material of the 19th century, the article presents a retrospective of ideological platforms of comparative scientists in Russia, as well as their social and legal status. As a General conclusion on the problem, the author emphasizes the importance of comparative legal studies of the 19th century for the development of legal science in Russia, as well as assesses the model for determining the social and legal status of comparative scientists that has developed in pre-revolutionary Russia, drawing Parallels with the Western European experience on this issue.

Keywords: *comparative law, comparative studies, history, development, social and legal status.*

Сравнительное право стало на путь институционализации гораздо позже, чем отраслевые юридические дисциплины. В Западной Европе начало институциональной эпохи в развитии компаративистики приходится на XIX в. и традиционно связывается с именами А. Фейербаха и Э. Ганса, Ж.-Л.-Э. Ортолана¹, Эд. де Ла-

булэ² и Ж.-Л.-Е. Лерменье³. Значительный вклад в эволюцию сравнительного права в XIX в. внесли историческая школа права и немецкая классическая философия. По справедливому выражению профессора А.В. Кресина, обе правовые школы рас-

¹ В 1846 году Ж.-Л.-Э. Ортолан возглавил первую кафедру сравнительного правоведения на юридическом факультете Парижского университета.

² Эд. де Лабулэ стал первым главой учрежденного в 1869 г. Общества сравнительного законодательства во Франции.

³ См., в частности, его работу: Lerminier, J. L. E. Cours d'histoire des législations comparees, professe au College de France. Bruxelles, 1838.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-15032.

сма­три­ва­ли пра­во как яв­ле­ние со­ци­аль­ное и ло­ка­ли­зо­ван­ное в про­стран­стве и в пре­делах на­ци­о­наль­ных го­су­дарств⁴.

В Рос­сии в XIX в. срав­ни­тель­ное пра­во раз­ви­ва­лось пре­жде все­го по мо­ду­су диа­хрон­но­му и бы­ло пред­став­ле­но ис­сле­до­ва­ни­я­ми по ис­то­рии пра­ва раз­лич­ных на­ро­дов. При­ме­ча­тель­но в дан­ной свя­зи, что пер­вые учеб­ни­ки ис­то­рии рус­ско­го пра­ва бы­ли на­пи­са­ны про­фес­со­ра­ми Дерпт­ско­го (Тартус­ко­го) уни­вер­си­те­та нем­ца­ми И.Ф.Г. Эвер­сом и А. Рей­цем на немец­ком язы­ке и лишь по­том пе­ре­ве­де­ны на рус­ский язык⁵.

Замет­ное ме­сто в раз­ви­тии срав­ни­тель­но-ис­то­ри­че­ско­го на­прав­ле­ния в рос­сий­ской юри­ди­че­ской нау­ке XIX в. при­на­де­жит про­фес­со­рам В.А. Ма­це­ев­ско­му, Н. За­го­ски­ну, Н.Л. Дю­вер­нуа, П.Г. Ви­но­гра­до­ву.

Од­на­ко еще ран­ее (в XVIII сто­ле­тии) от­дель­ные эле­мен­ты срав­ни­тель­но-пра­во­вой ме­то­до­ло­гии ста­ли ис­поль­зо­вать­ся в рос­сий­ской юри­ди­че­ской нау­ке. Пер­вый рус­ский про­фес­со­р пра­ва С.Е. Дес­ни­цкий⁶ «под­хо­дил к изу­чае­мым во­про­сам срав­ни­тель­но-ис­то­ри­че­ски, рас­сма­три­вая пра­во­вые ин­сти­ту­ты мно­гих на­ро­дов»⁷. А в На­ка­зе, дан­ном Ко­мис­сии о со­чи­не­нии про­ек­та но­во­го Уло­же­ния (На­каз Ека­те­ри­ны II), на­пи­сан­ном в ос­нов­ном на фран­цуз­ском язы­ке, мы на­хо­дим мно­го­чис­лен­ные кор­ре­ля­ции идей Ека­те­ри­ны II о го­су­дар­ствен­но-пра­во­вом уст­рой­стве стра­ны с кон­цеп­цией по­ли­ти­че­ско­го уст­рой­ства Ш.Л. Мон­те­с­кье.

Сту­дент юри­ди­че­ско­го фа­куль­те­та Ка­зан­ско­го уни­вер­си­те­та мо­ло­дой

Л.Н. Тол­стой⁸, по пред­ло­же­нию про­фес­со­ра Д.И. Мей­ера под­го­товив­ший срав­ни­тель­ное ис­сле­до­ва­ние «О ду­хе за­ко­нов» Ш.Л. Мон­те­с­кье и На­ка­за Ека­те­ри­ны, на­гляд­но по­ка­зал детер­ми­нант­ные свя­зи ме­жду эти­ми дву­мя кон­цеп­ту­аль­ны­ми до­ку­мен­та­ми⁹. Так, в част­но­сти, мы­сль Мон­те­с­кье о том, что «ми­ло­сер­дие есть от­личитель­ное ка­че­ство мо­нар­хов», рас­кры­ва­ется в гла­ве XX про­ек­та Ека­те­ри­ны. Вот что по это­му по­во­ду пи­шет Л.Н. Тол­стой: «...она го­во­рит, что пра­во про­щать дол­жно при­на­де­жать мо­нар­ху и что, ко­го имен­но про­щать, оп­ре­де­лить это­го не­льзя, а это оп­ре­де­ля­ется са­ми­ми чув­ства­ми мо­нар­ха»¹⁰.

Бла­го­да­ря про­фес­со­ру Вар­шав­ско­го уни­вер­си­те­та В.А. Ма­це­ев­ско­му бы­ла ком­плек­сно пред­став­ле­на ис­то­рия слав­ян­ских за­ко­но­да­тель­ств. В сво­ем пись­ме к А. Хи­жде­у он так оп­ре­де­ля­ет век­тор сво­их на­уч­ных изыс­ка­ний: «...я твер­до ре­шил­ся на­пи­сать ис­то­рию слав­ян­ской на­ро­д­но­сти, в пол­ном ее объ­еме и раз­ви­тии, со­сре­до­та­чи­вая в од­ном взгля­де все ос­нов­ные со­ста­вы об­ра­зо­ва­ния и гра­ждан­ствен­но­сти слав­ян­ских на­ро­дов, ис­то­ри­че­ски прес­ле­дуя цел­ый круг вре­мен и целое про­стран­ство мест­но­стей и кри­ти­че­ски от­ли­чая об­щее от част­но­го, са­мо­род­ное от чуж­до­го, дух на­ро­да от ду­ха об­сто­я­тель­ств»¹¹. А в пред­ис­ло­вии к пер­во­му то­му «Ис­то­рии слав­ян­ских за­ко­но­да­тель­ств» про­фес­со­р В.А. Ма­це­ев­ский под­чер­ки­ва­ет, что «слав­ян­ское пра­во и тес­но при­мы­каю­щая к нему ли­те­ра­ту­ра дол­жны в рав­ной сте­пе­ни ока­зать ус­лу­гу слав­я­нам в де­ле са­мо­позна­

⁴ Кресин А.В. Немецкая философия национального права в конце XVIII — начале XIX в. и трансформация юридической науки // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14. Вып. 3 С. 202.

⁵ Тилле А.А., Швеков Г.В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. М. : Высшая школа, 1978. С. 45.

⁶ См. подробно по данному вопросу: Коркунов Н.М. С.Е. Десницкий — первый русский профессор права. СПб., 1894. С. 7.

⁷ Там же. С. 46.

⁸ См. подробно: Legeais, R. Tolstoï et le Droit. Poitiers, 2014.

⁹ См. также: Захарова М.В. О французских корнях российского права: исторический анализ // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 17.

¹⁰ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / под общ. ред. В.Г. Черткова. М., 1937. Т. 46. Серия вторая : Дневники. С. 25.

¹¹ Из переписки В.А. Мацеевского с русскими учеными. Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1901. С. 2.

ния, в деле разумения своей истории и яснейшего понимания своего прошедшего, тем более если мы убеждены, что прошедшее каждого народа, стоя в неразрывной связи с его настоящим, есть надлежащий кормчий этого настоящего, лучший его вожатый»¹². В результате плодотворной работы профессора В.А. Мацеевского, по справедливому замечанию профессора Ф. Зигеля, была разработана конструкция «юридического единства славянского мира»¹³.

Исторический вектор компаративных исследований виден и в знаковой работе профессора Н.Л. Дювернуа «Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права» (М., 1869). Спустя почти полвека после выхода в свет этого исследования Ю.С. Гамбаров охарактеризует его как «самое выдающееся до сих пор во всей нашей историко-цивилистической литературе»¹⁴.

Обычное право стало предметом оценки и профессора Н. Загоскина. Важно подчеркнуть, что он не только представлял соответствующую палитру обычного права славянских народов, но и, что особенно важно для дальнейших теоретических изысканий в области сравнительного права, определял двоякое применение сравнительного метода: всемирно-историческое и определенной группы (романской, германской, славянской и т.д.)¹⁵. По сути, его выводы стали предтечей современных представлений об объектах и уровнях проведения компаративных исследований.

Обращение к зарубежному опыту в истории российской юридической нау-

ки можно увидеть и в работах П.Л. Карасевича¹⁶ и П.Г. Виноградова. Именно работы последнего стали в равной мере юридическим наследием российской и английской правовых доктрин¹⁷. Профессор В.А. Томсинов¹⁸, представляя биографию П.Г. Виноградова, приводит цитату из английской энциклопедии Британника: «П.Г. Виноградов — англо-русский ученый-правовед и медиевист, который являлся в свое время, может быть, величайшим авторитетом в области феодального права и обычаев Англии»¹⁹. Действительно, мировой юридической общественности профессор П.Г. Виноградов стал известен прежде всего как исследователь истории и правового опыта Англии²⁰. Вместе с тем творческий гений П.Г. Виноградова выходил за рамки столь близкой ему британской истории права. Для мирового наследия сравнительного права представляют несомненную значимость и выводы П.Г. Виноградова в отношении континентально-европейского права. В своей работе «Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе» он, в частности, последователь-

¹⁶ См. подробно по данному вопросу: Карасевич П.Л. Гражданское обычное право Франции в историческом его развитии. М. : [б. и.], 1875 ; Он же. Мусульманское право и последняя государственная реформа в Турции. М. : [б. и.], 1877.

¹⁷ 22 декабря 1903 г. после многолетней работы в Московском университете П.Г. Виноградов был избран заведующим кафедрой истории и сравнительного права в Оксфорде. Его прах покоится на кладбище Оксфорда. На его могильном камне всего несколько слов: *Hospitae Britanniae gratus advena* [«Гостеприимной Британии благодарный пришелец»].

¹⁸ Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков : Очерки жизни и творчества. М. : Зерцало, 2015. Т. 2. С. 331.

¹⁹ *The New Encyclopaedia Britannica* : In 32 vol. 15th Ed. Chicago, etc. : Encyclopaedia Britannica, 1974–1985. Vol. 12. P. 381.

²⁰ См., в частности, следующие его работы: Виноградов П.Г. Исследования по социальной истории Англии в Средние века. СПб., 1887 ; Vinogradoff P.G. A note book of Bracton // *Collected papers of Paul Vinogradoff*. Oxford, 1928. Vol. 1.

¹² Мацеевский В.А. История славянских законодательств : пер. с пол. М., 1858. Т. 1. С. 3.

¹³ Зигель Ф.Ф. Вацлав Александр Мацеевский. Умер 28 января 1883 года // *Вестник Московского юридического общества*. 1883. № 4. С. 710.

¹⁴ Гамбаров Ю.С. Николай Львович Дювернуа // *Вестник гражданского права*. 1914. № 5. С. 7.

¹⁵ Загоскин Н. Метод и средства сравнительного изучения древнейшего обычного права славян вообще и русских в особенности. Казань, 1899. С. 8.

но дает оценку средневековым опытам приспособления римского права к реалиям континентальной Европы²¹.

В целом надо отметить, что в рассматриваемый период российская юридическая наука не атомизировала себя от западноевропейской сравнительно-правовой мысли, активно реагируя на новеллы юридической компаративистики. Так, в статье «О современной обработке сравнительного правоведения» Н.К. Ренненкампф дает научную оценку недавно вышедшему в свет французскому журналу *Revue de droit international et de legislation comparée*²², а также представляет свои выводы о значимости этого издания для развития юридической науки в целом.

Практико-ориентированный характер компаративные исследования в России в XIX в. приобретали в связи с подготовкой знаковых реформ российского законодательства. В проекте кодификации М.М. Сперанского заметно влияние французской цивилистической мысли. Как отмечает профессор А.Л. Маковский, система проекта Гражданского уложения была приведена в соответствие с системой *Code Civil*: оно должно было состоять из трех книг — о лицах (I), об имуществе (II) и о договорах (III)²³.

Несмотря на явный научный и прикладной интерес отечественной юриспруденции в XIX столетии к компаративным исследованиям, отдельной кафедры сравнительного права, как это имело место в западноевропейских странах, в университетах России так и не было открыто²⁴. Одним из немногих

российских профессоров, кому удалось возглавить кафедру сравнительного права, стал П.Г. Виноградов. Но произошло это, как мы уже отмечали ранее, в Оксфорде.

В России социально-правовой статус ученых-компаративистов, как и преподавателей университетов другой цеховой принадлежности, был определен согласно Общему уставу императорских российских университетов 1884 г., а также ранее действовавшим актам по этому вопросу. Важно подчеркнуть, что преподаватели университетов относились к числу лиц, которые находятся на службе по определению от правительства, соответственно, они пользовались всеми преимуществами, означенными в Уставе о службе по определению от правительства. В частности, в ст. 152–157 Общего устава императорских российских университетов 1884 г. был определен институт пенсионного обеспечения и пособий для преподавателей вузов²⁵. Указанные нормы носили отсылочный характер к ст. 342–385 Устава о пенсиях и единовременных пособиях (в редакции от 1876 г.) и предусматривали по общему правилу назначение пенсии в размере полного должностного оклада при наличии у кандидата 25-летнего научно-педагогического стажа.

Возрождение внимания к компаративистике в российской юридической науке приходится только на середину XX в. В наши дни в связи с интенсификацией интернационализации юридической науки интерес к компаративным исследованиям неизменно возрастает. Их результаты востребованы со стороны как юридической теории, так и юридической практики.

Однако отдельные вопросы социально-правового статуса компаративистов остаются открытыми. Самый

название — кафедра общей истории и философии сравнительного законодательства.

²⁵ Россия. Законы и постановления. Общий устав императорских российских университетов 1884 года. СПб., 1884. С. 28.

²¹ См. подробно по данному вопросу: Виноградов П.Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе. М.: Зерцало, 2010.

²² См. извлечения из данной работы: Захарова М.В. Сравнительное правоведение. М.: Проспект, 2016.

²³ Маковский А.Л. О кодификации гражданского права. М., 2010. С. 409.

²⁴ Впервые в Западной Европе кафедра сравнительного права была открыта в 1831 г. в Коллеже де Франс в Париже. Она получила

острый из них — это цеховая принадлежность. Отсутствие отдельного шифра в российской номенклатуре юридических специальностей по компаративистике не добавляет ситуации ясности. Немногочисленны и отдельные кафедры сравнительного права в постсоветском пространстве. Такие кафедры открыты, в частности, в Красноярском федеральном университете, в Университете международных отношений (МГИМО) МИД России и в Одесской юридической академии.

В качестве общих выводов по заявленной в заглавии статьи проблеме отметим, что в России в XIX в., как и в западноевропейских странах, появляется пул работ по сравнительному праву. Прежде всего в указанный период были востребованы диахронные сравнения по праву различных народов. Научно-практический срез компаративистики представлен государственно значимыми исследованиями в области зарубежного права. В частности,

М.М. Сперанский предложил реформу гражданского законодательства согласно французской институциональной модели построения будущего кодифицированного акта. Социально-правовой статус ученых-компаративистов, как и преподавателей университетов в целом, определен согласно Общему уставу императорских российских университетов 1884 г. При этом по объему привилегий преподаватели вузов в дореволюционную эпоху в России в значительной мере были больше приближены к современной европейской модели определения их правового статуса²⁶.

²⁶ В частности, во Франции доценты и профессора имеют статус *fonctionnaire*, то есть государственных служащих. Правом на назначение профессоров обладает президент республики, доцентов — Министерство образования и науки. Исключением из общего правила следует считать институт приглашенного профессора. Правом на открытие соответствующей вакансии и назначение на должность приглашенного профессора обладают сами университеты.

Литература

1. Виноградов П.Г. Исследования по социальной истории Англии в Средние века / П.Г. Виноградов. СПб. : Тип. В.С. Балашева, 1887. 259 с.
2. Виноградов П.Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе / П.Г. Виноградов. М. : Зерцало, 2010. 279 с.
3. Гамбаров Ю.С. Николай Львович Дювернуа / Ю.С. Гамбаров // Вестник гражданского права. 1914. № 5. С. 4–14.
4. Загоскин Н. Метод и средства сравнительного изучения древнейшего обычного права славян вообще и русских в особенности / Н. Загоскин. Казань : Тип. Ун-та, 1877. 52 с.
5. Захарова М.В. О французских корнях российского права: исторический анализ / М.В. Захарова // Журнал российского права. 2016. № 6 (234). С. 15–22.
6. Захарова М.В. Сравнительное правоведение : научно-учебное пособие для магистров / М.В. Захарова. М. : Проспект, 2016. 173 с.
7. Зигель Ф.Ф. Вацлав Александр Мацеевский. Умер 28 января 1883 года / Ф.Ф. Зигель // Вестник Московского юридического общества. 1883. № 4.
8. Карасевич П.Л. Гражданское обычное право Франции в историческом его развитии / П.Л. Карасевич. М. : Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1875. 488 с.
9. Карасевич П.Л. Мусульманское право и последняя государственная реформа в Турции : сит. 3-го апр. 1877 в Этнографич. отд. Моск. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии / П.Л. Карасевич. М. : Тип. Э. Лиснер и Ю. Роман, 1877. 48 с.
10. Коркунов Н.М. С.Е. Десницкий — первый русский профессор права / Н.М. Коркунов. СПб. : Тип. Правительств. сената, 1894. 31 с.
11. Кресин А.В. Немецкая философия национального права в конце XVIII — начале XIX в. и трансформация юридической науки / А.В. Кресин // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14. Вып. 3. 255 с.
12. Маковский А.А. О кодификации гражданского права (1922–2006) / А.А. Маковский. М. : Статут, 2010. 734 с.
13. Мацеевский В.А. Из переписки В.А. Мацеевского с русскими учеными / В.А. Мацеевский ; сообщ. В.А. Францев. М. : Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1901. 56 с.

14. Мацевский В.А. История славянских законодательств : в 6 т. / В.А. Мацевский ; пер. с пол. 2-е изд. [польское]. Т. 1 : Введение в сочинение и изображение законодательств во времена до-христианские. М. : Унив. тип., 1858. 90 с.
15. Тилле А.А., Швеков Г.В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах / А.А. Тилле, Г.В. Швеков. 2-е изд., доп. и испр. М. : Высшая школа, 1978. 199 с.
16. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / Л.Н. Толстой ; под общ. ред. В.Г. Черткова. М., 1937. Серия 2 : Дневники. Т. 46 : 1847–1854. 573 с.
17. Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков. Т. 2 : Очерки жизни и творчества / В.А. Томсинов. 2-е изд., доп. М. : Зерцало, 2015. 468 с.
18. Legeais, R. Tolstoï et le Droit / R. Legeais. Poitiers : Université de Poitiers, 2014. 350 p.
19. Lermnier, J.L.E. Cours d'histoire des législations comparees, professe au College de France / J.L.E. Lermnier. Bruxelles : Société belge de librairie, 1838. 486 p.
20. Vinogradoff P.G. A note book of Bracton / P.G. Vinogradoff // Collected papers of Paul Vinogradoff. Oxford, 1928. Vol. 1.

References

1. Vinogradov P.G. Issledovaniya po sotsialnoy istorii Anglii v Srednie veka [Research on the Social History of England in the Middle Ages] / P.G. Vinogradov. Sankt-Peterburg : Tip. V.S. Balasheva — Saint Petersburg : Printing office of V.S. Balashev, 1887. 259 s.
2. Vinogradov P.G. Oчерки po teorii prava. Rimskoe pravo v srednevekovoy Evrope [Sketches on the Theory of Law. The Roman Law in Medieval Europe] / P.G. Vinogradov. Moskva : Zertsalo — Moscow : Mirror, 2010. 279 s.
3. Gambarov Yu.S. Nikolay Lvovich Dyuvernuia [Nikolay L. Duvernois] / Yu.S. Gambarov // Vestnik grazhdanskogo prava — Civil Law Bulletin. 1914. № 5. S. 4–14.
4. Zagoskin N. Metod i sredstva sravnitel'nogo izucheniya drevneyshego oby`chnogo prava slavyan voobsche i russkikh v osobennosti [The Method and Means of the Comparative Study of the Most Ancient Common Law of Slavs in General and Russians in Particular] / N. Zagoskin. Kazan : Tip. Un-ta — Kazan : University Printing Office, 1877. 52 s.
5. Zakharova M.V. O frantsuzskikh kornyakh rossiyskogo prava: istoricheskiy analiz [On the French Roots of the Russian Law: A Historical Analysis] / M.V. Zakharova // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2016. № 6 (234). S. 15–22.
6. Zakharova M.V. Sravnitel'noe pravovedenie : nauchno-uchebnoe posobie dlya magistrrov [Comparative Legal Studies : academic guide for masters] / M.V. Zakharova. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2016. 173 s.
7. Zigel F.F. Vatslav Aleksandr Matseevskiy. Umer 28 yanvarya 1883 goda [Wacław Aleksander Maciejowski. Died on January 28, 1883] / F.F. Zigel // Vestnik Moskovskogo yuridicheskogo obschestva — Bulletin of the Moscow Legal Society. 1883. № 4.
8. Karasevich P.L. Grazhdanskoe oby`chnoe pravo Frantsii v istoricheskom ego razvitii [The French Civil Common Law in Its Historical Development] / P.L. Karasevich. Moskva : Tip. A.I. Mamontova i K° — Moscow : Printing office of A.I. Mamontov and Co., 1875. 488 s.
9. Karasevich P.L. Musul'manskoe pravo i poslednyaya gosudarstvennaya reforma v Turtsii : sit. 3-go apr. 1877 v Etnografich. otd. Mosk. o-va lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnografii [The Muslim Law and the Latest State Reform in Turkey : presented on April 3, 1877, in the Ethnographic Branch of the Moscow Society of Devotees of Natural Science, Anthropology and Ethnography] / P.L. Karasevich. Moskva : Tip. E. Lissner i Yu. Roman — Moscow : Printing office of E. Lissner and Yu. Roman, 1877. 48 s.
10. Korkunov N.M. S.E. Desnitskiy — pervy`y russkiy professor prava [S.E. Desnitskiy: The First Russian Professor of Law] / N.M. Korkunov. Sankt-Peterburg : Tip. Pravitel'stv. senata — Saint Petersburg : Printing office of the Governing Senate, 1894. 31 s.
11. Kresin A.V. Nemetskaya filosofiya natsionalnogo prava v kontse XVIII — nachale XIX v. i transformatsiya yuridicheskoy nauki [The German Philosophy of National Law in the Late XVIII to the Early XIX Century and Transformation of the Legal Science] / A.V. Kresin // Nauchny`y ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 2014. T. 14. Vy`p. 3 — Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2014. Vol. 14. Issue 3. 255 s.
12. Makovskiy A.L. O kodifikatsii grazhdanskogo prava (1922–2006) [On the Codification of Civil Law (1922 to 2006)] / A.L. Makovskiy. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2010. 734 s.
13. Matseevskiy V.A. Iz perepiski V.A. Matseevskogo s russkimi ucheny`mi [From the Correspondence between V.A. Matseevskiy and Russian Scientists] / V.A. Matseevskiy; soobsch. V.A. Frantsev. Moskva : Imp. o-vo istorii i drevnostey ros. pri Mosk. un-te — disclosed by V.A. Frantsev. Moscow : the Imperial Society of Russian History and Antiquities under the Moscow University, 1901. 56 s.
14. Matseevskiy V.A. Istoriya slavyanskikh zakonodatelstv : v 6 t. [The History of Slavic Laws : in 6 vol.] / V.A. Matseevskiy ; per. s pol. 2-е изд. [polskoe]. Т. 1 : Vvedenie v sochinenie i izobrazhenie zakonodatelstv vo

- времена dokhristianskie. Moskva : Univ. tip. — translated from Polish. 2nd edition [Polish]. Vol. 1 : Introduction to Creation and Representation of Laws in the Pre-Christian Times. Moscow : University Printing Office, 1858. 90 s.
15. Tille A.A., Shvekov G.V. Sravnitelny`y metod v yuridicheskikh distsiplinakh [The Comparative Method in the Legal Disciplines] / A.A. Tille, G.V. Shvekov. 2-e izd., dop. i ispr. Moskva : Vy`sshaya shkola — 2nd edition, enlarged and revised. Moscow : Higher School, 1978. 199 s.
 16. Tolstoy L.N. Polnoe sobranie sochineniy : v 90 t. [Full Collection of Works : in 90 vol.] / L.N. Tolstoy ; pod obsch. red. V.G. Chertkova. Moskva, 1937. Seriya 2 : Dnevnik. T. 46 : 1847–1854 — under the general editorship of V.G. Chertkov. Moscow, 1937. Series 2 : Diaries. Vol. 46 : 1847 to 1854. 573 s.
 17. Tomsinov V.A. Rossiyskie pravovedy` XVIII–XX vekov. T. 2 : Ocherki zhizni i tvorchestva [Russian Legal Experts of the XVIII to the XX Century. Vol. 2 : Sketches of Life and Creative Work] / V.A. Tomsinov. 2-e izd., dop. Moskva : Zertsalo — 2nd edition, enlarged. Moscow : Mirror, 2015. 468 s.
 18. Legeais R. Tolstoi et le Droit / R. Legeais. Poitiers : Université de Poitiers, 2014. 350 s.
 19. Lerminier J.L.E. Cours d'histoire des legislations comparees, professe au College de France / J.L.E. Lerminier. Bruxelles : Société belge de librairie, 1838. 486 s.
 20. Vinogradoff P.G. A Note Book of Bracton / P.G. Vinogradoff // Collected papers of Paul Vinogradoff. Oxford, 1928. Vol. 1.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-5-45-51

Эволюция правового регулирования медицинской деятельности в России (часть 2)*

*Данилов Егор Олегович,
профессор кафедры организации здравоохранения
Санкт-Петербургского института стоматологии,
кандидат медицинских наук, доцент,
магистр юриспруденции
Danilov@medi.spb.ru*

Статья посвящена изучению эволюции правового регулирования медицинской деятельности в хронологической последовательности, начиная с периода становления государственности в нашей стране. На основе анализа нормативных документов (источников права) и статуса центральных государственных органов управления в сфере медицины на разных этапах исторического развития обращается внимание на то, что в России исторически сложилась система преимущественно административных (государственных) регуляторов медицинской деятельности.

Ключевые слова: правовое регулирование медицинской деятельности, история государственного управления в сфере медицины.

Evolution of Legal Regulation of Medical Activities in Russia (Part 2)

*Danilov Egor O.
Professor of the Department of Public Health Arrangement of the St. Petersburg Dental Institute
Candidate of Medical Sciences
Associate Professor
Master of Law*

The article is devoted to the study of the evolution of legal regulation of medical activity in chronological order, since the period of statehood formation in our country. Based on the analysis of normative documents (sources of law) and the status of the central state governing bodies in the field of medicine at different stages of historical development, attention is drawn to the fact that in Russia historically there is a system of primarily administrative (state) regulators of medical activity.

Keywords: legal regulation of medical activity, history of public administration in medicine.

В советский период отечественной истории, вплоть до начала 90-х гг. XX в., правовое регулирование медицинской деятельности в нашей стране осуществ-

* Первая часть статьи опубликована в журнале «История государства и права», 2019, № 4, с. 9–15.

влялось в соответствии с официальной идеологией государства.

Органом государственного управления здравоохранением в РСФСР стал образованный в 1918 г. Народный комиссариат здравоохранения (Наркомздрав). В соответствии с Декретом Совета народных комиссаров (СНК РСФСР) от 18 июля 1918 г. на Наркомздрав среди прочих возлагались следующие задачи: а) разработка и подготовка законодательных норм в области медико-санитарного дела; б) наблюдение и контроль за применением этих норм и принятие мер по неуклонному их выполнению; в) издание общеобязательных для всех учреждений и граждан РСФСР распоряжений и постановлений в области медико-санитарного дела и т.д.¹.

В дальнейшем роль Наркомздрава в регулировании медицинской деятельности значительно возросла, его полномочия конкретизировались. Так, в соответствии с Положением о Наркомздраве РСФСР, утвержденным постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 28 марта 1927 г.², в компетенцию Наркомздрава входили уже, например, такие вопросы, как организация и руководство делом общей и специальной лечебной помощи населению и разработка научных и научно-практических вопросов в области здравоохранения. При этом в целях осуществления возложенных на Наркомздрав задач ему, помимо прочих полномочий, были предоставлены права на ведение учета медицинского персонала, осуществление административного контроля над его профессиональной деятельностью, разработку правил, регулирующих профессиональную деятельность медицинских работников, а также учет медицинских научных обществ и осу-

ществление надзора за их деятельностью.

Первым в советское время документом общегосударственного значения в сфере регулирования медицинской деятельности стал Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 1 декабря 1924 г. «О профессиональной работе и правах медицинских работников» (далее — Декрет 1924 г.). Этот документ более полувека регламентировал юридические аспекты медицинской деятельности и определял правовой статус всех представителей медицинской профессии, которых начиная с Декрета 1924 г. в советских законах и иных нормативных правовых актах стали преимущественно именовать «медицинскими работниками», устанавливая за ними при этом административный контроль.

Согласно ст. 2 Декрета 1924 г. «всякий медицинский работник, желающий заниматься медицинской работой, обязан обратиться в отдел здравоохранения, по месту своего жительства, представить последнему письменное доказательство своего звания и получить от губернского или областного отдела здравоохранения регистрационное удостоверение»³.

Декретом на всех практикующих медицинских работников возлагался ряд обязанностей, например: оказывать при необходимости первую медицинскую помощь согласно инструкции Наркомздрава; не позже 24 часов извещать ближайший отдел здравоохранения «о каждом случае остро-заразного заболевания, отравления, убийства, нанесения тяжких телесных повреждений или самоубийства в его практике». Наряду с этим, медикам, занимающимся частной практикой, вменялось в обязанность «вести запись больных в особых книгах, прошнурованных и опечатанных отделом здравоохранения, обозначая имя и адрес больного, диагноз болезни, а также назначенное лечение»⁴.

¹ Декрет СНК РСФСР от 18 июля 1918 г. «О Народном Комиссариате Здравоохранения» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 688–689.

² СУ РСФСР. 1927. № 35. Ст. 233.

³ СУ РСФСР. 1924. № 88. Ст. 892.

⁴ Там же.

Лицам, обладающим званием врача, Декретом предоставлялись все права в отношении врачебной практики, а также на занятия врачебных и административно-врачебных должностей. В частности, за врачами закреплялись права: проведения всех оперативных вмешательств (но лишь в государственных или существующих на основании надлежащего разрешения частных лечебных заведениях, за исключением случаев скорой и неотложной помощи и простейших операций, согласно особому списку, издаваемому Наркомздравом); применения гипноза (но только в соответствующих государственных лечебных и научных учреждениях и в исключительных случаях на дому по специальному письменному разрешению Наркомздрава), наркоза, анестезий, вакцин, сывороток и медицинских средств, разрешенных к употреблению в установленном порядке.

Согласно ст. 13 Декрета 1924 г. за профессиональные нарушения медики подлежали «наказанию по приговору суда, а также в порядке дисциплинарном на основании особого Положения», издаваемого Наркомздравом.

В то же время разворачивалась целенаправленная дискредитация частного сектора медицины. Еще в 1921 г. Наркомздрав в специальном циркуляре указал: «Частная медицинская практика как пережиток капиталистического строя противоречит основным началам правильной организации медико-санитарной помощи и общим основам социалистического строительства. Доступная только отдельным лицам, могущим уплатить громадные гонорары, она дезорганизует медико-санитарную работу, вносит развал и разлад среди медицинского персонала, отвлекает медицинские силы от совместной работы на пользу трудящихся масс, ведет к спекуляции и шарлатанству»⁵.

⁵ Бобров О.Е. Медицинские преступления: правда и ложь. Петрозаводск : Изд-во «ИнтелТек», 2003. С. 57.

По меткому определению Н.К. Елиной, это был приговор частной медицине⁶.

Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 20 июля 1936 г. был создан объединенный (союзно-республиканский) Наркомздрав Союза ССР⁷. Вскоре постановлением СНК СССР от 15 сентября 1937 г. № 1607 «О порядке проведения медицинских операций»⁸ Наркомздраву СССР было предоставлено право издавать обязательные для всех учреждений, организаций и лиц распоряжения о порядке осуществления лечебных и хирургических операций, в том числе операций по пересадке роговиц глаз от умерших, переливанию крови, пересадке отдельных органов и т.п. Данное постановление, по мнению С.Г. Стеценко, стало определяющим для дальнейшего создания подзаконных правовых актов в системе Наркомздрава и, соответственно, формирования нормативной правовой базы здравоохранения в стране⁹.

В соответствии с Законом СССР от 15 марта 1946 г. Совет народных комиссаров был преобразован в Совет Министров, а все комиссариаты — в министерства¹⁰. Правопреемником Наркомздрава СССР стало Министерство здравоохранения (Минздрав СССР), нормотворческая деятельность которого осуществлялась путем издания приказов, положений и инструкций, обязательных для исполнения всеми органами и учреждениями здравоохранения в стране. Поскольку нормативная база отрасли состояла в основном из многочисленных подзаконных актов Минздрава, именно они на протяжении десятилетий были глав-

⁶ Елина Н.К. Историко-правовые аспекты формирования законодательства о медицинской деятельности в годы становления Советского государства // История государства и права. 2011. № 13. С. 18.

⁷ СЗ СССР. 1936. № 40. Ст. 337.

⁸ СЗ СССР. 1937. № 62. Ст. 274.

⁹ Стеценко С.Г. Медицинское право : учебник. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. С. 131.

¹⁰ Ведомости ВС СССР. 1946. № 10.

ным источником правового регулирования медицинской деятельности на территории СССР.

Обобщающим правовым актом, призванным упорядочить нормативную базу в сфере медицинской деятельности, стали Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении от 19 декабря 1969 г. (далее — Основы законодательства 1969 г.)¹¹. В этот документ были включены многие нормы, уже действовавшие на тот момент в системе здравоохранения.

Анализируя Основы законодательства 1969 г., А.Н. Пицита справедливо указывает на их декларативность и другие аспекты: большое число отсылочных положений; нечеткую выраженность норм, касающихся прав пациентов; акцент «на приоритетности интересов государства и государственных механизмов в регулировании медицинской деятельности с одновременным занижением значимости собственно правовых факторов»¹².

В России кодифицированным нормативно-правовым актом в области медицинской деятельности до 1993 г. был Закон РСФСР от 29 июля 1971 г. «О здравоохранении»¹³, текст которого полностью (местами практически дословно) повторял положения Основ законодательства 1969 г. После распада Советского Союза данный закон утратил силу в связи с принятием Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан 1993 г.

Следует признать, что в условиях советской действительности зачастую ведомственные акты были фактически важнее законодательных. Как отметил З.С. Гладун, «уровень правового сознания у медиков весьма невысок. Боль-

шинство из них в течение многих десятилетий воспитывалось на порочной идее, что их профессиональной работой, здравоохранением в целом руководит не закон, а министр, либо иной руководитель, который издает приказы и распоряжения». При этом законодательство о здравоохранении в значительной степени было подвержено влиянию Минздрава СССР. По данным З.С. Гладуна, накануне распада Советского Союза общее число приказов, положений, инструкций, правил и других ведомственных актов Минздрава СССР превышало пять тысяч¹⁴.

Таким образом, характерной особенностью советского периода была главенствующая роль государства (а фактически — руководства КПСС) во всех сферах жизни общества, включая медицину. В условиях тотальной централизации управления страной партийно-государственная бюрократия контролировала практически все ресурсы системы здравоохранения и регламентировала все важнейшие вопросы организации медицинской деятельности. При этом нормативно-правовая база советского здравоохранения в основном формировалась путем издания ведомственных актов (декретов, постановлений, приказов, положений, правил, инструкций, циркулярных писем и т.д.).

С принятием в 1991 г. и введением в действие в полном объеме с 1993 г. Закона РСФСР от 28 июня 1991 г. «О медицинском страховании граждан в РСФСР»¹⁵ (далее — Закон о медицинском страховании 1991 г.), по существу, произошло изменение государственной политики в сфере регулирования медицинской деятельности, началось формирование новых социально-экономических отношений в системе здравоохранения. Этот процесс сопровождался, с одной сто-

¹¹ Ведомости ВС СССР. 1969. № 52. Ст. 466.

¹² Пицита А.Н. Исторический опыт, современное состояние и перспективы правового обеспечения здравоохранения в России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 20.

¹³ Ведомости ВС РСФСР. 1971. № 31. Ст. 656.

¹⁴ Гладун З.С. Правовое положение советского врача // Правоведение. 1991. № 5. С. 84.

¹⁵ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 27. Ст. 920.

роны, изданием новых нормативных документов, а с другой — противоречивой практикой реализации законодательных норм, регулирующих организацию медицинского страхования¹⁶. Следует учесть, что Закон о медицинском страховании 1991 г. официально приравнял к медицинским учреждениям лиц, осуществляющих медицинскую деятельность как индивидуально, так и коллективно, а также впервые установил правило о лицензировании и аккредитации всех медицинских учреждений независимо от форм собственности.

Изменение ситуации в стране в начале 90-х гг. XX в. вызвало необходимость создания новой нормативно-правовой базы здравоохранения. В 1993 году были приняты Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан¹⁷ (далее — Основы законодательства 1993 г.), в которых согласно международным правовым нормам закреплялся приоритет прав человека в сфере охраны здоровья, восстанавливалось нарушенное равновесие между интересами личности и общества, определялись права пациентов, отсутствующие в прежнем советском законодательстве. Впервые закрепленные в данном законе нормы детерминировали формирование многих новых правовых институтов, ранее не известных российской системе права: установление стандартов качества медицинской помощи и контроль за их соблюдением; комитеты (комиссии) по вопросам этики в области охраны здоровья; информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство; независимая медицинская экспертиза; сертификат специалиста;

частная медицинская практика; народная медицина (целительство); лечащий врач; семейный врач; медицинские ассоциации и др.

Следует отметить, что Основы законодательства 1993 г. на протяжении более 18 лет были важнейшим системообразующим нормативным актом в системе правового регулирования всей медицинской сферы в России. Однако за эти годы изменилась социально-экономическая ситуация в стране, произошли определенные перемены в системе исполнительной власти и организационных основах оказания медицинской помощи, концептуально поменялись подходы к реформированию здравоохранения и разграничению полномочий между органами государственной власти и местного самоуправления. В новых условиях актуализировались вопросы восполнения пробелов правового регулирования медицинской сферы и совершенствования действующего законодательства.

Принятый после длительного законотворческого процесса Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — Закон № 323-ФЗ)¹⁸ был призван стать базовым для всей сферы здравоохранения России. Однако очевидные существенные недостатки данного документа вызвали справедливую критику как еще на стадии общественного обсуждения законопроекта, так и после его принятия. Причем сравнительный анализ прежних Основ законодательства 1993 г. и нового Закона № 323-ФЗ порождает обоснованные сомнения в целесообразности принятия последнего. В этой связи следует согласиться, по существу, со следующим критическим суждением А.В. Тихомирова, высказанным им вскоре после появления на свет Закона № 323-ФЗ: «Если прежние Основы 1993 г. предприняли — пусть

¹⁶ См.: Вишняков Н.И., Данилов Е.О. Некоторые аспекты развития обязательного медицинского страхования (критический анализ двухгодичного опыта) // Проблемы городского здравоохранения : сб. науч. тр. / под ред. Н.И. Вишнякова. СПб. : ИМСПУ, 1995. С. 5–9.

¹⁷ Ведомости СНГ и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1318.

¹⁸ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

и несовершенно, противоречивый и далеко не полноценный — шаг в сторону гражданского оборота в отрасли, то новый закон не просто возвращает здравоохранение к рубежу до принятия Основ, но и ужесточает социалистический административно-командный режим в условиях, в которых он в нынешних условиях культивироваться не может»¹⁹.

Таким образом, в ходе эволюции правового регулирования медицинской сферы в России исторически сложилась система преимущественно административных (государственных) регуляторов медицинской деятельности. К числу важнейших нормативных документов, ставших источниками административного права на разных этапах исторического развития России, следует отнести Церковный устав Владимира Святославича (X–XI вв.); Воинский устав 1716 г.; Морской устав 1720 г.; Свод учреждений и уставов врачебных 1832 и 1842 гг.; Устав врачебный (ред. 1857, 1892, 1905 гг.); Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 1 декабря 1924 г. «О профессиональной работе и правах медицинских работников»; постановление СНК СССР от 15 сентября 1937 г. «О порядке проведения медицинских операций»; Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении 1969 г.; Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан 1993 г.; Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». При этом законодательство о здравоохранении в значительной степени было подвержено ведомственному влиянию создаваемых в разное время центральных административных органов: Аптекарский приказ (1581); Медицинская канцелярия (1721); Медицинская коллегия (1763); Министерство

внутренних дел (1802); Наркомздрав РСФСР (1918); Наркомздрав СССР (1936); Минздрав СССР (1946); Минздрав РСФСР (1992); Минздравмедпром РФ (1994); Минздрав РФ (1996); Минздравсоцразвития РФ (2004); Минздрав России (2012).

В современной России сохраняется выраженное доминирование административных регуляторов в медицинской сфере. Данное положение закреплено Законом № 323-ФЗ, устанавливающим режим ведомственного администрирования медицинской деятельности через положения о порядках и стандартах оказания медицинской помощи, о контроле качества и безопасности медицинской деятельности и др. Все основные административно-правовые функции в сфере регулирования медицинской деятельности в настоящее время распределены между разными органами государственной администрации. Главную роль в системе этих органов играет уполномоченный федеральный орган исполнительной власти — Министерство здравоохранения РФ (Минздрав России), который осуществляет административно-правовое регулирование медицинской деятельности, выполняя нормотворческую (издание нормативных актов) и исполнительную (реализация государственной политики) функции. Подведомственная Минздраву России Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор) и ее органы осуществляют юрисдикционную функцию путем проведения государственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности, а также применения санкций к нарушителям. В свою очередь уполномоченные органы государственной власти субъектов РФ осуществляют организацию оказания населению медицинской помощи в подведомственных медицинских организациях и лицензирование медицинской деятельности частных медицинских организаций.

¹⁹ Тихомиров А.В. Законодательная реформа здравоохранения: обсуждение и выводы // Главный врач: хозяйство и право. 2012. № 2. С. 40.

Литература

1. Бобров О.Е. Медицинские преступления: правда и ложь / О.Е. Бобров. Петрозаводск : ИнтелТек, 2003. 200 с.
2. Вишняков Н.И. Некоторые аспекты развития обязательного медицинского страхования (критический анализ двухгодичного опыта) / Н.И. Вишняков, Е.О. Данилов // Проблемы городского здравоохранения : сб. науч. тр. / под ред. Н.И. Вишнякова. СПб. : ИМСПУ, 1995. С. 5–9.
3. Гладун З.С. Правовое положение советского врача / З.С. Гладун // Правоведение. 1991. № 5. С. 82–86.
4. Елина Н.К. Историко-правовые аспекты формирования законодательства о медицинской деятельности в годы становления Советского государства / Н.К. Елина // История государства и права. 2011. № 13. С. 17–20.
5. Пищита А.Н. Исторический опыт, современное состояние и перспективы правового обеспечения здравоохранения в России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.Н. Пищита. М., 2006. 50 с.
6. Стеценко С.Г. Медицинское право : учебник / С.Г. Стеценко. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 572 с.
7. Тихомиров А.В. Законодательная реформа здравоохранения: обсуждение и выводы / А.В. Тихомиров // Главный врач: хозяйство и право. 2012. № 2. С. 40–48.

References

1. Bobrov O.E. Meditsinskie prestupleniya: pravda i lozh [Medical Crimes: Truth and Lie] / O.E. Bobrov. Petrozavodsk : IntelTek — Petrozavodsk : IntelTec, 2003. 200 s.
2. Vishnyakov N.I. Nekotory`e aspekty` razvitiya obyazatel'nogo meditsinskogo strakhovaniya (kriticheskiy analiz dvukhgodichnogo opy`ta) [Some Aspects of the Development of Compulsory Medical Insurance (a Critical Analysis of the Two-Year Experience)] / N.I. Vishnyakov, E.O. Danilov // Problemy` gorodskogo zdravookhraneniya : sb. nauch. tr. / pod red. N.I. Vishnyakova. Sankt-Peterburg : IMSPU — Urban Healthcare Issues : collection of scientific articles / edited by N.I. Vishnyakov. Saint Petersburg : Institute of Medical and Social Issues and Management, 1995. S. 5–9.
3. Gladun Z.S. Pravovoe polozhenie sovetskogo vracha [The Legal Status of a Soviet Doctor] / Z.S. Gladun // Pravovedenie — Legal Studies. 1991. № 5. S. 82–86.
4. Elina N.K. Istoriko-pravovyy`e aspekty` formirovaniya zakonodatelstva o meditsinskoj deyatel'nosti v gody` stanovleniya Sovetskogo gosudarstva [Historical and Legal Aspects of the Establishment of Laws on Medical Activities in the Years of the Origination of the Soviet State] / N.K. Elina // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2011. № 13. S. 17–20.
5. Pischita A.N. Istoricheskiy opy`t, sovremennoe sostoyanie i perspektivy` pravovogo obespecheniya zdravookhraneniya v Rossii : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [The Historical Experience, Modern State and Prospects of the Legal Regulation of Healthcare in Russia : author's abstract of thesis of ... Doctor of Law] / A.N. Pischita. Moskva — Moscow, 2006. 50 s.
6. Stetsenko S.G. Meditsinskoe pravo : uchebnik [Medical Law : textbook] / S.G. Stetsenko. Sankt-Peterburg : Yuridicheskiy tsentr Press — Saint Petersburg : Legal Center Press, 2004. 572 s.
7. Tikhomirov A.V. Zakonodatel'naya reforma zdravookhraneniya: obsuzhdenie i vy`vody` [The Legal Reform of Healthcare: Discussion and Conclusions] / A.V. Tikhomirov // Glavny`y vrach: khozyaystvo i pravo — Chief Medical Officer: Business and Law. 2012. № 2. S. 40–48.

Уважаемые авторы!

Просим вас тщательно проверять перед отправлением в редакцию общую орфографию статей, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации. Обращаем ваше внимание на то, что автор несет личную ответственность за оригинальность текста, а также за достоверность приведенных данных и точность цитируемых текстов.

Деятельность Владимирского сиротского суда по опеке несовершеннолетних (2-я пол. XIX в.)

*Балдин Кирилл Евгеньевич,
профессор кафедры истории России
Ивановского государственного университета,
доктор исторических наук, профессор
kebaldin@mail.ru*

*Кузнецова Ольга Александровна,
доцент Ивановского филиала
Международного юридического института,
кандидат исторических наук, доцент
yako2507@yandex.ru*

*Столяров Дмитрий Анатольевич,
доцент Ивановского филиала
Международного юридического института,
кандидат исторических наук, доцент
ivanauka@lawinst.ru*

В статье рассматривается деятельность сиротских судов в России в XIX веке. В качестве объекта исследования выбран Владимирский сиротский суд, предметом исследования является его деятельность по организации опеки несовершеннолетних детей из купеческого сословия. Сиротские суды были созданы в России на основе Учреждения о губерниях 1775 года, и в дальнейшем до начала XX века их правовая база практически не менялась. Автор на конкретных примерах доказывает, что деятельность Владимирского сиротского суда была достаточно эффективной. Опекуны несовершеннолетних под его надзором в целом аккуратно выполняли свои обязанности.

***Ключевые слова:** сиротский суд, Учреждение о губерниях, опека несовершеннолетних, опекуны, российское купечество, социальная деятельность.*

Activities of the Vladimir Orphans' Court Related to Guardianship of Minors (the Second Half of the XIXth Century)

*Baldin Kirill E.
Professor of the Department of Russian History of the Ivanovo State University
Doctor of History
Professor*

*Kuznetsova Olga A.
Associate Professor of the Ivanovo Branch of the International Law Institute
Candidate of Historical Sciences
Associate Professor*

*Stolyarov Dmitriy A.
Associate Professor of the Ivanovo Branch of the International Law Institute
Candidate of Historical Sciences
Associate Professor*

The article considers the activity of orphan courts in Russia in 19th century. As the object of the study selected Vladimir orphan court, the subject of the study is its activities to organize the guardianship of underage children from the merchant estate. The orphan courts were established in Russia on the basis of the Institution of Provinces in 1775 and in the future until the beginning of the XX century their legal base was practically unchanged. The author on concrete examples proves, that activity of Vladimir orphan court was rather effective. Guardian of minors under his supervision carefully fulfilled the duties.

***Keywords:** orphan court, Institution of Provinces, guardianship of minors, guardians, Russian merchants, social activities.*

Одним из важнейших преобразований, проведенных в царствование императрицы Екатерины II, была губернская реформа 1775 г. Обычно в литературе сам закон называется «Учреждением о губерниях», полное его наименование звучит так: «Учреждение для правления губерниями Всероссийской империи». Число губерний в стране увеличилось с 23 до 50, но не это было главным. В губернии и уезде появилась новая система органов управления и новая иерархия должностных лиц. Наряду с казенными палатами, приказами общественного призрения, губернскими магистратами, верхними и нижними расправами, в соответствии с этим документом, появились городские сиротские суды.

Сразу следует оговориться, что это не были суды в полном смысле этого слова. Они имели к юстиции лишь косвенное отношение и представляли собой скорее социальные учреждения. Это были органы, которые заведовали опекой над вдовами и сиротами, оставшимися без главы семьи и кормильца. Они представляли собой типичные сословные учреждения, их юрисдикция распространялась лишь на городские сословия — купцов и мещан. Создавались они по образу и подобию учреждений, уже существовавших в то время, но для другого сословия — по примеру дворянских опеков. В Учреждении о губерниях городскому сиротскому суду посвящена гл. XXI, в которой содержатся ст. 293–304, ст. 305 представляет собой «Примерное или повальное наставление опекунам»¹.

Большинство губернских, уездных и городских учреждений, созданных во времена Екатерины II, дожили до Великих реформ Александра II и в 1860–1870-х годах были заменены другими структурами. Однако сиротские суды продолжали существовать, изменения, которые были внесены в их структуру и деятельность после 1775 г., имели косметический характер. Например, в ре-

зультате судебной реформы Александра II решения сиротских судов можно было обжаловать в окружном суде — новация, появившаяся в соответствии с судебной реформой 1864 г.

Эти органы были созданы практически в каждом городе и просуществовали с конца XVIII в. по 1918 г. Мы рассмотрим деятельность их на примере Владимирского сиротского суда, документы которого неплохо сохранились в Государственном архиве Владимирской области, в фонде этого учреждения насчитывается почти 700 дел. Из них была сделана выборка дел по опеке купеческих детей, так как в этих документах особенно рельефно представлены имущественные отношения людей, в отличие от опеки над представителями не столь зажиточного мещанского сословия. Так как этих дел в изученном фонде довольно много, то мы ограничились кругом документов второй половиной XIX столетия. В них представлены преимущественно описи имений, опекаемых и ежегодные отчеты опекунов.

По положению о сиротском суде его руководителем являлся глава местного городского самоуправления. После его принятия в ходе Великих реформ Александра II практически никаких изменений не произошло, по Городовому положению 1870 г. городской голова продолжал возглавлять это учреждение. Во Владимире в 1850-х годах в этом органе председательствовал, соответственно, глава городского самоуправления А. Никитин, а в 1870-х годах — один из его преемников В. Павлов. В составе рассматриваемой нами структуры в 1850-х годах присутствовали местные ратманы и городской староста. Заседания сиротского суда происходили во Владимире обычно один раз в месяц, иногда их периодичность уменьшалась до одного заседания за два месяца.

По статье 298 Учреждения о губерниях суд не должен был самостоятельно, по своему почину, вступаться за вдов и сирот, а действовал в следующих случаях: по прошению вдовы, ближайших род-

¹ Большая энциклопедия / ред. С.Н. Южаков. Т. 17. СПб., 1904. С. 419.

ственников или свойственников людей, нуждавшихся в опеке, по уведомлению городского головы или же по заявлению приходского священника. В действительности же руководители сиротских судов в необходимых случаях все же проявляли инициативу, инициируя опеку над нуждавшимися, даже в случае, если к ним не поступали заявления с просьбой об этом. Так, в 1872 г. председатель Владимирского сиротского суда местный купец 2-й гильдии Владимир Илларионович Павлов узнал о том, что после смерти владимирского купца Н.К. Конова осталась вдова с шестью детьми. Он предложил учредить над ними опеку, что в скором времени и было сделано².

Членам сиротского суда приходилось нередко разъезжать по городу и Владимирскому уезду, а иногда и за его пределами, так как недвижимая собственность подопечных не обязательно была сосредоточена только в том городе, на который распространялась юрисдикция данного суда. Например, членам Владимирского сиротского суда Гончарову и Федосееву были выплачены прогонные, т.е. командировочные деньги, за их поездки по Владимирскому и Судогодскому уездам в 1890-х годах³.

Уездный сиротский суд являлся социальным учреждением, которое было подведомственно Министерству юстиции. Требуя ежегодные отчеты от опекунов, он сам был обязан представлять свои отчеты уездному стряпчему. Это должностное лицо осуществляло в то время прокурорский надзор в границах уезда, и через него сведения о деятельности сиротского суда попадали в столицу, в Министерство юстиции.

Особенно большое внимание законодатель уделил отбору опекунов и их обязанностям. Они по уже цитированному нами Учреждению о губерниях должны были выбираться судом из родственников или свойственников детей, оставшихся без отца. Вполне допустимым был

выбор и посторонних, но непременно «людей доброго, честного и порядочного поведения» с «добродетельными качествами». Следующая ст. 300 запрещала назначать опекунами «расточителей собственного своего имения», банкротов, порочных людей. Также не годились имевшие когда-то ссору с родителями малолетнего, так как было сложно рассчитывать на их беспристрастность, а тем более — расположение к осиротевшим детям⁴.

Довольно стандартной была ситуация, когда опека возлагалась на мать малолетних. С современной точки зрения это выглядит как нонсенс, так как мать и так является родительницей детей, и если она адекватна, то будет о них заботиться. Однако до революции порядки были иными. В ряде случаев сиротский суд считал, что мать, нигде не работающая и не имеющая навыков в какой-либо профессии или ремесле, не может стать надежной опорой для малолетних детей. В связи с этим довольно часто назначали опекуном дядю по матери или по покойному отцу. В ряде случаев опекунами становились одновременно мать детей и их дядя. Так произошло с детьми покойного владимирского купца И.П. Козлова, когда заботиться о них стали: их мать Александра Ефремовна Козлова и их дядя купец 1-й гильдии Семен Петрович Козлов⁵. Смена опекунов была нередкой. Это случалось по заявлениям самих опекунов, причем причины в просьбах указывались, как правило, уважительные. Например, Д.С. Урин — дядя малолетних купеческих детей Лебедевых пожелал сложить с себя опекунство, сославшись на ухудшившееся здоровье, просьба его была удовлетворена⁶.

Бывало и так, что сиротский суд принудительно отстранял опекунов от должности, получив сведения о том, что они относятся к своим обязанно-

² Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 549. Оп. 1. Д. 423. Л. 1.

³ ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 543. Л. 18.

⁴ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 20. СПб., 1830. С. 261–262.

⁵ ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 394. Л. 6, 321.

⁶ ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 523. Л. 38.

стям неаккуратно или даже злоупотребляют своим должностным положением. Двух внуков купца И.И. Славнова после смерти его и его сына сначала поручили опекать жене последнего и матери детей — Глафире Ивановне Славновой. В дальнейшем за «неправильное» использование принадлежавшего им имущества (дома) ее отстранили от этой должности, что вызвало с ее стороны жалобы в сиротский суд. Последний, оставив эту жалобу без последствий, назначил в 1860 г. опекунами малолетних Славновых коллежского регистратора Н. Валерианова и владимирского купца Е. Шарова. В 1862 году по причинам, о которых умалчивают архивные документы, опекунами были уже коллежский советник А. Рогов и титулярный советник К. Рудаков, а в 1864 г. — купец Шавин. Таким образом, за неполные пять лет у одних и тех же детей сменилось шестеро опекунов!⁷

Одним из первых шагов опекунов на их в общем-то нелегком поприще являлась оценка по запросу сиротского суда того имущества, которое досталось подопечным после смерти родителя (родителей). Эта процедура занимала довольно длительное время, иногда продолжаясь целый день.

Составляемая опись была максимально подробной и по сложившейся традиции начиналась с недвижимого имущества. Так, трем малолетним дочерям умершего владимирского 1-й гильдии купца И.П. Козлова принадлежал дом и магазин в губернском центре, а также строения в Суздале и Суздальском уезде. Все это было аккуратно переписано при содействии владимирской и суздальской полиции. О тщательности, с которой проводилась такого рода процедура, свидетельствовало то, что в оценочном документе были аккуратно перечислены все помещения в доме, включая кладовые и чуланы, а также окружавшие жилое строение надворные постройки. Внутри

дома казенные оценщики перечислили все печи и даже двери⁸. Еще более подробными в таких документах оказывались перечни движимого имущества. Каждую ложку и вилку, разумеется, не упоминали, но на вещи из драгоценных металлов было обращено пристальное внимание. По существовавшей традиции опись движимости открывалась перечислением икон, тем более что многие из них, будучи особо ценными семейными реликвиями, были украшены окладами из драгоценных металлов. Оставшиеся без отца — покровского купца Н.Т. Лебедева его дети Петр, Михаил и Надежда оказались владельцами иконы «Знамение» «в серебряной ризе», образов Корсунской Богоматери и соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия. После сакральных предметов в описи следовали вещи сугубо мирские, начиная с мебели. В семье Лебедева фигурировали венские стулья, буфет из ясеня. Не упускали оценщики и то, что в позапрошлом веке называлось средневековым термином «мягкая рухлядь», т.е. одежду. У Лебедевых в списке значились шубы куньи и енотовые, пальто хорьковые и выхулевые⁹.

Опись составляли должностные лица, называвшиеся оценщиками, они являлись не частными лицами, а казенными людьми. Такие чиновники имелись в наличии не только в губернском центре, но и в уездных городах. Например, оценку имущества, оставшегося в Суздале наследницам владимирского купца Козлова, проводили по просьбе владимирского сиротского суда оценщики, направленные Суздальским полицейским управлением. При оценке для удостоверения ее справедливости должны были присутствовать так называемые «добросовестные», тогда таким термином назывались понятия¹⁰.

В Учреждении о губерниях было сказано, что опекуны должны под-

⁷ ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 353. Л. 174, 249, 602; Д. 369, Л. 19, 26, 40.

⁸ ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 394. Л. 3, 6.

⁹ ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 523. Л. 18.

¹⁰ ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 394. Л. 3.

держивать торги, промыслы, фабрики, принадлежавшие малолетним подопечным, в «цветущем состоянии», осуществляя «добрую экономию» их имущества. В свою очередь сиротский суд должен был следить за такого рода действиями опекунов. Об этом шла речь в наставлении опекунам, приложенным к «Учреждению»¹¹.

Большинство опекунов, отчитывавшихся перед Владимирским сиротским судом, соблюдали режим «доброй экономии», который им рекомендовало вышеупомянутое «Наставление». В частности, опекуны малолетних купеческих детей Козловых, являвшихся владельцами мельницы в Заполицах неподалеку от Суздаля, для того, чтобы она не простаивала, сдали ее в аренду Торговому дому Жинкиных¹².

Для сохранности ценные бумаги, принадлежавшие подопечным, хранились не дома «под подушкой», а в самом сиротском суде. Например, там находились принадлежавшие малолетним наследникам купца П.Я. Филиппова 49 билетов 1-го и 2-го внутренних займов на 5 тыс. руб. и 60 пятипроцентных билетов Государственного банка разных выпусков на 38 тыс. руб.¹³.

В случае необходимости опекунам иногда приходилось продавать часть имущества малолетних. Причины этого могли быть разными. Опекуны детей купца И.П. Козлова озаботились продажей дома, флигеля, лавки и земли под ними в Суздале в связи с тем, что вся эта недвижимость находилась за 30 верст от Владимира и поддерживать ее в рабочем состоянии было сложно, а во-вторых, эта усадьба не давала никакого дохода. Другими мотивами руководствовались опекуны малолетних купеческих детей Лебедевых, продавая участок леса, кирпич и старое железо, которое находилось на принадлежавшей им недействующей фабрике. Дело было в том, что средств на

достойное содержание этих детей просто не было и вырученные от продажи деньги пошли на удовлетворение элементарных материальных нужд малолетних¹⁴.

Не так часто происходившие случаи продажи имущества подопечных очень строго контролировались сиротским судом, для того чтобы не наносить убыток малолетним наследникам. Санкцию на такого рода сделки нужно было получить не только от руководителей сиротского суда, но еще от губернатора и даже от Сената. Например, в 1858 г. Правительствующий сенат дал согласие на продажу опекунами дома с флигелем и землей, принадлежавших малолетним купеческим детям Ворониным. Причиной продажи была ветхость и, соответственно, бездоходность имения. При этом, вероятно, для порядка в определении Сената по этому делу лишний раз была подчеркнута необходимость неукоснительного соблюдения интересов подопечных при продаже, а в дальнейшем — при использовании вырученных денег¹⁵.

В этой связи, вероятно, следует признать заботливыми опекунов детей купца И.И. Славнова, коллежского советника А.А. Рогова и титулярного советника К.М. Рудакова. Они жаловались Владимирскому сиротскому суду на мать этих детей Глафиру Славнову, которая отдавала внаем принадлежавший этим детям дом, получала от этого доходы, используя их не в интересах детей¹⁶.

В Повальном наставлении, которое являлось приложением к корпусу статей о сиротском суде, говорилось, что, если на имении подопечных имеются долги, опекуны должны оплатить их, в первую очередь — срочные¹⁷. Такие ситуации в практике Владимирского сиротского суда встречались нередко. Например, в 1870-х годах опекунам наследников купца Н.К. Кононова при-

¹¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 20. СПб., 1830. С. 263.

¹² ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 394. Л. 101.

¹³ ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 443. Л. 12.

¹⁴ ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 543. Л. 15; Д. 394. Л. 456.

¹⁵ ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 344. Л. 3.

¹⁶ ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 363. Л. 602.

¹⁷ ПСЗРИ. Т. 20. СПб., 1830. С. 263.

шлось раздать довольно много денег по векселям покойного родителя. С другой стороны, опекуны были обязаны взыскивать деньги с тех людей, которые задолжали покойному отцу несовершеннолетних опекаемых. Например, в пользу наследников владимирского купца И.П. Киселева было взыскано почти 2,5 тыс. руб. с владимирских купцов И.А. Подурцева, М.П. Титова, Я.Н. Евдокимова. Для того чтобы эти деньги не лежали мертвым грузом, а «работали», на них было приобретено «47 серий», которые давали проценты¹⁸.

Статья 299 «Учреждения», перечислявшая требования к возможным опекунам, указывала на то, что они должны обеспечивать малолетним не только содержание, но и «пристойное воспитание». Тогда под этим термином подразумевалось не только воспитание как таковое, но и обучение, как общеобразовательное, так и профессиональное. Разумеется, в этом процессе очень многое зависело от размеров наследства. Отчеты опекунов, сохранившиеся в архивных делах, дают представление о том, что у одних детей (например, наследников купца И.П. Козлова) имелись гувернантки, которые занимались воспитанием малолетних, а опекуны не столь богатых детей купца И.И. Славнова отчитывались только об их расходах на питание¹⁹.

После смерти другого владимирского купца Н.П. Козлова остался сын Николай. Относительно его опекуны писали в отчете за 1874 г., что он в 15 лет, «обучаясь наукам, приучается к торговле». В следующем году в отчете говорится лишь о том, что он для того, чтобы принять в руки отцовское коммерческое дело, «приучается к торговле». Очевидно, юноша 16 лет уже прошел курс необходимых для него наук. Относительно трех дочерей купца П.Я. Филиппова в отчетах конца 1870-х годов говорилось, что старшие — Мария и Александра обучаются дома «наукам, рукоделиям и музыке», а

старший сын Петр учится в Московском коммерческом училище»²⁰.

В самой содержательной ст. 299 о сиротском суде Учреждения о губерниях говорилось, что этот орган должен иметь исчерпывающие сведения о том, как опекуны управляют имениями малолетних, и поэтому отчеты об этом с приложением самых разнообразных документов должны ежегодно представляться в сиротский суд.

Существовала стандартная форма отчета опекунов, встреченная нами во всех просмотренных документах. Она предусматривала представление счетов с точностью до копейки практически по всем расходам. Например, из этих документов видно, что у достаточно состоятельных детей купца Н.В. Козлова в 1874 г. была гувернантка (36 руб. жалования в год), кухарка (36 руб.), дворник (90 руб.), кучер (120 руб.). О расходах на питание детей купца И.П. Козлова свидетельствовала приложенная к отчету заборная книжка, по которой покупали (забирали) товар в лавке известного владимирского торговца Боровецкого. В конце этой книжки торговец своеручно свидетельствовал: «Получил деньги сполна»²¹. К ежегодным отчетам прилагались не только такого рода счета, но и страховые полисы, различные свидетельства и т.п.

Бывало и так, что опекуны задерживали представление ежегодных отчетов. Один из них, купец А.Е. Шавин, опекавший детей умершего купца Славнова, писал в сиротский суд о том, что из-за выезда из Владимира некоторых лиц, от которых требуется подпись в документах, представление отчета непредвиденно задерживается²².

Подводя итоги, следует констатировать, что сиротский суд, несмотря на архаичность этого института, продемонстрировал во второй половине XIX в. достаточно высокую эффективность в выпол-

²⁰ ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 424. Л. 322. 404; Д. 443. Л. 12.

²¹ ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 424. Л. 327; Д. 394. Л. 581.

²² ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 369. Л. 364.

¹⁸ ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 394. Л. 59–60.

¹⁹ ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 391. Л. 116. Д. 353. Л. 181.

нении возложенных на него социальных функций. Он достаточно оперативно находил и назначал на места опекунов для малолетних, оставшихся после кончины главы семьи. Если это было необходимо, то сиротский суд сменял опекунов в тех случаях, когда они выполняли свои функции неудовлетворительно. Контроль за опекунами осуществлялся с помощью проверки их ежегодных отчетов. Эти документы, составлявшиеся по существовавшей тогда подробной и прозрачной форме, если не полностью исключали злоупотребления, то по крайней мере очень значительно затрудняли их, если опекуны попробовали бы заняться ими.

В целом под руководством и контролем сиротского суда опекуны добились в большинстве случаев того, что оставшееся без ушедшего в иной мир хозяина то или иное купеческое коммерческое дело не угасало. Хотя не всегда его удавалось поддерживать в «цветущем состоянии», о котором говорилось в статьях о сиротском суде, но по крайней мере опекуны собирали долги, накопившиеся за должниками, или же отдавали долги, числившиеся за умершим отцом опекаемых. В большинстве случаев опекунам и сиротским судам удавалось поддерживать бизнес до тех пор, когда подопечные становились совершеннолетними и опека над ними снималась.

Литература

1. Большая энциклопедия : словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С.Н. Южакова [и др.]. Т. 17 : Сальвадор — Статистика. СПб. : Просвещение, 1904. 791 с.

References

1. Bolshaya entsiklopediya : slovar obschedostupny`kh svedeniy po vsem otraslyam znaniya [Large Encyclopedia : dictionary of publicly available information on all branches of knowledge] / pod red. S.N. Yuzhakova [i dr.]. T. 17 : Salvador — Statistika. Sankt-Peterburg : Prosveschenie — edited by S.N. Yuzhakov [et al.]. Vol. 17 : Salvador — Statistics. Saint Petersburg : Enlightenment, 1904. 791 s.

Редакционная политика Объединенной редакции «Издательская группа «Юрист» запрещает:

1. Самоплагиат. В случае, если элементы научной статьи ранее были опубликованы, в том числе и в журналах Издательской группы «Юрист», автор обязан сослаться на ранее опубликованную работу. Дословное копирование собственных работ и их перефразирование не допускается, они могут быть использованы только в качестве основы для новых выводов.

2. Дословное копирование более 10 процентов работы другого лица без указания его авторства, ссылки на источник и использования кавычек.

3. Некорректное перефразирование произведения другого лица, при котором было изменено более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения были расположены в ином порядке без соответствующей ссылки на источник. Существенное некорректное перефразирование (более 10 процентов оригинальной работы) без ссылки на источник приравнивается к дословному копированию.

4. Использование составных частей произведения другого лица без указания авторства, например, абзаца, рисунка или таблицы без указания ссылки на источник или использования кавычек.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-5-59-62

Реализация классового подхода к заключенным в 20-е гг. XX в.

*Ливенцев Дмитрий Вячеславович,
профессор внебюджетного факультета
Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний,
доктор исторических наук, профессор
liva2006@yandex.ru*

Статья рассматривает классовый подход к контингенту заключенных в первые годы советской власти. Кроме того, уделяется внимание отечественной истории исправительных учреждений.

Ключевые слова: классовый подход, исправительный дом, сельскохозяйственная колония, крестьянин, заключенный, рабочий.

Implementation of a Class Approach to Prisoners in the 1920s

*Liventsev Dmitriy V.
Professor of the Extra-Budgetary Faculty of the VRI of the FPS of Russia
Doctor of History
Professor*

The article considers the class approach to the contingent of prisoners in the first years of soviet power. In addition, attention is paid to the national history of correctional institutions.

Keywords: class approach, reformatory, agricultural colony, farmer, prisoner, worker.

Революционные события в России в начале XX в. коснулись, помимо ожидаемых изменений в общественной¹ и политической² жизни, такой специфической сферы государственной деятельности, как организация исправительных учреждений. Еще в дни Февральской революции видный педагог-новатор К.Н. Вентцель в своей брошюре «Уничтожение тюрем»³ призывал к полной ликвидации исправительных учреждений⁴. Затем возникли теории о месте заключения как социальной клинике по исправлению общественных пороков, а не самих преступников⁵.

Однако главным при формировании отношения к лицам, совершившим преступления, в 1920-е годы становится классовый подход. Одним из его наиболее заметных представителей являлся И.Т. Савицкий, подробно изложивший собственные научные взгляды в двух работах «Как советская власть исправляет преступников»⁶ и «Исправительно-трудовые сельскохозяйственные колонии»⁷.

В начале своих исследований И.Т. Савицкий признает, что у советской власти долгое время не хватало сил и резервов на организацию исправительно-трудовых учреждений: «...В первые годы завоевания и укрепления Советской власти дело исправления и перевоспитания заключенных не могло явиться задачей первостепенной важности.

¹ Таппасханова И.Б. Аграрный вопрос в 1917–1918 гг.: законодательная основа и регулирование // История государства и права. 2015. № 13. С. 41–44.

² Денисенко В.В. Модернизация общества и правовое регулирование // История государства и права. 2007. № 22. С. 2–4.

³ Вентцель К.Н. Уничтожение тюрем. М., 1917. С. 15.

⁴ Ливенцев Д.В. Проект уничтожения тюрем во время Февральской буржуазной революции 1917 г. // История государства и права. 2016. № 11. С. 56–58.

⁵ Ливенцев Д.В. Советские исправительные трудовые дома как социальная клиника в

20–30-е гг. XX в. // История государства и права. 2017. № 16. С. 26–28.

⁶ Савицкий И.Т. Как советская власть исправляет преступников. Харьков, 1925. С. 96.

⁷ Савицкий И.Т. Исправительно-трудовые сельскохозяйственные колонии. Харьков, 1925. С. 32.

<...> Ожесточенная гражданская война и вооруженное вмешательство буржуазных стран в дела Советских республик требовали от Советской власти огромного напряжения сил для отпора контрреволюционным группировкам.

<...> И только по ликвидации фронтов Советская власть стала на путь возрождения страны во всех ее разносторонних областях»⁸.

И.Т. Савицкий ставит в своих исследованиях вопрос о необходимости полной ликвидации преступности в советском обществе: «...дело ликвидации условий, порождающих преступность, является частью общей задачи переустройства общества на новых трудовых, коммунистических началах, задачи, которую Советская власть с первого дня своего существования разрешает путем организации социалистического хозяйства, целым рядом вытекающих отсюда мероприятий»⁹.

Одновременно И.Т. Савицкий называет главные причины преступности в буржуазном обществе: «...люди не рождаются преступниками, главным рычагом в преступлении, как и во всех проявлениях нашей жизни, является экономик».

<...> Обнищание, безработица, высокие цены на хлеб и иные продукты питания, понижение заработной платы, одним словом, все те явления, которые сопутствуют существованию капиталистического строя, порождают и преступность»¹⁰.

Более того, И.Т. Савицкий обвиняет западных коллег «тюрьмоведов» в заранее предвзятом отношении к личности самого преступника без учета классовой составляющей любого правонарушения: «...взгляд буржуазного общества и буржуазных ученых на преступника как на человека, который от рождения наделен склонностью к совершению преступлений, этот взгляд на так

называемого “прирожденного преступника” ложен и выставляется буржуазными учеными только для того, чтобы затушевать классовую природу преступления»¹¹.

В подобной ситуации, по мнению ученого, для советской власти именно необходимо применение классового подхода к совершенному преступлению: «...Пролетарский суд учитывает мотивы и характер совершенного проступка и исследует вопрос о том, направлен ли таковой против отдельной личности или против государственного строя трудящихся, совершено ли преступление с полным сознанием совершенного или в состоянии невменяемости или под влиянием или угрозой другого лица, совершен ли проступок первый раз или несколько раз и тому подобное.

<...> Все поступающие в места заключения для срока лишения свободы, как меры социальной защиты, распределяются специальной наблюдательной комиссией по разрядам и категориям, в зависимости от определения судом характера преступления и от определения мер социальной защиты»¹².

Для И.Т. Савицкого и других теоретиков классового подхода к заключенным главным было именно распределение преступников по категориям.

Первая категория — лица, чуждые социально советской власти и практически не подлежащие трудовому перевоспитанию из-за своего происхождения.

Вторая категория — профессиональные преступники, представляющие тяжелое социальное наследие царского режима. Они считались не подлежащими перевоспитанию, но не являлись чуждыми по классовому принципу, и должны были прекратить свое существование в будущем коммунистическом обществе по естественным социальным причинам. И.Т. Савицкий писал о данной категории профессиональных преступ-

⁸ Там же. С. 3.

⁹ Там же. С. 4.

¹⁰ Савицкий И.Т. Как советская власть исправляет преступников. Харьков, 1925. С. 15.

¹¹ Савицкий И.Т. Исправительно-трудовые сельскохозяйственные колонии. Харьков, 1925. С. 5–6.

¹² Там же. С. 7.

ников следующее: «...в вопросах же приспособления к условиям трудового общежития преступников, доставшихся нам от старого буржуазного общества, Советская власть стала на путь исправительно-трудового их перевоспитания и культурно-просветительской обработки»¹³.

Наконец, третья, привилегированная категория. Преступник принадлежал к рабочим, крестьянам, а еще лучше красноармейцам. Его классовое происхождение подразумевало не чуждость советскому обществу, а само правонарушение возводило в разряд буржуазных пережитков¹⁴.

Для третьей категории преступников существовало советское трудовое и культурно-просветительское перевоспитание. Для них места заключения должны были представлять социальную клинику. Подобное отношение приводит к формированию исправительных учреждений с облегченным режимом содержания заключенных — исправительные дома и сельскохозяйственные колонии. Сроки для заключенных третьей категории не превышали пяти лет и подлежали существенному сокращению в случае примерного поведения или успехов в трудовой и культурно-просветительской деятельности. Более того, появляются исправтрудрабочие и исправтрудработницы, которые пере-

воспитывались вообще на действующих предприятиях в рамках производственных отношений.

В своих трудах И.Т. Савицкий пытался подчеркивать гуманность и справедливость классового подхода советской власти по отношению к заключенным: «...Не кара, не месть за содеянное, а методы исправления разрабатывает и применяет Советская власть по отношению к лицам, впавшим в преступление.

<...> Но и здесь так же, как и во всем, суд и исправительно-трудоуые учреждения, являющиеся продолжателями деятельности суда в деле оценки совершенного проступка, в деле определения срока заключения, способах и методах исправления преступника, стоят на классовой точке зрения»¹⁵.

Однако если попытаться подойти с достаточной долей объективности к методам исправления, основанным на классовом подходе к заключенным, то их надо признать далекими от идеальных.

Нельзя не отметить, что реализация классового подхода к заключенным в 20-х гг. XX в. носила во многом идеологический характер. На наш взгляд, она не выполняла декларируемых мер по ликвидации преступности. Можно сказать, даже о социальной дискриминации представителей бывших эксплуататорских слоев общества по классовому принципу.

¹³ Савицкий И.Т. Как советская власть исправляет преступников. Харьков, 1925. С. 18.

¹⁴ Там же. С. 19.

¹⁵ Савицкий И.Т. Исправительно-трудоуые сельскохозяйственные колонии. Харьков, 1925. С. 8.

Литература

1. Вентцель К.Н. Уничтожение тюрем / К.Н. Вентцель. М. : Кружок С.В.О.Д., 1917. 15 с.
2. Денисенко В.В. Модернизация общества и правовое регулирование / В.В. Денисенко // История государства и права. 2007. № 22. С. 2–4.
3. Ливенцев Д.В. Проект уничтожения тюрем во время Февральской буржуазной революции 1917 г. / Д.В. Ливенцев // История государства и права. 2016. № 11. С. 56–58.
4. Ливенцев Д.В. Советские исправительные трудовые дома как социальная клиника в 20–30-е гг. XX в. / Д.В. Ливенцев // История государства и права. 2017. № 16. С. 26–28.
5. Савицкий И.Т. Исправительно-трудоуые сельскохозяйственные колонии / И.Т. Савицкий. Харьков : Юрид. изд-во Наркомюста УССР, 1925. 32 с.
6. Савицкий И.Т. Как советская власть исправляет преступников / И.Т. Савицкий. Харьков : Юрид. изд-во Наркомюста УССР, 1925. 96 с.
7. Таппасханова И.Б. Аграрный вопрос в 1917–1918 гг.: законодательная основа и регулирование / И.Б. Таппасханова // История государства и права. 2015. № 13. С. 41–44.

References

1. Venttsel K.N. Unichtozhenie tyurem [Destruction of Prisons] / K.N. Venttsel. Moskva : Kruzhok S.V.O.D. — Moscow : the S.V.O.D. Society, 1917. 15 s.
 2. Denisenko V.V. Modernizatsiya obschestva i pravovoe regulirovanie [The Society Modernization and the Legal Regulation] / V.V. Denisenko // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2007. № 22. S. 2–4.
 3. Liventsev D.V. Proekt unichtozheniya tyurem vo vremya Fevralskoy burzhuanznoy revolyutsii 1917 g. [The Prison Destruction Project during the Period of the February Bourgeois Revolution of 1917] / D.V. Liventsev // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2016. № 11. S. 56–58.
 4. Liventsev D.V. Sovetskie ispravitelny`e trudovy`e doma kak sotsialnaya klinika v 20–30-e gg. XX v. [Soviet Corrective Labor Facilities as a Social Clinic in the 1920s to the 1930s] / D.V. Liventsev // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2017. № 16. S. 26–28.
 5. Savitskiy I.T. Ispravitelno-trudovy`e selskokhozyaystvenny`e kolonii [Corrective Labor Agricultural Colonies] / I.T. Savitskiy. Kharkov : Yurid. izd-vo Narkomyusta USSR — Kharkiv : Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the Ukrainian Soviet Socialist Republic, 1925. 32 s.
 6. Savitskiy I.T. Kak sovetskaya vlast ispravlyaet prestupnikov [How the Soviet Government Corrects Criminals] / I.T. Savitskiy. Kharkov : Yurid. izd-vo Narkomyusta USSR — Kharkiv : Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the Ukrainian Soviet Socialist Republic, 1925. 96 s.
 7. Tappaskhanova I.B. Agrarny`y vopros v 1917–1918 gg.: zakonodatel'naya osnova i regulirovanie [The Agrarian Issue in 1917 to 1918: The Legal Basis and Regulation] / I.B. Tappaskhanova // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2015. № 13. S. 41–44.
-

DOI : 10.18572/1812-3805-2019-5-62-68

Проблемы в работе органов городского самоуправления в сфере начального образования населения Западной Сибири (1908–1917)

*Храмцов Александр Борисович,
доцент Тюменского индустриального университета,
кандидат исторических наук
khramtsov_ab@bk.ru*

Исследованы проблемы в работе органов городского самоуправления в сфере начального образования населения Западной Сибири в 1908 — феврале 1917 года. В данный период осуществлялись переход к всеобщему начальному обучению, учреждение высших начальных училищ, создание в городах школьной сети, открытие учительских институтов. Установлено, что уровень развития начального образования в регионе не соответствовал запросам интенсивно растущей экономики края. На строительство новых зданий школ, их оборудование и обеспечение педагогическими кадрами требовались значительные средства. Развитие народного образования сдерживалось вследствие дефицита финансов, нехватки помещений и учителей и др. В разрешении проблем просвещения наблюдалась консолидация усилий городских властей и общественных организаций. К 1917 году завершилось формирование школьных сетей по Западно-Сибирскому учебному округу, но неуклонно усиливающийся спрос на образование не был удовлетворен. Повсеместно осуществить переход к всеобщему начальному обучению не удалось.

Ключевые слова: начальное обучение, народное образование, всеобщее обучение, школьная сеть, учебное заведение, начальное училище, учительский институт, Тобольская губерния, Томская губерния.

Issues of Operations of City Self-Government Authorities Concerning Primary Education of the Population of West Siberia (1908 to 1917)

Khrantsov Aleksandr B.

Associate Professor of the Industrial University of Tyumen

Candidate of Historical Sciences

Problems in work of bodies of city self-government in the sphere of primary education of the population of Western Siberia in 1908 — February, 1917 are investigated. During this period transition to general elementary education, establishment of the highest initial schools, creation in the cities of school network, opening of teacher's institutes was carried out. It is established that the level of development of primary education in the region did not correspond to inquiries of intensively growing edge economy. On construction of new buildings of schools, their equipment and providing with pedagogical shots considerable means were required. Development of national education restrained owing to deficiency of finance, the shortage of rooms and teachers, etc. In the solution of problems of education consolidation of efforts of the city authorities and public organizations was observed. By 1917 the formation of school networks on the West Siberian educational district was completed, but steadily amplifying demand for education was not satisfied. Everywhere it was not succeeded to carry out transition to general elementary education.

Keywords: elementary education, national education, general education, school network, educational institution, initial school, teacher's institute, Tobolsk province, Tomsk province.

В Западной Сибири к началу XX века назрела острая необходимость в открытии начальных школ, повышении грамотности населения и подготовке собственных учительских кадров. В досоветское время органы местного самоуправления (думы и управы), а также общественные деятели стали основными механизмами развития начального образования. Губернские и городские власти осознавали, что решить насущные проблемы в сфере народного образования без широкой поддержки населения им не под силу. Постепенно общественные организации приобщались к просветительной работе.

В соответствии с Законом от 3 мая 1908 г. были определены основы проведения первых мер по реализации проекта введения всеобщего обучения, формированию школьных сетей (в городах, уездах, губерниях) и принятию долгосрочных планов школьного строительства в Сибири, чтобы все дети 8–11 лет могли бесплатно получить начальное четырехгодичное образование¹. Интересно, что Закон «Об отпуске 6.900.000 рублей на нужды начального образова-

ния» не содержит норм о введении всеобщего (более того, обязательного!) начального образования в России².

Законы от 3 мая 1908 г. и 22 июня 1909 г. устанавливали меры материального содействия из казны городам для реализации плана введения всеобщего обучения и школьного строительства. Пособия из казны позволили городам поставить народное образование на более прочную финансовую основу. Согласно Закону от 25 июля 1912 г., все городские училища в трехгодичный срок подлежали преобразованию в высшие начальные училища³.

Из отчетов следует, что на 1910 г. в Томской губернии общее количество начальных училищ возросло до 746 (+40% к 1900 г.), учащихся — 49 915 и общий расход составил 779 171 руб. в год (на одного ученика 15,6 руб.)⁴; в Тобольской губернии всех начальных школ 803 (+43% к 1900 г.), учащихся —

¹ Наумова Н.Н. Школьная реформа П.А. Столыпина: опыт введения всеобщего обучения в Восточной Сибири (1906–1917) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. Иркутск : БГУ, 2015. С. 434.

² Закон от 3 мая 1908 г. «Об отпуске 6.900.000 рублей на нужды начального образования» // ПСЗРИ. Собр. III. Т. 28. Ч. 1. СПб., 1908. № 30328. С. 228–229.

³ Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 708. Л. 18–22 об.

⁴ Томская дирекция народных училищ. Краткие сведения об училищах, подведомственных Дирекции народных училищ Томской губернии, 1900–1911 гг. Томск : Паровая типография Н.И. Орловой, 1911. С. 20.

37 460 и общий расход — 604 873 руб. в год (на одного ученика 16 руб.).⁵

Следует отметить невысокий уровень подготовки учительского персонала в городских и сельских школах. Согласно отчету за 1908 г., из 888 учителей начальных школ Томской губернии специальную подготовку имели 152 (17%), среднее и начальное образование — 141, а из учительниц высшее — 1, среднее и начальное образование — 593⁶. В Тобольской губернии, согласно отчетной ведомости за 1907 г., специальную подготовку имели около 10% учителей⁷.

Недостаточное финансирование начальных учебных заведений — главная проблема развития сферы народного образования в регионе. Отсюда — низкий уровень оплаты труда и квалификации учителей, особенно в сельских школах. Средств не хватало ни на закупку учебных пособий, ни на школьную мебель, ни на отопление и освещение. В этой связи повсеместно отмечались недочеты и упущения в постановке учебной и воспитательной работы в сибирских школах.

В 1908–1914 годах городские власти заметно активизировали свою деятельность в сфере народного образования. В плане школьного строительства этот период стал самым продуктивным. Ряд городов (Томск, Новониколаевск, Тобольск, Тюмень, Омск, Курган, Барнаул, Ишим) утвердили свою школьную сеть (действующие и проектируемые школы) и приступили к введению всеобщего начального обучения на своей территории⁸.

⁵ Государственный архив в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске). Ф. И-5. Оп. 1. Д. 45. Л. 1, 7.

⁶ Виноградов П.Т. Начальное образование в Томской губернии в 1908 году сравнительно с земскими губерниями и культурными странами всего мира. Томск : Типография губернского управления, 1910. С. 4.

⁷ ГА в г. Тобольске. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 17. Л. 75.

⁸ Блинов А.В. Разработка проекта по введению всеобщего начального обучения на территории Западной Сибири в начале XX в. // Ученые записки факультета истории и международ-

Курганская городская дума 5 ноября 1909 г. утвердила доклад комиссии по народному образованию о сети всеобщего бесплатного начального обучения в городе. Министерство народного просвещения (МНП) 15 марта 1911 г. назначило городскому управлению постоянное пособие на содержание 19 комплектов для детей школьного возраста, обучающихся в начальных училищах, т.е. по 50 в каждом (964 : 50), по 390 руб. на каждый, в размере 7410 руб., а за вычетом 4950 руб., получаемых от учебного округа, в размере 2460 руб. в год⁹.

Томская городская дума 23 марта 1911 г. рассмотрела план введения всеобщего обучения в городе. Для решения вопросов школьного строительства была избрана особая комиссия. Комиссия разработала два проекта введения всеобщего обучения в г. Томске: по первому — в ближайшие 11 лет предполагалось открыть 30 новых одноклассных школ, по второму — в течение 10 лет открыть 4 мужских, 4 женских и 2 смешанных трехкомплектных училища. Дума решила пересоставить план введения всеобщего обучения в городе, открыть 10 новых трехкомплектных начальных училищ, ходатайствовать перед МНП о выделении ежегодно по 390 руб. на каждое вновь открываемое одноклассное училище¹⁰.

Ввиду ограниченности бюджетных средств многие города просили принять расходы по содержанию объектов народного образования на счет казны. В частности, ялуторовский городской староста 11 декабря 1908 г. представил губернатору прошение собрания городских уполномоченных об открытии в городе на средства казны мужской классической гимназии. Попечитель Западно-Сибирского учебного округа

ных отношений : сб. науч. ст. Кемерово, 2010. С. 204.

⁹ ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 890. Л. 1–5, 9.

¹⁰ Государственный архив Томской области (ГАТомО). Ф. 127. Оп. 1. Д. 2960. Л. 127–129.

12 января 1909 г. сообщил, что по ничтожности населения (примерно 4000 жителей) и без всякого пособия от города (за исключением участка земли) на удовлетворение ходатайства «не может быть никакой надежды»¹¹.

Далеко не все ходатайства органов городского самоуправления удовлетворялись. Скажем, тюкалинский староста 6 ноября 1912 г. направил губернатору прошение о преобразовании двухклассного женского и четырехклассного мужского училищ в высшие начальные училища. По Закону от 25 июля 1912 г. о высших начальных училищах все городские училища преобразовывались в высшие в трехгодичный срок. При этом от МНП ответа так и не последовало¹².

Тюменский голова П.И. Никольский 3 ноября 1912 г. обратился к губернатору с ходатайством об открытии в городе на средства казны высшего женского начального училища с предоставлением под училище городского помещения. МНП 17 июля 1913 г. сообщило, что в текущем году открытие такого училища не представляется возможным «за недостаточным ассигнованным в распоряжение министерства кредита» на эти цели¹³.

Тобольский голова С.М. Трусов 19 января 1913 г. ходатайствовал перед губернатором об открытии в городе высшего женского начального училища. МНП 17 июля 1913 г. уведомило губернатора о разрешении открыть такое училище с 1 июля 1913 г. с ассигнованием из средств казны 7490 руб. в год на его содержание¹⁴.

Закон от 7 июля 1913 г. изменил размер пособия от казны на содержание комплекта учащихся, вместо прежних 390 руб. — 420 руб. на комплект. В этой связи попечитель Западно-Сибирского учебного округа предложил тобольскому голове пересчитать размеры требуе-

мых от казны пособия и ссуды. 9 марта 1914 г. МНП уведомило об удовлетворении ходатайства города: на доведение до нормы существующих 20 комплектов — 1410 руб. и двух новых — по 420 руб. на каждый.

Среди новых сибирских городов, основанных в начале XX в., по масштабам роста населения выделялся Новониколаевск. В городе остро ощущался дефицит педагогических кадров. Так, Новониколаевская городская дума 18 октября 1911 г. рассмотрела предложение попечителя Западно-Сибирского учебного округа об открытии в городе учительского института. По закону такие институты учреждались для подготовки учителей городских и сельских училищ. В институте курс обучения продолжался 3 года и подразделялся на 3 класса. На каждый институт полагалось 75 воспитанников, из них 60 состояли на полном содержании от МНП, а другие 15 были стипендиатами других ведомств, городов, земств и частных лиц. Плата за обучение каждого стипендиата составляла 150 руб. в год, и сверх этой суммы при вступлении необходимо было внести 50 руб. на первоначальное обустройство. При каждом институте для прохождения педагогической практики его воспитанников состояло одноклассное или двухклассное городское училище.

Новониколаевская городская дума посчитала «учительский институт очень ценным приобретением для города». В это же время в открытии такого учреждения были заинтересованы г. Омск и Барнаул. Омская городская дума в ходатайстве попечителю обязалась отвести необходимый участок земли в бесплатное пользование и ассигновать единовременное пособие казне в 20 000 руб. и ежегодно по 5000 руб. на его содержание. Барнаульская городская дума также предоставляла участок земли и выделяла по 3000 руб. в год на содержание института. Новониколаевская городская дума постановила: 1) предоставить МНП в бессрочное

¹¹ ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 825. Л. 1–2.

¹² Там же. Д. 1051. Л. 1–2, 12, 16.

¹³ Там же. Д. 1068. Л. 1, 3, 5.

¹⁴ Там же. Д. 1154. Л. 1, 3.

безвозмездное владение участок земли в центре города размером 1920 кв. саж.; 2) пожертвовать на постройку здания единовременно 1 млн кирпичей с собственного кирпичного завода; 3) ассигновать МНП ежегодно по 5000 руб. на учебные цели¹⁵.

7 мая 1915 г. Новониколаевская городская дума рассмотрела доклад председателя Попечительского совета Новониколаевской городской женской прогимназии об открытии при ней подготовительного класса. В 1914/15 учебном году в первых трех отделениях городских приходских школ обучалось около 1300 девочек. В 1913 году около 100 девочкам было отказано в приеме в школу за неимением помещений. Попечительский совет прогимназии проектировал открыть подготовительный класс с двухгодичным курсом и платой за обучение по 50 руб. в год с каждого учащегося. Дума поддержала это предложение¹⁶.

На 1 января 1914 г. в Новониколаевске действовало 37 приходских начальных училищ, в которых в 1913/14 учебном году обучалось 1680 мальчиков и 1578 девочек. Всего в начальных училищах города обучалось 4208 учащихся¹⁷. По думскому докладу подавляющее большинство выпускников, окончивших низшие школы города, не в состоянии были продолжать свое образование. Большая часть школьников являлась детьми необеспеченных групп горожан. С другой стороны, в городе отсутствовали профессиональные учебные заведения, которые были бы доступны детям малообеспеченных родителей и давали бы законченное образование, отвечающее требованиям торгово-промышленной жизни города. В 1913 году в Новониколаевске действовало 12 фабрик, 38 заводов и 83 кустарных ремесленных заведения.

Потребность в профессиональных учебных заведениях очевидна. В этой связи, городская дума постановила: 1) ходатайствовать в установленном порядке об открытии в городе с 1914/15 учебного года: а) мужского ремесленного училища, с трехлетним сроком обучения для подготовки мастеров по изготовлению и ремонту сельскохозяйственных машин и орудий, с преподаванием слесарно-кузнечного и столярных ремесел; б) женского ремесленного училища по белошвейно-портновскому и кулинарному ремеслам; 2) предоставить в бессрочное и безвозмездное владение земельные участки под строительство школьных зданий; 3) внести средства на эти цели в приходно-расходную смету города. Для того чтобы открыть в городе сельскохозяйственный институт, Новониколаевская городская дума 29 января 1914 г. постановила избрать депутатов для поездки в Санкт-Петербург¹⁸.

Новониколаевская городская дума 24 апреля 1914 г. рассмотрела прошения от начальников женской прогимназии, мужского училища и высшего начального женского училища об освобождении от платы за обучение детей учителей и учащихся беднейших родителей. От платы за обучение в учебных заведениях города были освобождены 28 учащихся и лишь троим просителям было отказано. 24 апреля 1914 г. местная дума приняла проект положения о стипендиях в память двадцатипятилетней годовщины открытия Томского императорского университета. Стипендии выдавались студентам университета и слушательницам медицинского факультета, окончившим средние учебные заведения г. Новониколаевска, а за отсутствием таковых, по усмотрению правления университета. Местные власти учредили две стипендии, по 100 руб. каждая. Наряду с этим, городом были введены стипендии в память Отечественной войны 1812 г., всего

¹⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 97. Оп. 1. Д. 61. Л. 67–68.

¹⁶ ГАО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 163. Л. 17–18.

¹⁷ Там же. Д. 162. Л. 20–21.

¹⁸ Там же. Л. 34–34 об., 37–38 об.

7 стипендий на общую сумму 520 руб.¹⁹. Аналогичные стипендии утверждали и другие городские думы региона.

В других образованных в начале XX в. городах Томской губернии (Боготол, Тайга, Славгород, Камень) местные власти также приступили к формированию школьной инфраструктуры на своей территории. Собрание уполномоченных г. Боготола 13 июня 1912 г. постановило ходатайствовать об открытии в городе четырехклассного городского училища за счет казны, а городу предоставить помещение. Ввести стипендии в память Отечественной войны 1812 г. на 5 учеников бедных родителей в будущем городском училище по 10 руб. на каждого; открыть в городе «начальное училище имени императора Александра I Благословенного» и содержать на средства города. Директор народных училищ Томской губернии отношением от 20 ноября разрешил городу открыть это училище в честь императора на 50 учащихся с начала 1913/14 учебного года. Директор народных училищ Томской губернии 5 августа 1912 г. обратился к городскому собранию г. Боготола с целью выяснить степень участия города в открытии четырехклассного городского училища (высшего начального). Собрание постановило выделить ежегодное пособие казне в размере 300 руб.²⁰.

Наибольших успехов городские власти добились в вопросах открытия начальных школ, мастерских и бесплатных библиотек, а также в проведении лекций для широких масс населения. Скажем, кузнецкий староста 28 мая 1907 г. сообщил губернатору о созыве городского собрания по поводу открытия в городе женской прогимназии²¹. Мариинская городская дума 23 февраля 1911 г. обсудила ходатайство о выдаче городу из казны беспроцентной ссуды 30 000 руб. на построй-

ку зданий учебных заведений, военного лазарета и городской управы²². Нарымское городское собрание 30 октября 1911 г. рассмотрело вопрос об уступке городского дома под двухклассное городское училище, с отдачей его в распоряжение МНП, с условием, чтобы дети жителей г. Нарыма обучались в нем бесплатно²³.

Томская городская дума 3 ноября 1911 г. постановила возбудить в установленном порядке ходатайство об открытии Ветеринарного института в г. Томске с обязательством города отвести безвозмездно требуемое количество земли для возведения здания института и выдать из городских средств 100 000 руб. на его материально-техническое оборудование. Дума также постановила в честь празднования 200-летия со дня рождения великого русского ученого М.В. Ломоносова устроить во всех начальных училищах города чтения о Ломоносове, городскому смешанному Вокзальному училищу присвоить наименование Ломоносовского и поместить в училище его портрет²⁴.

Первая мировая война до некоторой степени «притормозила» планы школьного строительства в регионе, но не совсем — работа продолжалась вплоть до установления советской власти в крае.

Таким образом, несмотря на ряд достигнутых успехов в сфере развития народного образования в регионе, работу органов городского самоуправления сковывали различные, подчас не разрешаемые проблемы. Внутреннее устройство школ во всех отношениях нуждалось в улучшении. Начальные училища были переполнены и не могли принять всех желающих детей школьного возраста.

Не все города региона к началу 1917 г., ввиду обстоятельств военного времени и сокращения государственных ассигнований на эти цели, успели утвердить свою школьную сеть и план

¹⁹ Там же. Л. 174–175.

²⁰ ГАТомО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 118. Л. 15, 41, 48, 142, 147.

²¹ Там же. Д. 21. Л. 75.

²² Там же. Л. 27–27 об.

²³ Там же. Д. 98. Л. 37–38.

²⁴ ГАТомО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2960. Л. 794–794 об., 796.

перехода к всеобщему обучению. Реализация этого плана отложилась на конец 1920-х годов. Тем не менее, благодаря деятельности городских властей

и общественных объединений был заложен прочный фундамент для развития начального образования сибирского населения.

Литература

1. Блинов А.В. Разработка проекта по введению всеобщего начального обучения на территории Западной Сибири в начале XX в. / А.В. Блинов // Ученые записки факультета истории и международных отношений : сб. науч. ст. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2010. С. 203–205.
2. Виноградов П.Т. Начальное образование в Томской губернии в 1908 году сравнительно с земскими губерниями и культурными странами всего мира / П.Т. Виноградов. Томск : Тип. губернского управления, 1910. 32 с.
3. Наумова Н.Н. Школьная реформа П.А. Столыпина: опыт введения всеобщего обучения в Восточной Сибири (1906–1917) / Н.Н. Наумова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. Иркутск : БГУ, 2015. С. 432–439.

References

1. Blinov A.V. Razrabotka proekta po vvedeniyu vseobshego nachalnogo obucheniya na territorii Zapadnoy Sibiri v nachale XX v. [Development of the Project of Introduction of General Primary Education in West Siberia in the Early XX Century] / A.V. Blinov // Ucheny'e zapiski fakulteta istorii i mezhdunarodny'kh otnosheniy : sb. nauch. st. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat — Scientific Notes of the Faculty of History and International Relations : collection of scientific articles. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2010. S. 203–205.
2. Vinogradov P.T. Nachalnoe obrazovanie v Tomsoy gubernii v 1908 godu sravnitelno s zemskimi guberniyami i kulturny`mi stranami vsego mira [Primary Education in the Tomsk Governorate in 1908 Compared to the Zemstvo Governorates and Cultured Countries of the Whole World] / P.T. Vinogradov. Tomsk : Tip. gubernskogo upravleniya — Tomsk : Printing office of the Governorate Administration, 1910. 32 s.
3. Naumova N.N. Shkolnaya reforma P.A. Stoly`pina: opy`t vvedeniya vseobshego obucheniya v Vostochnoy Sibiri (1906–1917) [The P.A. Stolypin's School Reform: The Experience of Introduction of General Education in West Siberia (1906 to 1917)] / N.N. Naumova // Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik: 2015. Irkutsk : BGU — Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2015. Irkutsk : Baikal State University, 2015. S. 432–439.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ ВЫПУСКЕ:

Суд и процесс: многообразие форм

Блинова Ю.В. Правосубъектность иностранцев в римском частном праве

Космовская А.А. Особенности воеводского судопроизводства Прикамья в XVII веке

Назаренко Н.И. Сыск и суд по политическому делу царевича Алексея:

процедурно-правовые аспекты

Наумкина В.В. Репутация как критерий определения меры взыскания по нормам обычного права кочевых народов Сибири

Соколов Д.В. Изменение структуры и функций Правительствующего Сената в Российской империи в 1896–1917 гг.

Быков А.В. Практика применения взысканий за дисциплинарные проступки в Омской городской полиции в начале XX в.

Серов Д.О. Посмертно повешенный взяточник: дело коменданта Р.А. Траханиотова (1719–1723 гг.)

Право и бизнес: опыт истории

Константинов К.Б. Организационные и нормативно-правовые предпосылки формирования книготоргового рынка в России в контексте издательской деятельности Академии наук в первой половине XVIII в.

Рубаник В.Е. Некоторые заметки об исторических и теоретико-методологических основах права частной собственности и их роли в реформировании современной российской системы отношений собственности

Невлев В.В. Историческая заслуга морского офицера Н.В. Верещагина в организационно-правовом становлении российской молочнопромышленной кооперации

Рецензии

Чучаев А.И. Первым следователям России посвящается (по страницам книги: Серов Д.О., Федоров А.В. Следователи Петра Великого. М. : Молодая гвардия, 2018. – 348 с.)

Смыкалин А.С., Мотрович В.П. О выходе совместного сборника научных статей ученых России и Венгрии

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-5-69-74

Общественный контроль в Советской республике в 1917–1934 гг.

*Марасов Юрий Геннадьевич,
старший преподаватель
Казанского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации
yuri_m11@mail.ru*

Статья посвящена актуальным вопросам становления института общественного контроля в РСФСР в 1917–1934 годах. В работе анализируется концептуальная идея руководства страны о максимальном вовлечении трудящихся и крестьян в процесс государственного управления. Исследуются отдельные вопросы функционирования и полномочий органов и организаций, чья деятельность обусловлена участием общественности. На основе проведенного исследования автором обосновывается вывод о том, что в рассматриваемый исторический период признаки общественного контроля в наибольшей степени проявились в работе рабочего контроля, Рабоче-крестьянской инспекции, а также распределительных и наблюдательных комиссий мест лишения свободы.

Ключевые слова: общественный контроль, рабочий контроль, Рабоче-крестьянская инспекция, распределительные комиссии, наблюдательные комиссии, пенитенциарные учреждения, общественные организации.

Public Control in the Soviet Republic in 1917 to 1934

*Marasov Yuriy G.
Senior Lecturer of the Kazan Law Institute (Branch)
of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation*

The article is devoted to topical issues of formation of the Institute of public control in the RSFSR in 1917–1934. In article analyzes the conceptual idea of the country's leadership on the maximum involvement of workers and peasants in the process of public administration. Separate questions of functioning and powers of bodies and organizations whose activity is caused by public participation are investigated. On the basis of the conducted research the author substantiates the conclusion that in the considered historical period the signs of public control were most evident in the work of the Workers' control, the Workers' and peasants' inspection, as well as the distribution and monitoring commissions of places of deprivation of liberty.

Keywords: public control, working control, Worker-peasant inspection, distribution commissions, supervisory commissions, penitentiary institutions, public organizations.

Общественный контроль советского периода берет свое начало от рабочего контроля, созданного профессиональными союзами на ряде крупных предприятий явочным порядком еще до Октябрьской социалистической революции 1917 г. Как отмечал В.В. Гриб, изначально рабочий контроль обладал общественной природой¹. Свое юридическое оформление контроль получил принятием 14 ноября 1917 г. одного из первых актов Всероссийского центрального исполнительного коми-

тета (далее также — ВЦИК) и Совета народных комиссаров (далее также — СНК) — Положения о рабочем контроле².

Национализация собственности не только повлекла за собой расширение полномочий в сфере управленческих функций, но и породила проблему обеспечения надлежащего контроля над предприятиями и учреждениями во всех сферах деятельности государства. Более того, последняя задача осложнялась критическим недостатком про-

¹ Гриб В.В. Историко-правовые этапы развития общественного контроля в дореволюционной России и СССР // История государства и права. 2015. № 20. С. 3–10.

² Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. М.: Политиздат, 1957. С. 77–85.

фессиональных управленческих кадров, лояльных к новому политическому режиму. Как считал идеолог партии большевиков председатель СНК В.И. Ленин, разрешению проблемы мог способствовать институт рабочего контроля: «...главное при организации подлинно советского, народного контроля — тщательный подбор кадров и систематическая проверка исполнения порученного дела. Успех дела может быть достигнут только при привлечении к проверкам... всей массы рядовых рабочих и крестьян»³.

Следует отметить, что рабочий контроль вводился на всех предприятиях, использующих наемный труд, но не распространялся на органы государственной власти. На заводах, фабриках и иных предприятиях избирались комитеты, советы старост. Причем в состав комитетов и советов кроме представителей рабочего класса могли входить представители служащих и технического персонала.

Контроль осуществлялся за производственной и финансовой стороной предприятия. Рабочий контроль имел право на ознакомление со всей документацией предприятия, включая отчеты и деловую переписку. Отменялась коммерческая тайна. В полномочия органов рабочего контроля входило также установление минимума выработки предприятия, а также выяснение себестоимости производимых продуктов. Решения органов рабочего контроля являлись обязательными для владельцев предприятий. За владельцем предприятия закреплялось право на обжалование принятых решений в соответствующий высший орган рабочего контроля в трехдневный срок.

Вместе с тем идеологи партии осознавали, что пролетариат наряду с крестьянством не готов к управлению государством. Относительно института

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 45 : Март 1922 — март 1923 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М. : Изд-во полит. лит., 1970. С. 391.

контрольных органов это выражалось в том, что в первые же годы после установления советской власти в стране были приняты меры по формированию государственной системы контрольных органов, в связи с чем рабочий контроль стремительно приобретал черты государственного органа, однако сохраняя при этом в себе отдельные признаки общественного контроля.

Так, Декретом СНК РСФСР от 18 января 1918 г. была создана система органов государственного контроля, куда вошли Центральная контрольная коллегия, учетно-контрольные коллегии и контрольные комиссии⁴. Конституцией РСФСР от 10 июля 1918 г. был образован Народный комиссариат государственного контроля, уполномоченный на осуществление всей контрольной деятельности в стране⁵.

Общественный контроль за пенитенциарной системой того периода выражался в участии общественности в работе распределительных комиссий, с середины 1918 г. осуществлявших свою деятельность при инспекциях мест заключения⁶. Примечательно, что распределительные комиссии заменили собой действовавшие в Российской империи общества попечительные о тюрьмах. Комиссия состояла из представителей местного карательного отдела, инспекции места лишения свободы, а также сведущих лиц, которые включались в состав комиссии местным Карательным отделом.

Поступавшие арестованные распределялись Комиссией по разрядам лишения свободы. Комиссия принимала участие в решении вопросов, касающихся привлечения осужденных к физическому труду. За нарушение дисципли-

⁴ Там же. С. 367–368.

⁵ Декреты Советской власти. Т. II : 17 марта — 10 июля 1918 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. М. : Политиздат, 1959. С. 556.

⁶ Гриб В.В. Историко-правовые этапы развития общественного контроля в дореволюционной России и СССР. С. 3–10.

ны комиссия обязана была переводить осужденного в изолятор. Комиссия наделялась правом ходатайствовать перед народным судом о досрочном условном освобождении от наказания⁷.

9 апреля 1919 г. все действовавшие при ведомствах и предприятиях контрольно-ревизионные органы переводились в ведение государственного контроля. Следуя идеологии максимального вовлечения населения страны в процесс управления государственным аппаратом, 7 февраля 1920 г. путем реорганизации Наркомата Госконтроля был создан единый орган социалистического контроля — Рабоче-крестьянская инспекция (далее также — РКИ, Рабкрин)⁸. Рабкрин наделялся статусом Народного комиссариата. В его компетенцию входил контроль за деятельностью не только предприятий и учреждений, но и органов государственной власти.

Как уже было отмечено, руководство страны стремилось сделать органы контроля максимально народными. Обсуждая проект Положения о РКИ, В.И. Ленин давал директиву: «Рабочую и крестьянскую инспекцию всячески развивать, усиливать, расширять, направляя всю работу к полному “орабочению” (и “окрестьяниванию”) Госкона»⁹.

Осуществлявшаяся в соответствии с указаниями руководства страны деятельность Народного комиссариата

РКИ характеризовалась развитием общественных начал¹⁰. К работе Рабкрина предполагалось привлечь широкие массы трудящихся. Перед Наркоматом РКИ стояла задача обучить рабочих и крестьян основам государственного управления. В.И. Ленин полагал, что в данный момент нельзя отказаться ни принципиально, ни практически от задачи учить беспартийных рабочих и крестьян управлению¹¹.

С учетом поставленных целей и задач количество членов Рабоче-крестьянской инспекции Положением о РКИ не было ограничено. Членом Рабкрина мог быть всякий трудящийся, обладающий избирательным правом. Исключение составляли лица, занимающие высшие административные должности и составляющие управленческий аппарат предприятий. При этом подход к формированию состава органа, де-юре призванного осуществлять общественный контроль, после Октябрьской революции 1917 г. принципиальных изменений, по сравнению с прошлым периодом, не претерпел. И в дореволюционной России, и в новой Советской республике (а позже в СССР) его членами становились представители господствующего класса. Только если в период Российской империи это были лица материально обеспеченные (чиновники, лица дворянского происхождения, а также купеческого и духовного звания), иными словами, сословно принадлежавшие к правящему классу или находившиеся близко к нему¹², то в 20–30-х гг. XX в. он состоял из рабочих и крестьян. Набор в члены Рабкрина производился путем проведения выборов на предпри-

⁷ Постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР от 23 июля 1918 г. «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная Инструкция)» // СУ РСФСР. 1918. № 53. Ст. 598.

⁸ Декреты Советской власти. Т. VII: 10 декабря 1919 г. — 31 марта 1920 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории СССР АН СССР. М.: Политиздат, 1975. С. 208.

⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 40: Декабрь 1919 — апрель 1920 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Изд-во полит. лит., 1974. С. 64.

¹⁰ Тарасов А.М. Президентский контроль: понятие и система: учебное пособие. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 50.

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. С. 181.

¹² Гатауллин А.Г., Марасов Ю.Г. Становление общественного контроля в дореволюционной России // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 1. С. 64–68.

ятиях, фабриках и заводах, сельских и волостных собраниях, а также беспартийных рабоче-крестьянских конференциях. Состав РКИ должен был периодически обновляться, в связи с чем выборы проводились систематически с таким расчетом, чтобы со временем в работу инспекции были вовлечены все рабочие и крестьяне.

Состав Рабоче-крестьянской инспекции был неоднороден, все его члены подразделялись на категории постоянных сотрудников Рабкрина, фактических контролеров, проводивших самостоятельные обследования; на практикантов, наблюдающих за ходом работ в учреждениях; и группы содействия инспекции.

Рабочие откомандировывались для временной работы в инспекции на срок до 10 дней для производства краткосрочных обследований и ревизий или на срок не свыше 4 месяцев для «органической работы в РКИ». При этом вознаграждение откомандированных производилось за счет предприятия, если срок откомандирования не превышал 10 дней; во всех остальных случаях — за счет Рабоче-крестьянской инспекции¹³. Все временно делегируемые представители в РКИ сохраняли за собой место работы, должности и льготы. Каждый откомандированный в инспекцию работник обязан был ежемесячно отчитываться о своей работе перед своими избирателями.

Следует согласиться с И.П. Яковлевой, по мнению которой большевистская партия, отведя себе роль направляющей силы в процессе становления коммунистического общества, прилагала усилия по целенаправленному конструированию новой реальности, которая в сознании граждан страны должна была связать действия власти с потребностями беднейших слоев населения, создать ощущение реальной вовле-

ченности трудящихся масс в процесс управления страной¹⁴.

Как следствие, рабочий контроль с каждым годом приобретал все более массовый характер. Только за 9 месяцев 1922 г. Рабоче-крестьянской инспекцией организовано и проведено около 12 тысяч ревизий, в ходе которых выявлены и устранены тысячи злоупотреблений со стороны должностных лиц¹⁵. Для этого Рабоче-крестьянская инспекция была наделена всеми правами, обязанностями и заданиями, которые ранее были возложены на бывший государственный финансово-хозяйственный контроль. Как наиболее массовые организации рабоче-крестьянские инспекции активно участвовали во всех мероприятиях государства. Предметом их проверок была сохранность хлеба, топлива, товаров на складах, соблюдение на предприятиях и в кооперациях трудового законодательства и законов о социальном страховании трудящихся, борьба с волокитой и бюрократизмом при рассмотрении жалоб в учреждениях. Как результат, в период с 1920 по 1923 г. в работе комиссий Рабоче-крестьянской инспекции приняло участие свыше 200 тысяч рабочих и крестьян¹⁶.

Анализируя деятельность Рабоче-крестьянской инспекции, следует отметить, что РКИ, будучи государственным органом, все же обладала признаками общественного контроля. Об этом свидетельствуют прежде всего массовый характер участия граждан в инспекции и, как следствие, непрофессиональный состав выборных членов Рабоче-крестьянской инспекции, временный ха-

¹³ Постановление ВЦСПС, Наркомтруда и НК РКИ от 10 января 1921 г. // ГА РТ (Гос. архив Республики Татарстан). Ф. Р-990. Оп. 1. Ед. хр. 1.

¹⁴ Яковлева И.П. Роль органов общественного и государственного контроля в реализации идеологии государства диктатуры пролетариата // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. Вып. 18. С. 213.

¹⁵ Социалистический контроль в СССР : исторический очерк / Л.Ф. Морозов, В.П. Портнов. М. : Политиздат, 1984. С. 59.

¹⁶ Профсоюзы СССР и народный контроль. 1917–1965 : Документы и материалы. М. : Профиздат, 1965. С. 9.

раक्टर исполнения ими контрольных функций, наличие гарантий сохранения должности, среднего заработка и льгот по основному месту работы.

С 1923 года, когда решением XII съезда РКП(б) были созданы единые органы ЦКК — РКИ, роль общественности в деятельности инспекции заметно снизилась, за явным преобладанием в их функциях признаков государственного органа.

Произошедшее в 1924 г. реформирование пенитенциарной системы привело к расширению полномочий распределительных комиссий. В компетенцию комиссии вошли вопросы досрочного освобождения заключенных, зачета работ в срок лишения свободы¹⁷. В местах лишения свободы начали осуществлять свою деятельность наблюдательные комиссии, которые наделялись правом перераспределять заключенных, отменять их перевод из одних разрядов в другие, разрешать свидания и отпуск, сообщать прокурору о нарушении сроков содержания под стражей.

В распределительные комиссии входили сотрудники губернского (областного) совета профсоюзов и члены комитета помощи содержащимся в местах заключения и освобождаемым из них, а в наблюдательные комиссии — представители бюро профсоюзов. Характер работы и их состав свидетельствует о том, что рассматриваемые комиссии содержали в себе признаки организации общественного контроля.

Параллельная деятельность распределительных и наблюдательных комиссий осложняла механизм пенитенциарной системы, и уже 30 октября 1929 г. года распределительные комиссии были упразднены, в то время как полномочия наблюдательных комиссий расширены¹⁸. Теперь наблюдательные

комиссии следили за правильным применением в отношении заключенных положений закона и приговора суда, принимали решения о досрочном освобождении заключенных, рассматривали их жалобы на действия администрации мест заключения.

Но главное, изменился состав комиссий. В наблюдательные комиссии, состоящие не менее чем из 6 человек, теперь входили по одному представителю суда, администрации места заключения и Рабоче-крестьянской инспекции и не менее трех представителей от общественных организаций (профсоюзов, женских делегатских собраний, комсомола и проч.). Наблюдательная комиссия могла привлекать к участию в своих работах с правом совещательного голоса сведущих лиц (врачей, педагогов). Таким образом, к концу 1929 г. наблюдательные комиссии в местах заключения более чем наполовину состояли из представителей общественных организаций.

Деятельность РКИ осуществлялась до 1934 г., пока постановлением ЦИК СССР и СНК СССР народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции Союза ССР не был упразднен, а его аппарат — передан создаваемой Комиссии советского контроля при Совнаркоме СССР¹⁹.

Изложенное свидетельствует, что в начальный период создания Советской республики признаки общественного контроля в наибольшей степени проявились в деятельности рабочего

отдела первого и ст. 187 Исправительно-трудового кодекса РСФСР, об изменении главы третьей того же отдела и ст.ст. 47, 52, 146, 167, примечания к ст. 174 и ст.ст. 177, 178, 197, 213 и 214 того же Кодекса» // СУ РСФСР. 1929. № 81. Ст. 795.

¹⁹ Постановление ЦИК СССР № 87, СНК СССР № 234 от 11 февраля 1934 г. «Об образовании Комиссии советского контроля при Совете народных комиссаров Союза ССР» // СЗ СССР. 1934. № 9. Ст. 58; Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 27 февраля 1934 г. «Положение о Комиссии советского контроля при Совете народных комиссаров Союза ССР» // СЗ СССР. 1934. № 12. Ст. 75.

¹⁷ Исправительно-Трудовой Кодекс РСФСР // СУ РСФСР. 1924. № 86. Ст. 870.

¹⁸ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 30 октября 1929 г. «Об упразднении распределительных комиссий при инспекциях мест заключения, об исключении главы второй

контроля, а затем и Рабоче-крестьянской инспекции; в пенитенциарной же системе — в работе распределительных и наблюдательных комиссий. В целом, о независимости и самостоятельности указанных органов, как и о том, что они в полной мере представляли со-

бой общественный контроль, говорить не приходится, поскольку инициатива их создания и последующих преобразований исходила исключительно от высших органов государственной власти, которые и определяли их компетенцию, а также вектор их развития.

Литература

1. Гатауллин А.Г. Становление общественного контроля в дореволюционной России / А.Г. Гатауллин, Ю.Г. Марасов // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 1. С. 64–68.
2. Гриб В.В. Историко-правовые этапы развития общественного контроля в дореволюционной России и СССР / В.В. Гриб // История государства и права. 2015. № 20. С. 3–10.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. 5-е изд. Т. 40 : Декабрь 1919 — апрель 1920. М. : Изд-во политической литературы, 1974. 507 с.
4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. 5-е изд. Т. 45 : Март 1922 — март 1923. М. : Изд-во политической литературы, 1970. 730 с.
5. Социалистический контроль в СССР : исторический очерк / Л.Ф. Морозов, В.П. Портнов. М. : Политиздат, 1984. 240 с.
6. Тарасов А.М. Президентский контроль: понятие и система : учебное пособие / А.М. Тарасов. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 644 с.
7. Яковлева И.П. Роль органов общественного и государственного контроля в реализации идеологии государства диктатуры пролетариата / И.П. Яковлева // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. Вып. 18. С. 212–216.

References

1. Gataullin A.G. Stanovlenie obschestvennogo kontrolya v dorevoljucionnoy Rossii [The Establishment of Public Control in the Pre-Revolutionary Russia] / A.G. Gataullin, Yu.G. Marasov // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii — Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2019. № 1. S. 64–68.
2. Grib V.V. Istoriko-pravovy`e etapy` razvitiya obschestvennogo kontrolya v dorevoljucionnoy Rossii i SSSR [Historical and Legal Stages of the Development of Public Control in the Pre-Revolutionary Russia and the USSR] / V.V. Grib // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2015. № 20. S. 3–10.
3. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy [Full Collection of Works] / V.I. Lenin. 5-e izd. T. 40 : Dekabr 1919 — april 1920. Moskva : Izd-vo politicheskoy literatury` — 5th edition. Vol. 40 : December 1919 to April 1920. Moscow : Publishing House of Political Literature, 1974. 507 s.
4. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy [Full Collection of Works] / V.I. Lenin. 5-e izd. T. 45 : Mart 1922 — mart 1923. Moskva : Izd-vo politicheskoy literatury` — 5th edition. Vol. 45 : March 1922 to March 1923. Moscow : Publishing House of Political Literature, 1970. 730 s.
5. Sotsialisticheskij kontrol v SSSR : istoricheskij ocherk [Socialist Control in the USSR : historical sketch] / L.F. Morozov, V.P. Portnov. Moskva : Politizdat — Moscow : Publishing House of Political Literature, 1984. 240 s.
6. Tarasov A.M. Prezidentskiy kontrol: ponyatie i sistema : uchebnoe posobie [Presidential Control: The Concept and System : textbook] / A.M. Tarasov. Sankt-Peterburg : Yuridicheskij tsentr Press — Saint Petersburg : Legal Center Press, 2004. 644 s.
7. Yakovleva I.P. Rol organov obschestvennogo i gosudarstvennogo kontrolya v realizatsii ideologemy` gosudarstva diktatury` proletariata [The Role of Public and State Control Authorities in the Implementation of the Ideologeme of a Proletarian Dictatorship State] / I.P. Yakovleva // Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost` : sb. nauch. tr. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2018. Vy`p. 18 — Document. Archive. History. The Modern Times : collection of scientific articles. Ekaterinburg : Publishing house of the Ural University, 2018. Issue 18. S. 212–216.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-5-75-80

Истоки зарождения института бесплатной юридической помощи в России по Псковской и Новгородской судебным грамотам

*Владимирова Оксана Владимировна,
проректор по правовым вопросам, доцент
Белгородского университета кооперации, экономики и права,
председатель Совета Белгородского регионального отделения
Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»,
кандидат юридических наук, доцент
ekn1504@yandex.ru*

*Чернова Виталия Олеговна,
начальник юридического отдела, аспирант
Белгородского университета кооперации, экономики и права,
исполнительный директор — руководитель аппарата
Белгородского регионального отделения
Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»
v.o.chernova@mail.ru*

В статье исследуются истоки зарождения института бесплатной юридической помощи в России, анализируется право на бесплатную правовую помощь, закрепленное в Псковской и Новгородской судебных грамотах.

Ключевые слова: бесплатная правовая помощь, Псковская судебная грамота, Новгородская судебная грамота, представительство.

Sources of the Origination of the Free Legal Aid Institution in Russia under the Pskov and Novgorod Judicial Charters

*Vladimirova Oksana V.
Vice-Rector for Legal Issues
Associate Professor of the Belgorod University of Cooperation, Economics, and Law
Chairperson of the Council of the Belgorod Regional Branch
of the Russian Public Organization Association of Lawyers of Russia
Candidate of Legal Sciences
Associate Professor*

*Chernova Vitalia O.
Head of the Legal Division
Postgraduate Student of the Belgorod University of Cooperation, Economics, and Law
Chief Operating Officer — Head of the Administrative Office
of the Belgorod Regional Branch of the Russian Public Organization Association of Lawyers of Russia*

The article examines the origins of the Institute of free legal assistance in Russia, analyzes the right to free legal assistance, enshrined in the Pskov and Novgorod Judicial Charter.

Keywords: free legal assistance, Pskov Judicial Charter, Novgorod Judicial Charter, representation.

Проблема развития и совершенствования организационно-правовых основ бесплатной юридической помощи как одной из форм поддержки социально незащищенных категорий граждан

дан приобрела особую значимость на современном этапе. Дело в том, что ряд вопросов в сфере правового регулирования данных общественных отношений в теории и практике продол-

жают оставаться нерешенными. Это в значительной степени сдерживает позитивные процессы по повышению эффективности рассматриваемого института, направленного на защиту прав и законных интересов граждан.

Прежде всего современное законодательство о системе бесплатной юридической помощи состоит из Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»¹, которым четко регламентированы субъекты, категории граждан и случаи оказания такой помощи, информационное обеспечение деятельности по оказанию бесплатной юридической помощи, а также из законодательных актов, принятых в отдельных субъектах Российской Федерации. Анализ данных нормативных правовых актов показывает, что система бесплатной юридической помощи несовершенна.

Учитывая изложенное, полагаем, что актуальным является использование исторического опыта и поиск ответов на отдельные вопросы о роли организационно-правовых основ системы бесплатной юридической помощи в историческом наследии России. Как писал в своем труде «Русское гражданское право» великий российский цивилист Д.И. Мейер, «в каждой науке есть своя историческая сторона, т.е. указание на постепенное образование усматриваемого явления, так как нет никакого сомнения, что явления возникают не вдруг. Но в некоторых явлениях обстоятельства времени оказывают более влияния, в других — менее: потому в одних науках историческая сторона играет более важную роль, нежели в других»².

¹ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (по сост. на 21.11.2011).

² Мейер Д.И. Русское гражданское право : Чтения Д.И. Мейера, изд. по зап. слушателей / под ред. А. Вицина. 3-е изд., испр. сообразно

Таким образом, рассматривая систему бесплатной юридической помощи на современном этапе, важно исследовать историческую основу возникновения непосредственно права на бесплатную юридическую помощь, истоки его зарождения, для того чтобы понимать в целом природу данного социально-правового феномена и, исходя из исторической социальной направленности рассматриваемого института, предлагать стратегию его развития и совершенствования.

С момента появления государственности на Руси возникал вопрос отправления правосудия. Противоречия, столкновение, противостояние, конфликты непременно сопровождают любой социум. Предельно обостренный конфликт требует внешнего вмешательства третьей стороны.

Очень долгое время на Руси судебные и административные функции были объединены и реализовывались одними и теми же лицами. Конфликты разрешались авторитетными членами общины, позднее исключительно князем или лицом, им определенным из своего ближайшего окружения, отдельно выделялся церковный суд.

«Русская Правда» Ярослава Мудрого закрепила состязательность судебного процесса, однако судебное представительство отдельных категорий населения регламентацию в названном документе не получило.

Анализ нормативных актов Древней Руси позволяет сделать вывод, что важнейшим моментом в зарождении института бесплатной юридической помощи в правовом аспекте стало принятие Псковской и Новгородской судебных грамот. Их содержание со всей очевидностью свидетельствует о том, что судоустройство и судопроизводство Новгородской и Псковской вечаевых республик имели существенные отличия от судебной системы, сложив-

определениям новейшего законодательства. Санкт-Петербург : Н. Тиблен, 1864 [4], VI, [2], 790 с. // ЭБД РГБ.

шейся как в Киевской Руси, так и в других княжествах, образовавшихся на ее территории в результате феодальной раздробленности. При возникновении регламентированного судебного процесса, предусматривающего принцип состязательности, сразу возникают предпосылки судебного представительства. Однако, по нашему мнению, речь о профессиональном представительстве в этих актах еще не идет, в то время как осознание необходимости защиты особых отдельных категорий населения четко прослеживается и получает регламентацию.

Статья 58 Псковской судной грамоты гласит: «А на суд помочью не ходити, лести в судебницу двема сутяжником, а пособников бы не было ни с одной стороны, oprичь жонки, или за детину, или за черньца, или за черницу, или которой человек стар велми или глух, ино за тех пособнику быти. А хто oprочь нейметь (М.) (В.-Б. не имет. Э. oprочней) помогать, или силою в судебню полезет, или подверник ударит, ино всадити его в дыбу, да взятъ на нем князю рубль, а подверником 10 денег»³. Иными словами, Псковская судная грамота четко закрепляет, что в суд приходят только двум сторонам без помощников, кроме женщин, детей, монахов, монахинь, стариков и глухих, «...ино⁴ за тех пособнику быти⁵» (тогда, в таком случае за них (с ними) должен быть «пособник»). По нашему мнению, это один из первых нормативных правовых актов, который выделяет отдельные категории населения: женщины, дети, монахи, монахини, старики и глухие, закрепляя их право на бесплатную помощь во

время судебного разбирательства. При этом критериями для определения таких категорий выступают именно социальная незащищенность, а также их финансовая неустойчивость.

В Новгородской судной грамоте также можно проследить зачатки права на бесплатную помощь в ст. 16–18:

«16. А кому будет какое дело до старейшей жены или до житеи, кои вдовы, а у коей есть сын, ино сыну ее целовать крест на сей грамоте за себя и за мать однова; а не поцелует креста сын за мать, ино целовать крест матери однова у себя в дому перед истцом и перед приставы Ноугородскими.

17. А целовать боярину и житему и купцю, как за свою землю, так и за женню.

18. А позовут боярина и житего и купца в его земле, или в женне, ино ему отвячать, или ответчика послать в свое место и в женне, по тому крестному целованью»⁶.

В указанных статьях Новгородской судной грамоты сторонам предписывают перед началом судебного процесса давать присягу «целовать крест на сей грамоте» о соблюдении Новгородской судной грамоты, кто крест не целует, тот автоматически признается виновным. Одновременно целование креста означает участие в процессе в качестве стороны или представителя тех, кто это выполняет.

В этих статьях идет речь о том, что поверенным зачастую является ближайший родственник: сын для матери, муж для жены, и, безусловно, такое представительство было безвозмездным. Новгородская судная грамота аналогично Псковской выделяет определенную категорию населения, подлежащую представительству и оказанию бесплатной помощи в процессе рассмотрения дела. Если дело инициировано в отношении «...старейшей

³ Новгородская и Псковская судные грамоты: тексты с предисл. и крат. объясн. словарем / сост. канд. прав А.Б. Гинцбургом. Санкт-Петербург, 1888. 41 с. // ЭБД РГБ.

⁴ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. член-корреспондент Р.И. Аванесов. М.: АН СССР: Ин-т рус. яз., 1991. Т. IV. С. 156.

⁵ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. член-корреспондент Р.И. Аванесов. М.: АН СССР: Ин-т рус. яз., 1988. Т. I. С. 348.

⁶ Новгородская и Псковская судные грамоты: тексты с предисл. и крат. объясн. словарем / сост. канд. прав А.Б. Гинцбургом. Санкт-Петербург, 1888. 41 с. // ЭБД РГБ.

жены или до житеи, кои вдовы...», а у них есть сын, в таком случае сын целует крест за себя и за нее, а если откажет сын, то она сама должна целовать крест дома в присутствии истца и пристава новгородского. «Боярин и житему и купцю» целовать крест, т.е. представлять интересы как за свою землю, так и за жен своих, или «ответчика послать в свое место и в женне».

Рассматриваемые нормативные акты не содержат требований, предъявляемых к «пособникам», «ответчикам» (подразумевается представитель). Предполагаем, исходя из исследуемого контекста, что это были близкие люди, члены семьи или те, кто мог наиболее квалифицированно представлять интересы стороны по сравнению с ней самой. Вышеуказанные правовые памятники также не содержат положений об оплате таких услуг, в то время как факт платности иных услуг в них заложен. Это, в свою очередь, позволяет сделать вывод, что в случае оказания представительских услуг женщинам, малолетним, монахам, монахиням, старикам, глухим, учитывая их социальный статус, помощь оказывалась безвозмездно.

Особый интерес при изучении института бесплатной юридической помощи, закрепленного в Псковской и Новгородской судебных грамотах, представляет тот факт, что появление права на бесплатную юридическую помощь в России обычно связывают с закреплением института профессионального судебного представительства в период появления адвокатуры в 1864 г., а нормы вышеназванных нормативных актов определяют как момент зарождения института судебного представительства⁷. Однако, по нашему мнению,

учитывая, что и в Псковской, и в Новгородской судебных грамотах закреплено не просто право сторон действовать через представителей, а именно выделены особые категории граждан, «слабые и немощные», которым может быть оказана помощь в судебном разбирательстве, эти акты русского права явились отправной точкой в формировании института бесплатной юридической помощи в том виде, в котором мы его знаем сегодня.

Анализ вышеназванных памятников феодального права позволяет сделать вывод, что важнейшим исторически сложившимся критерием института бесплатной юридической помощи является предоставление ее не всем гражданам, а только определенным категориям, относящимся к социально незащищенным слоям населения. Эта потребность была осознана и нашла нормативное закрепление в XV в. Более пяти веков потребовалось российскому обществу, чтобы прийти к попытке построения социального и справедливого государства, нацеленного на соблюдение интересов своих граждан и гарантирующего право каждого на юридическую защиту.

Таким образом, с принятием Псковской и Новгородской судебных грамот наблюдается попытка закрепления организационных и правовых основ по оказанию бесплатной правовой помощи и появились основания говорить о зарождении данного института в России.

На наш взгляд, право на бесплатную юридическую помощь, гарантированное в настоящее время Конституцией Российской Федерации, исходит из свойств менталитета русского человека, ориентированного на социальную справедливость, равенство и защиту слабозащищенных слоев населения,

⁷ См., например: Акинина Н.Ю., Исакова А.М. История развития института бесплатной юридической помощи в России // Вестник Югорского государственного университета. 2016. Вып. 1 (40). С. 219–224; Яртых И.С. Бесплатная юридическая помощь: история,

мифы и реальность // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 81–86; Бугаренко А.И. К вопросу об истории права на бесплатную юридическую помощь в России // Адвокатская практика. 2011. № 1. С. 43–47.

и уже в XV в., именно исходя из этих причин, получило раннее нормативное закрепление, что говорит о его высокой значимости.

Литература

1. Акинина Н.Ю. История развития института бесплатной юридической помощи в России / Н.Ю. Акинина, А.М. Исакова // Вестник Югорского государственного университета. 2016. № 1 (40). С. 219–224.
2. Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства / И.Д. Беляев; предисл. С. Петровский. М.: Типолитограф. С.А. Петровского и Н.П. Панина, 1879. 728 с.
3. Бугаренко А.И. К вопросу об истории права на бесплатную юридическую помощь в России / А.И. Бугаренко // Адвокатская практика. 2011. № 1. С. 43–47.
4. Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в древней России: опыты по истории рус. гражд. права / Н.Л. Дювернуа. М.: Унив. тип., 1869. 413 с.
5. Материалы для словаря древне-русского языка / сост. А. Дювернуа. М.: Университетская тип., 1894. 234 с.
6. Мейер Д.И. Русское гражданское право: Чтения Д.И. Мейера, изд. по зап. слушателей / Д.И. Мейер; под ред. А. Вицина. 3-е изд., испр. сообразно определениям новейшего законодательства. СПб.: Н. Тиблен, 1864. 790 с.
7. Новгородская и Псковская судные грамоты: тексты с предисл. и крат. объясн. словарем / сост. канд. прав А.Б. Гицбургом. СПб.: Тип. и лит. Бермана и Рабиновича, 1888. 41 с.
8. Памятники древне-русского законодательства: Русская правда. Судные грамоты (Псковская и Новгородская). Судебники: с предвар. замечаниями и крат. словарем / публикатор Я.Г. Северский. СПб.: Кн. маг. А.Ф. Цинзерлинга, 1893. 128 с.
9. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: АН СССР: Ин-т рус. яз., 1988. Т. I. 530 с.
10. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: АН СССР: Ин-т рус. яз., 1991. Т. IV. 559 с.
11. Яртых И.С. Бесплатная юридическая помощь: история, мифы и реальность / И.С. Яртых // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 81–86.

References

1. Akinina N.Yu. Istoriya razvitiya instituta besplatnoy yuridicheskoy pomoschi v Rossii [The History of the Development of the Free Legal Aid Institution in Russia] / N.Yu. Akinina, A.M. Isakova // Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of the Yugra State University. 2016. № 1 (40). S. 219–224.
2. Belyaev I.D. Lektsii po istorii russkogo zakonodatelstva [Lectures on the History of the Russian Law] / I.D. Belyaev; predisl. S. Petrovskiy. Moskva: Tipolitogr. S.A. Petrovskogo i N.P. Panina — foreword by S. Petrovskiy. Moscow: Typolithography of S.A. Petrovskiy and N.P. Panin, 1879. 728 s.
3. Bugarenko A.I. K voprosu ob istorii prava na besplatnyuyu yuridicheskuyu pomosch v Rossii [On the History of the Right to Free Legal Aid in Russia] / A.I. Bugarenko // Advokatskaya praktika — Attorney Practice. 2011. № 1. S. 43–47.
4. Duvernois N.L. Istochniki prava i sud v drevney Rossii: opy`ty` po istorii rus. grazhd. prava [The Sources of Law and Court in the Ancient Russia: Experiments of the History of the Russian Civil Law] / N.L. Duvernois. Moskva: Univ. tip. — Moscow: University Printing Office, 1869. 413 s.
5. Materialy` dlya slovarya drevne-russkogo yazy`ka [Files for a Dictionary of the Old Russian Language] / sost. A. Dyuvernuu. Moskva: Universitetskaya tip. — compiled by A. Duvernois. Moscow: University Printing Office, 1894. 234 s.
6. Meyer D.I. Russkoe grazhdanskoe pravo: Chteniya D.I. Meyera, izd. po zap. slushateley [The Russian Civil Law: readings of D.I. Meyer published according to the records of the listeners] / D.I. Meyer; pod red. A. Vitsina. 3-e izd., ispr. soobrazno opredeleniyam noveyshego zakonodatelstva. Sankt-Peterburg: N. Tiblen — edited by A. Vitsin. 3rd edition, revised pursuant to the requirements of the newest laws. Saint Petersburg: N. Tiblen, 1864. 790 s.
7. Novgorodskaya i Pskovskaya sudny`e gramoty` : teksty` s predisl. i krat. obyasn. slovarem [The Novgorod and Pskov Judicial Charters: texts with a foreword and a brief explanatory dictionary] / sost. kand. prav A.B. Gintsburgom. Sankt-Peterburg: Tip. i lit. Bermana i Rabinovicha — compiled by candidate of laws A.B. Gintsburg. Saint Petersburg: Typolithography of Berman and Rabinovich, 1888. 41 s.

8. Pamyatniki drevne-russkogo zakonodatelstva : Russkaya pravda. Sudny`e gramoty` (Pskovskaya i Novgorodskaya). Sudebniki : s predvar. zamechaniyami i krat. slovarem [The Monuments of the Old Russian Laws : Russkaya Pravda. The (Pskov and Novgorod) Judicial Charters. Codes of Laws : with introductory remarks and a brief dictionary] / publikator Ya.G. Severskiy. Sankt-Peterburg : Kn. mag. A.F. Tsinkerlinga — published by Ya.G. Severskiy. Saint Petersburg : Bookshop of A.F. Tsinkerling, 1893. 128 s.
9. Slovar drevnerusskogo yazy`ka (XI–XIV vv.) [A Dictionary of the Old Russian Language (the XI to the XIV Century)] / gl. red. R.I. Avanesov. Moskva : AN SSSR : In-t rus. yaz., 1988. T. I — editor-in-chief R.I. Avanesov. Moscow : Academy of Sciences of the USSR : Institute of the Russian Language, 1988. Vol. I. 530 s.
10. Slovar drevnerusskogo yazy`ka (XI–XIV vv.) [A Dictionary of the Old Russian Language (the XI to the XIV Century)] / gl. red. R.I. Avanesov. Moskva : AN SSSR : In-t rus. yaz., 1991. T. IV — editor-in-chief R.I. Avanesov. Moscow : Academy of Sciences of the USSR : Institute of the Russian Language, 1991. Vol. IV. 559 s.
11. Yartykh I.S. Besplatnaya yuridicheskaya pomoshch: istoriya, mify` i realnost [Free Legal Aid: The History, Myths and Reality] / I.S. Yartykh // Aktualny`e problemy` rossiyskogo prava — Relevant Issues of Russian Law. 2015. № 12. S. 81–86.

Уважаемые авторы!

Рады сообщить, что вы можете самостоятельно в режиме реального времени получать информацию о статусе статей, направленных для опубликования в ИГ «Юрист». Для этого необходимо отправить с вашего электронного адреса письмо на autor-rq@lawinfo.ru, в теме письма должна быть указана только фамилия, без имени, отчества и др. Обращаем ваше внимание, что адрес для запроса статуса статей отличается от контактного электронного адреса редакции. Каждый автор может узнать статус только своих статей, направив запрос со своего электронного адреса.

В случае возникновения проблем с получением информации просим обращаться в редакцию.